

ISSN 2304– 960X

Инновационный Центр прикладных научных исследований
«РИМ Университет»

№ 2 (47)
АПРЕЛЬ-ИЮНЬ
2024

Современный Юрист

Международный научно–практический журнал

Издается с октября 2012 года

Журнал включен в систему РИНЦ

Москва

ISSN 2304– 960X

Innovation Center for applied scientific research
«RIM University»

№ 2 (47)
APRIL-JUNE
2024

The Modern Lawyer

International scientific– practical journal
SOVREMENNYJ ÛRIST
Published since October 2012

Moscow

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

Председатель совета:

Альбов А.П., д.ю.н., проф.

Зам. председателя:

Куприянова Л.М., к.э.н., доцент

Амосова О.С., к.ю.н.

Ананьева А.А., к.ю.н., доц.

Беликова К.М., д.ю.н., доц.

Ванин В.В., д.ю.н., доц.

Гирько С.И., д.ю.н., проф.

Головинская И.В., д.ю.н., доц.

Гришина Я.С., д.ю.н., доц.

Иванова С.А., д.ю.н., проф.

Капустин А.Я., д.ю.н., проф.

Кирпичев А.Е., д.ю.н., доц.

Кулаков В.В., д.ю.н., проф.

Курбатов А.Я., д.ю.н., проф.

Курчина А.С., к.ю.н.

Левушкин А.Н., д.ю.н., проф.

Назаренко Г.В., д.ю.н., проф.

Никифоров В.А., д.ю.н., проф.

Омелин В.Н., д.ю.н., проф.

Оспенников Ю.В., д.ю.н., доц.

Павликов С.Г., д.ю.н., проф.

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Попова Н.Ф., д.ю.н., проф.

Рожнов А.А., д.ю.н., доц.

Рубаник В.Е., д.ю.н., доц.

Ручкина Г.Ф., д.ю.н., проф.

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Суслова С.И., д.ю.н., доц.

Ульянова М.В., к.ю.н.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОВЕТ**

Лоренцо Меццасома —

Председатель — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Федерика Маццасетта —

Зам. председателя — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Джакомо Понгелли — Научный

редактор — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Джанмарко Чифальди, проф.,

Университет им. Д'Аннунцио, город
Пескара, Италия

Франческо Риццо, доцент кафедры

гражданского права, Университет
Камерино, Италия

Джованни Берти де Маринис,

адвокат, Италия

Агустин Луна Серрано, проф.

кафедры гражданского права,
Университет Барселоны, Испания

Евгенио Лямас Помпо, доктор

права, профессор, Университет
Саламанки, Испания

Перес– Серрабона Гонсалес,

доктор права, Университет Гранады,
Испания

Чирич Александр, доктор

юридических наук, проф.,

Факультет права, Университет Ниш,
Сербия

Деян Вучетич, доктор юридических

наук, доцент, Факультет права,

Университет Ниш, Сербия

Петер Поташ, доктор права,

Панъевропейская высшая школа,
Братислава, Словакия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Зам. главного редактора:

Куприянова Л.М., доцент,
директор Центра научно–
прикладных исследований «РИМ
Университет»

Ответственный редактор:

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
30 ноября 2011 г.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77– 47531

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

Ответственность за содержание
публикаций несут авторы.
Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов,
опубликованных в журнале,
допускается только с письменного
разрешения редакции.

Рукописи
авторам не возвращаются.

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
Современный Юрист
обязательна.

Внимание авторов!
Свои материалы направляйте по
электронной почте:
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал выходит
4 раза в год**

По вопросам редакционной
подписки обращаться по
электронной почте
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

© Коллектив авторов, 2024

© «РИМ Университет», 2024

Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год – 2.231.
Процентиль в рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год – 84.
229 – е место по тематике «Государство и право. Юридические науки» в
рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ
– 0,347. Двухлетний импакт– фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех
источников – 0,890. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий (ВАК), в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук. Решение Президиума ВАК от
01.12.2015 № 13– 6518 <http://perechen.vak2.ed.gov.ru> (ред. 01.02.2022 года).

«Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов»
В.И. Вернадский

Уважаемые читатели!

Стремительно развивающиеся общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности личности, общества и государства, современные социально значимые общественно-политические события, принятые руководством страны решения, побуждают наших авторов корректировать свои исследования, переосмысливать приоритеты и научные цели. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию на 2024 год, изданный главой государства Указ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», всемерное укрепление связей с Китайской Народной Республикой и другими дружественными странами, объявленный Год семьи несколько изменили содержание редакционного «портфеля» нашего журнала.

Номер открывается статьей *Ю.В. Зудова*, содержащей достаточно глубокий анализ советского законодательства о религии и церкви в 1940-е – 1980-е годы. Рубрика «Административное право» представлена обстоятельным научным трудом *А.А. Шкиперова и А.В. Иванущенко*, посвященным эволюции правового регулирования трансграничной электронной торговли Российской Федерации в условиях евразийской интеграции. В контексте рационального интегрирования правовых систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики заслуживает особого внимания работа *Е.А. Золотовской*, в которой автор раскрывает особенности гражданского процессуального законодательства этой дружественной нашей стране республике.

Одной из проблем градостроительного права как комплексной отрасли российского права является дискуссия о признании или непризнании решения о комплексном развитии территории в качестве нормативного правового акта. Достаточно убедительная аргументация по этому поводу предложена в статье *А.Н. Кучембаева и А.Ю. Нефедова*. В рубрике «Семейное право» *М.В. Ульяновой* продемонстрированы преимущества системного подхода к исследованию проблемы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. Проблемы развития правового режима специализированных жилых помещений как жилищного фонда публичных правоотношений проанализированы в статье *А.Р. Пурге*, предложены их правовые и организационные решения.

Трибуна молодого ученого на этот раз предоставлена аспиранту ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности» и магистранту юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Аспирант *Абрамов С.Б.* представил исследование, посвященное анализу форм и степени вины, характерные для причинения морального вреда при нарушении интеллектуальных прав. Магистрант *Кулажина А.О.* представила исследование международно-правовых основах сотрудничества Российской Федерации с международными экономическими организациями.

Желаем вам, уважаемые читатели, приятно провести время с журналом в руках!

С уважением и наилучшими пожеланиями,
главный редактор

Юрий Викторович Степаненко

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА

- Зудов Ю.В.* Советское законодательство о религии и церкви в 1940-е – 1980-е годы **8**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Шкиперов А.А.* Эволюция правового регулирования трансграничной электронной торговли Российской Федерации в условиях евразийской интеграции (часть первая) **22**
Иванущенко А.В.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Золотовская Е.А.* Особенности гражданского процессуального законодательства Китайской Народной Республики **42**

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Кучембаев А.Н.* Решение о комплексном развитии территории как нормативный правовой акт **58**
Нефедов А.Ю.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Ульянова М.В.* Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей: системный подход **76**

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Пурге А.Р.* Проблемы развития правового режима специализированных жилых помещений как жилищного фонда публичных правоотношений **97**

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Абрамов С.Б.* Формы вины при причинении морального вреда вследствие нарушения интеллектуальных прав **109**
Кулажина А.О. Международно-правовые основы сотрудничества Российской Федерации с международными экономическими организациями **116**

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF LAW

- Yury V. Zudov** Soviet legal regulation of religion and the Russian orthodox church in 1940s – 1980s **9**

ADMINISTRATIVE LAW

- Anton A. Shkiperov**
Alevtina V. Ivanushchenko Evolution of legal regulation of cross-border electronic commerce in the Russian Federation in the context of eurasian integration (part one) **23**

PROCEDURAL LAW

- Elena A. Zolotovskaya** Features of the civil procedure legislation of the people's republic of China **43**

URBAN PLANNING LAW

- Almaz N. Kuchembaev**
Andrey Y. Nefedov The decision on the complex development of the territory as a legal act **59**

FAMILY LAW

- Marina V. Ulianova** Exercising family rights and fulfilling responsibilities: a systematic approach **76**

HOUSING LAW

- Anna R. Purge** Problems of development of the legal regime of specialized residential premises as a housing stock of public legal relations **98**

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

- Stepan B. Abramov** Forms of guilt in connection to causing of moral damage due to violation of intellectual rights **110**
- Anastasia O. Kulazhina** The international legal framework for cooperation between the Russian Federation and international economic organizations **117**

Теория и история права

УДК 340, 34.03

JEL N30

ЗУДОВ Юрий Валерьевич

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, 125993, Россия

<https://orcid.org/0009-0003-1729-1799>

Зудов Юрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, г. Москва, Россия. Email: yury.zudov@mail.ru

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В 1940-е – 1980-е ГОДЫ

Аннотация

Предмет/тема. В данной статье рассматривается правовое регулирование отношений религиозных организаций и органов власти СССР в 1940-х – 1980-х годах.

Цели/задачи. Фокус статьи направлен на анализ правовых основ политики в религиозной сфере, а также соотношения юридических норм и правоприменительной практики в разные периоды существования Советского Союза.

Методология. Общенаучные методы содействовали анализу и синтезу исследуемой научной проблемы. С помощью диахронического анализа производится сравнение правовых актов в отношении религиозных организаций и их правоприменительной практики в СССР в различные периоды, а также акцентируется внимание на различиях между декларируемыми правовыми нормами и содержанием внутренних циркулярных писем органов власти. Проводится анализ того, как одни и те же правовые нормы по-разному интерпретировались и реализовывались в различные периоды советской истории.

Выводы. В статье системно представлены механизмы правового регулирования деятельности религиозных организаций, действовавшие на разных этапах развития советского законодательства: в довоенный период, после смягчения государственной политики в 1943 году, поздний сталинский период, а также в последующие годы, в правление Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. Выявляются ключевые различия между подходами к государственно-конфессиональным отношениям в рамках этих периодов. В рассмотренный период правовое регулирование сферы религии неоднократно подвергалось изменениям при сохранении общего антирелигиозного вектора.

Ключевые слова: *государственно-религиозные отношения, правовое регулирование, советское государство, нормативный акт, конфессиональная политика.*

Theory and History of Law

Yury V. Zudov, Candidate of History, Associate Professor, Department of State and Law History at Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.
Email: yury.zudov@mail.ru

SOVIET LEGAL REGULATION OF RELIGION AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1940s – 1980s

Annotation

Subject/topic This article examines the relationship between religious organizations and governmental authorities in the USSR from 1940s to 1980s within the framework of the legal field.

Goals/objectives The focus is on the development of legal foundations in the religious sphere, as well as the relationship between legal norms and enforcement practices during different periods of the Soviet Union's existence.

Methodology Based on a chronological analysis of normative acts, the legal foundations for control and interaction with religious organizations are determined. Through a diachronic analysis, a comparison is made between legal documents and enforcement practices in the USSR regarding religious organizations and their representatives during different periods, with a focus on the difference between declared legal norms and the issuance of internal circular letters within the relevant ministries responsible for religious organization control.

Conclusions A qualitative difference is revealed in the vector of interaction between Soviet authorities and the church before and after 1943. The article analyzes how the same legal norms could be implemented in completely different practices depending on the specific goals of local and supreme authorities. The article also discusses the mechanisms of legal regulation of religious organizations during different stages of the development of Soviet legislative and executive power. Key differences between approaches to state-religious relations during different periods of Soviet leadership are identified.

Keywords: *state-religious relations, church and state, Soviet state, legal acts, religious policy*

Советская идеология, основывающаяся на учении марксизма-ленинизма, опиралась на материалистическое мировоззрение, стремясь объяснить происхождение веры и религии [1, с. 418]. Религия в СССР с формальной точки зрения не находилась под запретом. Тем не менее с приходом большевиков к власти одним из первых был принят «Декрет о земле», касавшийся, в том числе, и церковных земель, которые переходили в пользование местных органов власти. Вскоре принятая Декларация прав народов России провозглашала отсутствие каких-либо привилегий и ограничений для национальных и религиозных групп. Чуть позже был издан «Декрет о браке», в котором брак выводился из-под церковной юрисдикции, объявлялся частным делом и освобождался от обязательных религиозных обрядов [2, с. 640].

В дальнейшем в 1918 году был принят декрет Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»,

основные положения которого играли важную роль в государственной политике в отношении религиозных организаций вплоть до последнего десятилетия XX века.

В 1918-1920 годах советская власть развернула кампанию по вскрытию мощей православных святых. Постановлением ВЦИК в 1922 году были установлены основания для изъятия церковного имущества у групп верующих [3, с. 250]. Однако уже в следующем, 1923 году специальная инструкция наделила НКВД и Наркомюст правом осуществлять регистрацию религиозных обществ, насчитывающих не менее пятидесяти человек, что предоставляло этим организациям возможность иметь свой устав и управлять несколькими молитвенными зданиями. При этом И.В. Сталин, занимавший на тот момент пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б), издал циркуляр с требованием запретить закрытие церквей и административные аресты, носившие выраженный антирелигиозный характер [4, с. 239].

При этом религиозным организациям было отказано в приобретении статуса юридического лица, что лишало их многих возможностей и усложняло легальное функционирование. Всероссийский съезд Советов в 1929 году внес изменения в статью 4 Конституции РСФСР, которая устанавливала равноправие религиозной и антирелигиозной пропаганды. Новая «сталинская» Конституция СССР 1936 года подтвердила право советских граждан на «свободу осуществления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды», одновременно указав на то, что все граждане имеют равные права вне зависимости от вероисповедания¹.

Начиная с 1928-1929 годов, политика партии в сфере регулирования государственно-церковных отношений может быть описана как крайне воинственная и нетерпимая по отношению к церкви [5, с. 165].

Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), созданное в составе Наркомпроса, в рамках своей деятельности по определению статуса архитектурных памятников истории и культуры в 1928 году разработало особые критерии классификации объектов культурного наследия, что позволило инициировать масштабную кампанию по сносу храмов, построенных после 1825 года - такие сооружения не признавались памятниками и не находились под охраной государства. Кроме того, вскоре Президиум ВЦИК утвердил возможность изъятия культовых зданий в пользу государства в случае их длительного неиспользования по назначению [6, с. 380]. В 1929 году ЦК ВКП(б) издал циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной борьбы» (под грифом «совершенно секретно»). Его издание фактически стало началом очередного периода антирелигиозной

¹ Постановление ЦК КПСС от 10.11.1954 «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

политики власти¹. Наконец, фундаментальным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность религиозных организаций в СССР, стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которое развило отдельные положения декрета 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Советское законодательство регулировало лишь базовые вопросы, связанные с государственно-церковными отношениями, в то время как все остальные аспекты заполнялись ведомственными актами и местным законодательством. Это неизбежно приводило к появлению коллизий и противоречий между различными правовыми актами; при этом отсутствие единого общесоюзного закона, определяющего основы свободы совести, являлось одной из главных причин фрагментарного и несистемного характера законодательства о религии и особенностей его правоприменения в предвоенный период.

В научных трудах период с 1943 по 1953 год рассматривается как этап, ознаменовавшийся определенной нормализацией взаимоотношений между государством и религиозными организациями [6, 7]. Тем не менее, эти трансформационные процессы практически не нашли своего законодательного оформления – основы правового регулирования, заложенные ранее, продолжали действовать с минимальными дополнениями в виде разного рода административных распоряжений. Это объясняется тем, что руководящие органы страны, вынужденно отказавшись от политики непримиримой враждебности по отношению к религии, перешли к постепенному управляемому возрождению религиозной жизни под жестким государственным контролем. Этот процесс проявился в создании в 1943 году Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов в 1944 году, основной задачей которых стали посреднические функции между властью и представителями различных религиозных организаций, разработка регламентирующих правовых актов и надзор за соблюдением законодательства о культах на всей территории СССР.

В годы Второй мировой войны Советское государство разрешило установление и правовое оформление взаимодействия между органами государственной власти и религиозными организациями. Развитие законодательства в сфере регулирования религиозных вопросов отражало происходившие в реальной жизни изменения положения и характера религиозной активности различных конфессий на территории СССР [7, с. 312]. В 1945 году в Москве прошел Поместный собор Русской православной церкви, который сыграл значимую роль в дальнейшем развитии и совершенствовании церковно-правовой нормативной базы, а

¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / отв. ред. В. А. Болдырев. М.: Госюриздат, 1959. Т. 1. С. 602.

также канонических установлений православия. В этот период было подготовлено Положение об управлении Русской православной церковью, призванное четко регламентировать организационную структуру и административное устройство РПЦ. Его разработка осуществлялась путем тесного взаимодействия и согласований с новосозданным Советом по делам РПЦ, чьи решения и указания носили обязательный характер для всех без исключения церковных иерархов и приходов. При этом постепенное ужесточение контроля со стороны государственных органов за внутренней жизнью церкви имело целью обеспечить более эффективные механизмы влияния на ее деятельность со стороны атеистического государства.

Важную роль в формировании политики Советского государства в религиозной сфере играли результаты всеобщих переписей населения и исследований, которые позволяли партийной элите получать актуальную информацию о конфессиональном составе и религиозных предпочтениях различных категорий граждан страны.

Для достижения компромиссного примирения и установления взаимодействия с государственной властью церковная иерархия вынужденно шла на многочисленные уступки и соглашалась с такими условиями, как активное участие государства в вопросах кадрового назначения и продвижения, в официальном прославлении и восхвалении руководителей высшего звена, содействие реализации внешнеполитических планов и инициатив советского руководства.

Проблемы правоприменения в религиозной сфере в первую очередь существовали на двух основных уровнях. Первый уровень был напрямую связан с серьезными внутренними противоречиями и несогласованностью общей правовой политики советского государства, которые выражались, в частности, в отсутствии системности и преемственности в законодательном регулировании данной области, жестких и зачастую необоснованных ограничениях, а также явном нежелании светской власти налаживать конструктивное взаимодействие и сотрудничество с православным сообществом, сопровождавшимся вмешательством в каноническую сферу [8, с. 77]. Второй уровень был обусловлен недостаточной квалификацией и профессионализмом значительной части кадровых работников советского государственного аппарата, что порождало серьезные внутренние противоречия и сложности при практической реализации законодательства, призванного регулировать жизнедеятельность религиозных общин на местах. Все это неизбежно привело к массовому распространению неправовых форм государственно-церковного взаимодействия и масштабным судебным репрессиям в отношении духовенства и наиболее активных мирян на начальном этапе становления советского строя.

В Положении об управлении Русской православной церкви принципиально не предусматривалось создание и функционирование

Высшего церковного совета как коллегиального органа, наделяемого реальными полномочиями и компетенциями в рамках общей организационной структуры и системы управления РПЦ. Тем не менее оно заложило правовой фундамент и принципы функционирования иерархической структуры и системы управления РПЦ на длительную перспективу.

Этот документ детализировал и регламентировал права, обязанности и полномочия епископа, являющегося ответственным за управление вверенной ему епархией. Среди новаций было установление исключительного права только самого епископа осуществлять прямое взаимодействие с уполномоченными органами власти по всем вопросам, которые касались жизни епархии. Среди этих вопросов было открытие учебных заведений для духовенства, храмов и молитвенных домов для создаваемых и действующих приходских общин. В эту управленческую иерархическую структуру не входили викарные епископы – они таким образом лишь временно замещали правящего архиерея в случае необходимости и не имели рычагов управления. Был по требованию властей упразднен как таковой церковный суд (высшая судебная функция упоминалась лишь в применении к Поместному собору), полностью отменено введенное решениями Собора 1917 – 1918 годов широкое самоуправление на приходском уровне. Единственным коллегиальным органом епархии оставался епархиальный совет, который состоял лишь из священнослужителей, не обладавший какими-либо серьезными полномочиями и обязанный содействовать правящему епископу в управлении епархией.

Были предусмотрены положения о деятельности благочиннических округов во главе с назначаемыми правящим епископом благочинными, которые доводили до духовенства его распоряжения и осуществляли текущий контроль за деятельностью приходов. В то же время, с учетом действовавших ограничений, эти нормы фактически остались невостребованными и не реализованными на практике. Столь существенное сокращение объема и полномочий епархиального управления явилось закономерным следствием проводимой советским государством жесткой антирелигиозной политики, а также вынужденного стремления церковной иерархии сохранить и поддержать целостность и единство общецерковной структуры в складывавшихся непростых условиях. Более того, само Положение предусматривало крайне ограниченный перечень официально допустимых и признаваемых источников доходов приходских общин, таких как тарелочный сбор, взносы верующих на просфоры и свечи, а также добровольные пожертвования прихожан исключительно на нужды и содержание храма, в то время как религиозные объединения были существенно ограничены и в осуществлении полноценных гражданских прав, в том числе и в вопросах

получения материальной поддержки и помощи от местных органов власти.

Сравнительный анализ государственно-церковных отношений демонстрирует, что повышенное внимание государственных органов в значительно большей степени касалось высших эшелонов церковной иерархии, а не отдельных (тем более сельских) приходских общин. Это, в свою очередь, способствовало более органичной и тесной интеграции сельского духовенства в повседневную жизнь и уклад своих прихожан. На протяжении некоторого ограниченного периода времени даже независимые сельские приходские организации сохраняли возможность обеспечивать относительное материальное благополучие и стабильное содержание своих непосредственных служителей культа.

Специальным указом в 1943 году было предусмотрено обложение подоходным налогом не только непосредственно духовенства, но и всех лиц, занимавших различные должности в религиозных организациях, равно как и всех трудоустроенных на договорной основе в рамках религиозных объединений. В 1945 году православное духовенство, принявшее монашеский постриг, было полностью освобождено от необходимости уплаты ставшего к тому времени обязательным налога на холостяков, одиноких граждан и неполные семьи.

Знаковым событием 1944 года стало возвращение церковным советам, равно как и всем структурным подразделениям Московской патриархии, включая епархиальные управления, права открывать банковские счета в финансово-кредитных учреждениях на основании специального циркулярного распоряжения заместителя Председателя СНК СССР, что имело важное практическое значение для обеспечения бесперебойного финансирования текущей деятельности и развития РПЦ в тот период. Это отчасти указывало на имущественную обособленность Московской патриархии, однако при этом у церкви по-прежнему отсутствовал полноценный юридический статус.

В послевоенные годы постановление 1929 года практически не соблюдалось, хотя и не было отменено, и процесс возобновления приходской жизни в этот период характеризовался чрезвычайной длительностью и бюрократической сложностью. Согласно действовавшим инструкциям группа местных жителей – совершеннолетних избирателей, насчитывающая не менее 20 человек, была обязана направлять в соответствующие органы власти ходатайства, которые тщательно проверялись уполномоченными лицами, принимавшими решения. Отказ мог быть получен на любом этапе этой процедуры, однако заявители имели право обжаловать решение в вышестоящих инстанциях. Открытие и возобновление деятельности православных храмов и молитвенных домов в послевоенные годы на территории Советского Союза находилось в непосредственной зависимости от соблюдения и выполнения целого ряда строго регламентированных условий и требований, которые включали в

себя такие обязательные критерии, как минимальная удаленность ближайшего действующего храма на расстояние не менее 7 километров, наличие официально зарегистрированной религиозной общины верующих, способной организовать и обеспечить сбор значительных добровольных пожертвований и материальных средств на восстановление разрушенных в годы войны населенных пунктов и городов, а также безусловное доказательство незаконности предшествующего административного решения о закрытии конкретного храма без согласия и волеизъявления самих прихожан в 1930-е годы. Весь бюрократический процесс получения необходимого разрешения и согласования на возобновление деятельности храма в среднем занимал от двух до трех лет, отсчитываемых с момента первоначальной подачи соответствующего ходатайства.

В то же время наиболее благоприятным и относительно свободным от ограничений периодом для открытия и восстановления храмов на всей территории Советского Союза стали 1947 – 1948 годы, когда, по имеющимся историческим данным и архивным сведениям, практически все поданные верующими ходатайства и прошения были удовлетворены и получили положительное разрешение [6, с. 380]. Однако уже начиная с ноября 1948 года и вплоть до самой смерти И.В. Сталина, в СССР не открывались новые храмы и приходы, как православные, так и относящиеся к другим религиозным объединениям. Так, в 1948 году Совет по делам религиозных культов издал особую директиву, которая прямо запрещала местным органам власти регистрировать новые религиозные общины [9, с. 213].

При этом антирелигиозная политика советского государства продолжала осуществляться посредством издания разного рода внутренних ведомственных инструкций и циркулярных распоряжений.

Существенный поворот в государственно-церковных отношениях произошел в период руководства страной Н.С. Хрущевым, когда на смену административному давлению на верующих пришла более масштабная идеологическая атеистическая пропаганда, что было связано с поставленной задачей ускоренного построения в СССР материально-технической базы коммунизма, не требовавшей, по мнению советского руководства, религиозного мировоззрения [10, с. 400].

Ключевым нормативным документом, определившим новые акценты и направления политики СССР в сфере религии, стало постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»¹. Помимо прочего, в постановлении рекомендовалось всем ответственным органам осуществлять атеистическую пропаганду и вести антирелигиозную работу на систематической основе. При этом

¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР / отв. ред. В. А. Болдырев. М.: Госюриздат, 1959, Т. 1.

основным методом этой работы называлось последовательное убеждение, терпеливое объяснение материалистической картины мира. Отдельно говорилось о том, что в ходе просветительской работы с верующими необходимо применять индивидуальный подход¹. Организации КПСС, комсомола, Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 года – Всесоюзное общество «Знание») и иные организации всех уровней были обязаны развернуть настоящую целенаправленную пропагандистскую атаку и наступление на так называемые «религиозные остатки» и пережитки среди советских граждан. Одновременно государство поручило своим учреждениям и ведомствам провести целый комплекс разнообразных административных мер, в первую очередь нацеленных на ужесточение общих условий существования и функционирования различных религиозных сообществ и организаций [11, с. 83].

При этом представители высшего руководства Московской патриархии получили возможность присутствовать на различных официальных приемах в высших органах государственной власти и непосредственно общаться с ключевыми руководителями страны, высказывая свои предложения и ходатайства, а в 1956 -1957 годах даже были приняты специальные решения о передаче церкви ряда важнейших исторических храмовых комплексов и сооружений.

Постановление ЦК КПСС от 11 марта 1959 г. «О массовой политической работе» предоставило государственным органам и общественным организациям дополнительные возможности и полномочия для продолжения активной антирелигиозной пропагандистской деятельности среди населения, направленной на воспитание граждан в духе коммунистической идеологии, причем данная антирелигиозная кампания осуществлялась по двум основным направлениям - внутреннему, ориентированному на постепенное разрушение структуры и организации РПЦ изнутри, и внешнему, сфокусированному на усилении масштабной идеологической обработки широких слоев общества [12, с. 64].

В 1959 году в соответствии с четкими указаниями и предписаниями, полученными и доведенными до сведения высшего руководства Московской патриархии Советом по делам Русской православной церкви, церковная иерархия была фактически вынуждена пойти на упразднение сразу нескольких епархиальных управленческих структур, а также на принудительное закрытие целого ряда монастырей и православных храмов по всей стране, в то время как перед региональными и местными партийными организациями была поставлена конкретная стратегическая задача по полному и окончательному освобождению сознания и

¹ Постановление ЦК КПСС от 10.11.1954 «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»

мировоззрения советских граждан от любых религиозных пережитков и предрассудков в течение предстоящих 12-17 лет в рамках реализации ключевых программных установок и директив КПСС.

В продолжение этого процесса постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по пресечению нарушений духовенством Советского законодательства о культах» фактически отменило ранее существовавшие права и полномочия приходских общин верующих в вопросах управления церковным имуществом и денежными средствами. Эти ключевые полномочия были переданы под единоличное усмотрение и контроль непосредственно настоятелей приходов. Еще через год, 16 января 1961 г., Совет Министров СССР издал дополнительное постановление «Об усилении контроля над деятельностью церкви», которое, по сути, свело на нет практически все ранее принятые в 1940-е годы правовые документы, регулировавшие данную сферу.

Следует особо отметить, что к 1960 году Хрущев уже обладал настолько устойчивым политическим положением, что смог развернуть масштабную кампанию и наступление непосредственно против Русской православной церкви, в результате которой к 1964 году она, по различным данным, утратила около двух третей своего прежнего организационного состава.

В учетных планах уполномоченных советских органов на 1964 год указывалось на необходимость проведения совместно с исполкомами районных Советов депутатов трудящихся и районными комитетами партии детального обследования населенных пунктов, где в течение длительного времени не проводилось богослужений из-за отсутствия священнослужителей, а также тех районов, где, по оценке властей, финансовое положение религиозных организаций свидетельствовало об утрате ими поддержки со стороны населения, с тем чтобы после этого безотлагательно решить вопрос о снятии с регистрации соответствующих религиозных общин.

Результаты проведенной реформы системы приходского управления оказались негативными для Русской православной церкви – священнослужители были фактически низведены до положения «служителей культа», принимаемых на работу в качестве наемных сотрудников исполнительными органами приходских общин и, соответственно, подлежащих увольнению по решению тех же структур, в то время как так называемый «единовременный учет» церковного имущества и приходов способствовал установлению практически тотального контроля властей над всеми внутрицерковными процессами. Полномочия епархиальных архиереев над приходами были существенно ограничены, после отстранения священнослужителей от должности сами общины переходили под непосредственный надзор государственных регистрирующих органов, что в свою очередь повсеместно приводило к закрытию религиозных учреждений под любыми предлогами.

В 1962 году Президиум Верховного Совета РСФСР внес существенные изменения в постановление 1929 года «О религиозных объединениях» [13]. Но поскольку этот акт был преднамеренно засекречен, это давало возможность властям и компетентным органам привлекать верующих к различным видам юридической ответственности, в том числе и уголовной, по непрозрачным статьям, сохраняя при этом многоступенчатую систему регистрации религиозных объединений, введенную еще в 1943 году.

Хотя Верховный Совет РСФСР в 1966 году специально указал, что к уголовной и административной ответственности за несоблюдение законодательства о религии необходимо привлекать лишь самых «злостных» нарушителей, аресты и преследования продолжались.

Тем не менее, после отстранения Н.С. Хрущева от власти в СССР началась постепенная переоценка политики жестких государственных преследований верующих, поскольку практика насильственного подавления религиозности оказалась в конечном счете неэффективной, подорвав лояльность значительной части населения и вызвав сочувствие даже у тех граждан, которые сами не исповедовали никакой религии. Положение религиозных групп и объединений несколько улучшилось в период правления Л.И. Брежнева [8, с. 77], когда был создан единый государственный орган контроля за деятельностью религиозных организаций, но новая Конституция СССР 1977 года сохранила доминирующее положение атеистической идеологии.

В 1988 году Поместный собор Русской православной церкви, не встречая сопротивления со стороны властей, принял решение восстановить в епархиях Епархиальные собрания, которые становились высшим епархиальным органом, оказывающим епископу содействие в управлении епархией. Он должен был формироваться не только из священнослужителей, но также включать и мирян.

Также в качестве совещательных органов при правящем архиерее были учреждены Епархиальные советы. Они состояли не менее чем из четырех представителей духовенства, из них одна половина назначалась епископом, а другая ежегодно избиралась Епархиальным собранием [11, с. 87].

На момент проведения собора РПЦ все еще находилась в условиях действия дискриминационного постановления 1929 года, однако уже к 1990 году ситуация принципиально изменилась. Верховным Советом РСФСР были последовательно приняты законы «О свободе вероисповеданий» и «О свободе совести и религиозных организациях», отменившие прежние правовые ограничения [11, с. 88].

Таким образом, с 1943 года советская власть пыталась не столько подавить и искоренить религиозные организации (и, в частности, Русскую православную церковь), сколько найти возможности для взаимодействия. При этом юридически, экономически, социально и политически церковь оставалась в угнетенном положении до самого конца советской эпохи.

Также смена вектора от физической борьбы с религией на борьбу преимущественно идеологическую повлекла и некоторые изменения в методах работы. Уголовные преследования на основании религиозного законодательства становятся исключением, а не правилом, даже несмотря на периоды охлаждения государственно-церковных отношений (в период правления Н.С. Хрущева или в первые годы правления Л.И. Брежнева). В целом, вместо сокращения количества верующих государство постепенно пришло к стремлению увеличить количество неверующих, что повлекло за собой не только изменения в правоприменении существовавших правовых норм, но также и необходимость создания новых.

Несмотря на жесткую антирелигиозную политику на этапах становления и укрепления советской власти, которая проводилась административным путем через реализацию внутренних циркуляров на местах, во время Великой Отечественной войны Советская власть стала рассматривать РПЦ и другие религиозные группы не как объект правовых отношений, которого следует ущемлять в правах, а как субъекта, с которым необходимо взаимодействовать, пусть и продолжая осуществлять контроль.

Тем не менее в послевоенный период продолжалась борьба с религиозными организациями административными методами. Вектор антирелигиозной политики сменился в период правления Н. С. Хрущева, когда антирелигиозная повестка с одной стороны смягчилась, перейдя от дискредитации и использования рычагов давления, как это было в сталинский период, к проведению пропагандистской политики, которая ставила своей целью системное привитие гражданам нерелигиозного мировоззрения (путем методичного и последовательного разъяснения и распространения естественно-научных знаний).

Но уже с 1958 года государство вновь начинает использовать административные рычаги воздействия, а также выпускает постановления, ущемляющие религиозные группы и экономически, и юридически.

Религиозная политика периода Л. Брежнева в действительности лишь продолжает вектор, намеченный Н. Хрущевым, через регламентацию религиозной жизни с использованием административных механизмов, причем скорее декларативно, чем фактически.

С приходом к власти М.С. Горбачева официально взаимоотношения государства и церкви оставались прохладными, но по мере проведения политики перестройки в 1988-1990 годах происходит переход от пропаганды атеизма и материализма к сотрудничеству с религиозными организациями.

Отменяется норма о принадлежности молитвенных сооружений государству, заключенным разрешается совершать религиозные обряды, а священнослужителям, в свою очередь, эти обряды для них проводить. Наконец, государство перестает финансировать пропаганду атеизма.

Впоследствии в РСФСР это приведет к принятию закона «О свободе вероисповеданий», который и поставит точку в вопросе антирелигиозной политики, официально отменив декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Список источников:

1. Ленин (1909) – Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.): в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 17. С. 418.

2. Далк (1957) – Далк С. Н. Декреты Советской власти: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 640.

3. Кривов (1997) – Кривов Н. А. Власть и Церковь в 1922 - 1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. С. 250.

4. Московведение: История столицы: учеб. метод. пособие / под ред. А. А. Романова. М.: Советский спорт, 2006. С. 239-240.

5. Петюкова (2011) – Петюкова О. Н. Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917-1945 годах: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01/ О.Н. Петюкова. М., 2011.

6. Васильева (2004) – Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М.: Лепта, 2004. С. 380.

7. Одинцов (2002) – Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., РОИР, 2002. С. 312.

8. Александров (2022) – Александров К. За антисоветскую агитацию и пропаганду // Дилетант. 2022. № 73. С. 77.

9. Юнусова (1999) – Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. С. 213.

10. Шкаровский (1999) – Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., Крутицкое патриаршее подворье, 1999. С. 400.

11. Чумаченко (2014) – Чумаченко Т. А. Государство и Русская православная церковь в 1958-1964 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Право. 2014. № 19 (348), вып. 39. С. 82-90.

12. Шадрина (2019) – Шадрина А. В. Основные направления и методы советской антирелигиозной политики 1958-1960-х гг. (на примере православных приходов Ростовской области) // Научная мысль Кавказа. 2019. № 4. С. 62-69.

13. Одинцов (2014) – Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 424.

References:

Lenin (1909) – Lenin V. I. On the Workers' Party Attitude Towards Religion [Ob otnoshenii rabochej partii k religii (13 (26) maja 1909 g.)]: v 55 t. Moskva, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, T. 17, 418 p.

Dalk (1957) – Dalk S. N. Soviet Date Decrees [Dekrety Sovetskoj vlasti]: v 2 t. Moskva, Politizdat, 640 p.

Krivov (1997) – Krivov N. A. State and Church in 1922 – 1925. Politburo

and GPU Fight for the Church Treasures and Political Subordination of the Clergy [Vlast' i Cerkov' v 1922 - 1925 gg. Politburo i GPU v bor'be za cerkovnye cennosti i politicheskoe podchinenie duhovenstva]. Moskva, AIRO-HH, 250 p.

Petyukova (2011) – Petyukova O. N. Legal Forms of Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in 1917-1945 [Pravovye formy otnoshenij sovetskogo gosudarstva i Russkoj pravoslavnoj tserkvi v 1917-1945 godah: dissertatsija doktora juridicheskikh nauk]. Moskva, 494 p.

Vasiljeva (2004) – Vasilyeva O. Ju. Russian Orthodox Church and Vatican II [Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i Vtoroj Vatikanskij Sobor]. Moskva, Lepta, 380 p.

Odincov (2002) – Odincov M. I. Russian Orthodox Church in the XXth Century: the History of Relationships with State and Society [Russkaja pravoslavnaja cerkov' v XX veke: istorija, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshhestvom]. Moskva, ROIR, 312 p.

Aleksandrov (2022) – Aleksandrov K. For Anti-Soviet Campaign and Propaganda [Za antisovetskiju agitaciju i propaganda]. Diletant. no. 73, 77 p.

Junusova (1999) – Junusova A. B. Islam in Bashkortostan [Islam v Bashkortostane]. Ufa, Ufimskij poligrafkombinat, 213 p.

Shkarovskij (1999) – Shkarovskij M. V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: State-Church Relations in the USSR in 1939-1964 [Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushheve (gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godah)]. Moskva, Krutickoe patriarshee podvor'e, 400 p.

Chumachenko (2014) – Chumachenko T. A. The State and the Russian Orthodox Church in 1958-1964: a New Political War Against Religion, Church, and Believers [Gosudarstvo i Russkaja pravoslavnaja cerkov' v 1958-1964 godah: novaja politicheskaja vojna s religiej, cerkov'ju i verujushhimi]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no 19, 82-90 pp.

Shadrina (2019) – Shadrina A. V. The Key Directions and Methods of the Soviet Anti-Religious Policy in 1958s-1960s (the Example of Rostov Region) [Osnovnye napravlenija i metody sovetskoj antireligioznoj politiki v 1958-1960-h gg. (na primere pravoslavnyh prihodov Rostovskoj oblasti)]. Nauchnaja mysl' Kavkaza, no. 4, 62-69 pp.

Odincov (2014) – Odincov M. I. Russian Orthodox Church Before and During Stalin's Socialism Epoch [Russkaja pravoslavnaja cerkov' nakanune i v jepohu stalinskogo socializma. 1917-1953 gg]. Moskva: Politicheskaja jenciklopedija, 424 p.

Административное право

УДК 342.92

JEL: K33

ШКИПЕРОВ Антон Александрович¹

¹ Ассоциация судовладельцев рыбопромыслового флота (АСРФ), ул. Трубная, д. 12, Москва, 107045, Россия.

¹ Ассоциация деловых партнеров в сфере внешнеэкономической деятельности (АПД ВЭД), ул. Суцевский Вал, д. 16, Москва, 127018, Россия.

¹ ООО МСП «ОПОРА РОССИИ», пер. 2-й Самотёчный, д. 7, Москва, 127473, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-0411-6513>

¹ Шкиперов Антон Александрович – помощник президента Ассоциации судовладельцев рыбопромыслового флота (АСРФ), советник генерального директора Ассоциации деловых партнеров в сфере внешнеэкономической деятельности (АПД ВЭД), член Комитета по таможенным вопросам ООО МСП «ОПОРА РОССИИ»

E-mail: shkiperov@fsarf.ru

ИВАНУЩЕНКО Алевтина Викторовна²

² ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Комсомольский проспект, д. 4, Московская область, г. Люберцы, 140015, Россия.

<https://orcid.org/0009-0006-1899-4316>

² Иванущенко Алевтина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенных платежей Российской таможенной академии, Москва, Россия. E-mail: av.ivanushenko@customs-academy.ru

Научный консультант: Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия; профессор кафедры теоретико-правовых дисциплин и международного права Российской таможенной академии, Москва, Россия. E-mail: aapb2@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ (часть первая)**

Аннотация

В настоящей статье исследуется правовое регулирование трансграничной электронной торговли в Российской Федерации в условиях евразийской интеграции, рассматриваются проблемы становления, функционирования и развития данного института и предлагаются пути его совершенствования.

Предмет/тема. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с осуществлением трансграничной электронной торговли в Российской Федерации, в условиях евразийской интеграции.

Цели/задачи. Целью настоящей статьи является выявление особенностей эволюции правового регулирования трансграничной электронной торговли, обоснование необходимости становления и развития института трансграничной электронной торговли в системе норм таможенного права,

выявление на основе результатов проведенного анализа, а также международных стандартов и практики существующих и перспективных проблем регулирования трансграничной электронной торговли и выработка предложений по их решению.

Методология. Методологический аппарат составляют специальные методы научного познания, характерные для юриспруденции: исторический, теоретико-прогностический, сравнительно-правовой метод, формально-юридический, системно-структурный, правового моделирования, а также общие методы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация, обобщение и др.

Выводы. Выявлены особенности эволюции правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации в условиях ЕАЭС, обозначены ключевые проблемы совершенствования регулирования данного института и сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: *правовое регулирование, трансграничная электронная торговля, товары электронной торговли, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, евразийская интеграция.*

Administrative law

¹ **Anton A. Shkiperov**, Assistant to the President of the Fishery Shipowners Association (FCA);

¹ Adviser to the General Director of the Association of Business Partners in the Sphere of Foreign Economic Activity (ABP FEA);

¹ Member of the Customs Affairs Committee of «OPORA RUSSIA», Moscow, Russia. E-mail: shkiperov@fsarf.ru

² **Alevtina V. Ivanushchenko**, PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Customs Payments of the Russian Customs Academy, Moscow, Russia. E-mail: av.ivanushenko@customs-academy.ru

*Scientific consultant: Alexey P. Albov, Doctor in Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Russian Customs Academy, Moscow, Russia.
E-mail: aap62@yandex.ru*

EVOLUTION OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER ELECTRONIC COMMERCE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION (part one)

Annotation

The present article examines the legal regulation of cross-border electronic commerce in the Russian Federation in the context of Eurasian integration, examines the problems of the formation, functioning and development of this institution and suggests ways to improve it.

Subject/topic Legal regulation of public relations related to the implementation of cross-border electronic commerce in the Russian Federation in the context of Eurasian integration

Goals/task The purpose of the present article is to identify the features of the evolution of legal regulation of cross-border electronic commerce, substantiate the need for the establishment and development of the institution of cross-border

electronic commerce in the system of customs law norms, identify existing and perspective problems of regulation of cross-border electronic commerce based on the results of the analysis, as well as international standards and practices, and develop proposals for their solution.

Methodology The methodological apparatus consists of special methods of scientific cognition characteristic of jurisprudence: historical, theoretical-prognostic, comparative legal method, formal legal, systemic-structural, legal modeling, as well as general methods of scientific cognition: abstraction, induction, deduction, hypothesis, analogy, synthesis, typology, classification, systematization, generalization and others.

Results/Conclusions The features of the evolution of the legal regulation of cross-border electronic commerce in the Russian Federation in the conditions of the EAEU are revealed, the key problems of improving the regulation of this institution are identified and proposals for their solution are formulated.

Keywords: *legal regulation, cross-border electronic commerce, electronic commerce goods, Customs Code of the Eurasian Economic Union, Eurasian integration.*

Предпосылки возникновения электронной торговли появились еще в 40-х годах XIX века («телеграфные банковские переводы»), а наиболее близкий к современному прообраз электронной торговли как новой и перспективной формы осуществления экономической деятельности – в 1960-х годах (внедрение системы бронирования авиабилетов) [1]. К концу 20 века в связи с наличием широкого круга благоприятных экономических и иных факторов, высоким потенциалом и преимуществами такой формы осуществления хозяйственной деятельности масштабы электронной торговли перестали ограничиваться рамками отдельных компаний и государств, делая электронную торговлю явлением международного характера, темпы развития которого стали опережать темпы развития мировой торговли в целом [3]. Всемирная таможенная организация (ВТамО) назвала трансграничную электронную торговлю «новым драйвером роста мировой торговли» («a new engine of global economic growth»)¹ При этом отмечалось, что «рост трансграничной электронной торговли в некоторых случаях опережал разработку и принятие соответствующих законов для эффективного регулирования такой торговли».²

Вслед за развитием трансграничной электронной торговли внимание международного сообщества было обращено к проблемам ее регулирования, что нашло выражение в принятии ряда документов (Декларация о глобальной электронной коммерции (май 1998, Конференция министров (Женева), Типовой закон об электронной торговле (ЮНИСТРАЛ, 1996) и др.), позволивших выделить «нормы по вопросам

¹ Framework of Standards on Cross-Border E-Commerce, WCO, 2022.

² Официальный сайт Всемирной таможенной организации. Электронный ресурс: <https://www.wcoomd.org>.

электронной торговли в отдельный сегмент международного права» [10].

Одной из основных проблем в области регулирования трансграничной электронной торговли стало и продолжает оставаться в настоящее время наличие различных подходов к пониманию и определению понятия «международная электронная торговли» на уровне как международных организаций, так и отдельных стран. ВТамО выделяет ряд общих существенных признаков данной формы международной торговли:¹

- осуществление заказа, покупки товара, обмена соответствующей информацией посредством сети Интернет, а также аналогичным образом – оплаты (в случае необходимости);
- международный (трансграничный) характер сделки и поставки;
- материальная форма товара;
- получателем товара выступает физическое лицо (независимо от дальнейшей цели использования товаров – в коммерческих целях или для личного пользования).²

Активное совершенствование правового регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации началось позднее, в начале 2019 г., и обуславливалось следующими причинами.

Во-первых, недостаточным налогообложением электронной торговли и бюджетными потерями соответственно (в 2018 году отмечалось, что «оборот трансграничной торговли составил 504 млрд. рублей», при этом «налоговая нагрузка составила 0,06% и принесла в бюджет 0,326 млрд рублей при доле в общем объеме интернет-торговли 30,4%», однако в то время в равных условиях эта сумма «составила бы 120,9 млрд рублей, что в 371 раз больше» фактических поступлений).

Во-вторых, вытеснением с рынка электронной торговли национальных ритейлеров вследствие существования неравных и дискриминационных конкурентных условий («объем трансграничной электронной торговли с 2010 по 2017 год в совокупном объеме электронной коммерции вырос с 8% до 36%. В 2010 году российские компании в сфере интернет-торговли занимали прочное положение, их доля на этом рынке составляла 92%. В 2018 году по причине неравных конкурентных условий осуществления торговли доля снизилась до 69,6%») [2].

В-третьих, необходимостью вследствие уникальной специфики трансграничной электронной торговли разработки качественно новых подходов к её таможенному административно-правовому регулированию, в том числе в части автоматизации выпуска товаров, совершения иных таможенных операций и осуществления таможенного контроля, взимания

¹ Framework of Standards on Cross-Border E-Commerce, WCO, 2022

² В соответствии с изменениями, предусмотренными протоколом от 25 декабря 2023 г. «О внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, товары электронной торговли после их выпуска не должны использоваться в коммерческой деятельности.

таможенных платежей.

В-четвертых, сложностью осуществления статистического учета в отношении товаров, перемещаемых в рамках трансграничной электронной торговли. Такая проблема наблюдается и на фундаментально-правовом уровне. В целях учета объемов трансграничной электронной торговли ФТС России помимо МПО также включает и перемещение экспресс-грузов в адрес физических лиц, а количественное измерение таких отправок измеряется в МПО. При этом такой подход вступает в фундаментальное противоречие с нормами таможенного права (в соответствии с подпунктом 52 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС экспресс-груз – «товар, перевозимый в рамках скоростной перевозки транспортом любого вида с использованием электронной информационной системы организации и отслеживания перевозок в целях доставки этого товара до получателя в соответствии с индивидуальной накладной в течение минимально возможного и (или) фиксированного промежутка времени, за исключением товара, пересылаемого в международных почтовых отправлениях») [1]. Аналогичного подхода к учету отправок придерживается и АО «Почта России».

В-пятых, отнесение МПО, несмотря на тенденцию авторегистрации и автовыпуска, к товарам повышенного риска нарушения таможенного законодательства. В частности, трансграничная электронная торговля характеризуется такими негативными проявлениями, как «отсутствие достоверной информации о поставщике», «распространение некачественной контрафактной продукции», наличие «мошеннических и вводящих в заблуждение практик» и др.¹ В отношении МПО проводится не только «стандартный» таможенный контроль, но и нередко – специальные таможенные операции и проекты, в том числе международного уровня, проводимые ежегодно и направленные на пресечение таможенных правонарушений «на канале международных почтовых отправок».²

ФТС России указывала, что «значительный рост международной электронной торговли показал необходимость регулирования данного процесса актами законодательства, в том числе совершенствования имеющихся норм по результатам правоприменительной практики».³ Исследователями также отмечалось, что «действующего таможенного законодательства уже недостаточно для современного и полноценного регулирования вопросов трансграничной электронной торговли» [9].

В 2023 г. в рамках трансграничной электронной торговли количество оформленных таможенными органами международных почтовых

¹ Пульс мирового рынка электронной коммерции в условиях пандемии COVID-19. М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 20 с.

² Там же.

³ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2020 году.

отправлений составило 84 млн шт.¹ Несмотря на ежегодное снижение такого количества в среднем на 30% за последние 5 лет (см. Рис. 1,2) «объёмы интернет-торговли сохраняются на высоком уровне». ² При этом причины такого снижения весьма различны – от влияния «эпидемиологической обстановки» до «консолидации нескольких отправок в одно в целях снижения логистических издержек». ³⁴

Рисунок 1 – Рынок электронной торговли в Российской Федерации: национальный и международный сегменты, млрд руб./ The e-commerce market in the Russian Federation: national and international segments, billion rubles.

Источник: Официальный сайт Ассоциации компаний интернет-торговли [<https://akit.ru/analytics/analyt-data>]

Наибольшую долю среди товаров, пересылаемых в МПО в рамках международной электронной торговли, за последние годы занимают одежда и обувь, а также товары для дома и хобби. Отправления осуществляются преимущественно в посылках, мелком пакете и EMS (Express Mail Service), весом до 2,5 кг – у юридических лиц, и до 3,5 кг – у физических лиц. Из Российской Федерации МПО отправляются в 130 стран мира.⁵

¹ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 году.

² Там же.

³ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2021 году.

⁴ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2020 году.

⁵ Официальный сайт АО «Почта России» [<https://www.pochta.ru/account/statistics>].

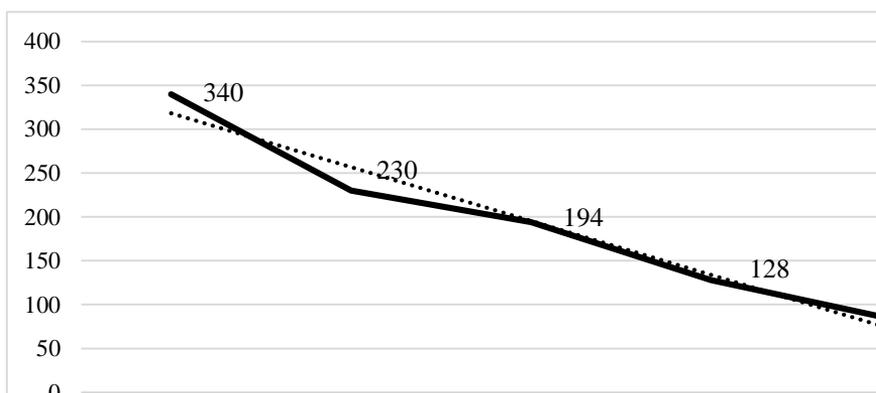

Рисунок 2 - Динамика количества товаров, пересылаемых в МПО в рамках трансграничной электронной торговли в 2019-2023 гг., млн. шт. / Dynamics of IPIs sent within cross-border electronic commerce in 2019-2023, million unites.

Источник: итоговые доклады о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г., 2023 г.

Как было указано выше, в целях учета объемов трансграничной электронной торговли ФТС России также включается и перемещение экспресс-грузов в адрес физических лиц, а количественное измерение таких отправок измеряется в МПО. При этом динамика изменения количества таких экспресс-грузов за 2019-2023 гг. представляется более положительной, чем МПО (см. Рис. 3).

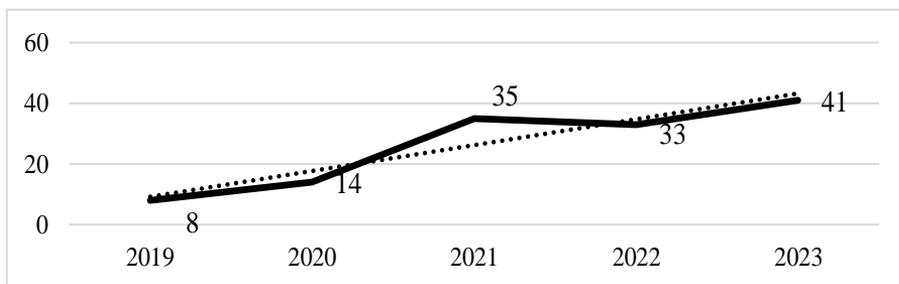

Рисунок 3 - Объем экспресс-грузов, доставляемых в адрес физических лиц в рамках международной электронной торговли в 2019-2023 гг., млн шт. МПО / The volume of express cargo delivered to individuals within cross-border electronic commerce in 2019-2023, million units of MPO

Источник: итоговые доклады о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г., 2023 г.

Таким образом, в количестве экспресс-грузов, доставляемых в адрес физических лиц, в рамках трансграничной электронной торговли наблюдается ежегодное увеличение в среднем на 50%.

Стоит отметить, что сумма таможенных платежей на товары электронной торговли ежегодно в период с 2019 по 2021 гг. увеличивалась на 1 млрд руб. за счет увеличения количества «платных» отправок (см. Рис. 4) [9].

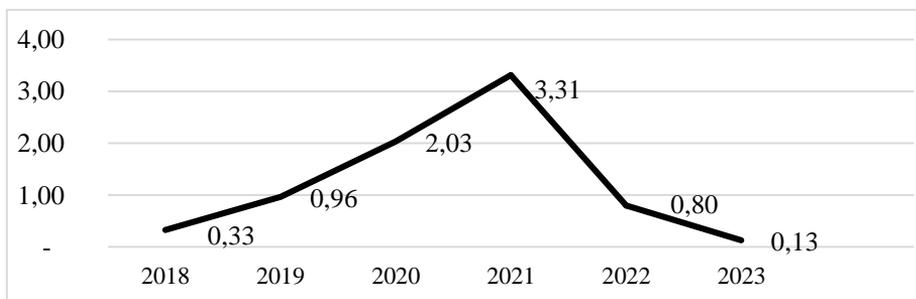

Рисунок 4 – Динамика «собираемости» таможенных платежей в отношении товаров электронной торговли, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, млрд руб. / Dynamics of the "collection" of customs payments in respect of e-commerce goods imported into the customs territory of the EAEU, billion rubles.

Источник: итоговые доклады о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г., 2023 г.

Первоначальный подход к регулированию трансграничной электронной торговли предусматривал уклон на решение фискальных задач государства.

Таблица 1 – Таможенное регулирование трансграничной электронной торговли посредством установления стоимостных и весовых норм, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин, налогов, в условиях евразийской интеграции / Customs regulation of cross-border electronic commerce through the establishment of cost and weight norms within which goods for personal use are imported into the customs territory of the EAEU without payment of customs duties and taxes, in the context of Eurasian integration

Год	Источник / событие	Характеристика
2024	Решение Совета ЕЭК от 20 декабря 2017 г. № 107	с 1 апреля 2024 г.: - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 200 евро, и вес не превышает 31 кг.
2023	Решение Совета ЕЭК от 27 сентября 2023 г. № 94	Регулирование продлено до 1 апреля 2024 г.
	Решение Совета ЕЭК от 30 марта 2023 г. № 30	Регулирование продлено до 1 октября 2023 г.
2022	Решение Совета ЕЭК от 23 сентября 2022 г. № 151	Регулирование продлено до 1 апреля 2023 г.
	Решение Совета ЕЭК от 19 августа 2022 г. № 123	до 1 октября 2022 г. - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 1000 евро, и вес не превышает 31 кг;

	Решение Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 35	с 31 марта 2022 г. до 1 октября 2022 г. - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 1000 евро, и (или) вес не превышает 31 кг
2019	Поручение Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № ДМ-П2-10367р	Поручено рассмотреть на площадке ЕЭК вопрос дальнейшего снижения необлагаемых таможенными платежами норм ввоза товаров для личного пользования, перемещаемых в рамках международной электронной торговли
2017	Решение Совета ЕЭК от 20 декабря 2017 г. № 107	Предусмотрено постепенное снижение уровня таможенной стоимости товаров международной электронной торговли, ввозимых без уплаты таможенных платежей: по 31 декабря 2018 г. включительно - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 1 000 евро, и (или) вес не превышает 31 кг в течение 1 календарного месяца в адрес одного физического лица с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2019 г. включительно: - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 500 евро, и (или) вес не превышает 31 кг в течение 1 календарного месяца в адрес одного физического лица с 1 января 2020 г.: - стоимость не превышает сумму, эквивалентную 200 евро, и (или) вес не превышает 31 кг.
2015	ЕЭК выступила с инициативой снижения в рамках Таможенного союза уровня таможенной стоимости товаров трансграничной торговли, в пределах которого они не облагаются таможенными платежами	Предложение со снижением порога с 1000 евро до 150 евро и с 31 до 10 кг веса для целей беспошлинного ввоза, а также введение обязательного фиксированного сбора – 25 евро
2013	Минфин России выступил с инициативой снижения в рамках Таможенного союза уровня таможенной стоимости товаров трансграничной торговли, в пределах которого они не облагаются таможенными платежами	Предложение со снижением порога с 1000 евро до 150 евро беспошлинного ввоза направлено Минфином России на рассмотрение в рамках процедур Евразийской экономической комиссии
	Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2023 г.	Упоминание об упорядочении интернет-торговли как дополнительного источника финансирования дефицита федерального бюджета
2010	Соглашение от 18 июня 2010 г. «О порядке перемещения физическими лицами товаров	Товары для личного пользования, ввозимые в течение календарного месяца в адрес одного получателя и таможенная стоимость которых не превышает сумму,

для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» <i>(утратило силу с 29 марта 2018 г.)</i>	эквивалентную 1000 евро, и вес не превышает 31 килограмма, освобождаются от уплаты таможенных платежей (при этом 99,5% от общего количества таких товаров не превышали этой нормы) [1].
--	---

Источник: официальный сайт Евразийской экономической комиссии [<https://eec.eaunion.org/>], официальный правовой портал ЕАЭС [<https://docs.eaunion.org/>], официальное интернет-представительство Президента Российской Федерации [<http://www.kremlin.ru/>], официальный портал правовой информации [<http://pravo.gov.ru/>], официальный сайт ФТС России [<https://customs.gov.ru/>].

Таким образом, трансграничная интернет-торговля, как в Российской Федерации, так и на уровне ЕАЭС, активно рассматривалась как перспективный ресурс для реализации фискальной государственной функции. Российская Федерация (а позднее и ЕЭК) выступала за значительное усиление налоговой нагрузки на товары, перемещаемые в рамках международной электронной торговли.

Вследствие таких инициатив было принято Решение Совета ЕЭК от 20 декабря 2017 г. № 107, которым предусматривалось постепенное снижение стоимостной нормы, в пределах которой товары для личного пользования ввозились на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин, налогов, (далее – стоимостные нормы) уровень которой в 2020 г. достиг минимального значения в 200 евро.

Российская Федерация выступала за дальнейшее снижение стоимостных норм.

ФТС России было отмечено, что «снижение беспошлинного ввоза на таможенную территорию ЕАЭС товаров международной электронной торговли» рассматривалось как эффективная мера в области «предотвращения ввоза товаров «торгового оборота» под видом товаров для личного пользования».¹ При этом также на официальном уровне озвучивалось мнение, что «для товаров, приобретаемых в рамках интернет-торговли, порогов вообще существовать не должно»².

Между тем в 2022 г. в целях «поддержки граждан в условиях санкционного давления и избежания дефицита товаров первой необходимости и товаров критичного импорта» Решением Совета ЕЭК от 17 марта 2022 г. № 35 был восстановлен изначальный уровень стоимостных норм и, к тому же, в редакции, предполагающей взаимную альтернативность применения весовых и стоимостных норм (впоследствии

¹ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 году.

² Официальный сайт ФТС России. Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/253880>

упразднена Решением Совета ЕЭК от 19 августа 2022 г. № 123).¹

Такое увеличение стоимостной нормы беспошлинного ввоза товаров для личного пользования, доставляемых перевозчиками или пересылаемых в международных почтовых отправлениях, рассматривалась как «мера поддержки российской экономики и снижения административной нагрузки на бизнес в условиях санкционного давления».²

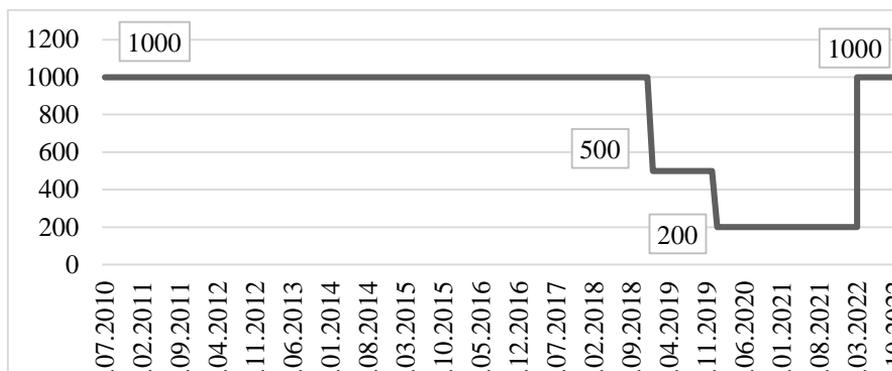

Рисунок 5. Динамика изменения стоимостных норм, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин, налогов, в 2010-2023 гг., евро / Dynamics of changes in the value norms within which goods for personal use are imported into the customs territory of the EAEU without payment of customs duties and taxes in 2010-2023, euros

Источник: официальный правовой портал ЕАЭС [<https://docs.eaeunion.org/>].

Динамика изменения стоимостных норм, в пределах которых товары для личного пользования ввозятся на таможенную территорию ЕАЭС без уплаты таможенных пошлин, налогов в 2010-2023 гг., представлена на Рисунке 2. При этом весовые нормы на протяжении всего указанного периода оставались на одном уровне (31 кг.).

Таким образом, усиление фискальной нагрузки на трансграничную электронную торговлю в долгосрочной перспективе не принесло ожидаемых результатов. Более того, в условиях санкционных ограничений поставило под угрозу благосостояние и качество жизни граждан.

Наряду с повышением налоговой нагрузки в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС путем их пересылки в международных почтовых отправлениях, Российской Федерацией последовательно проводились качественные реформы в области таможенного администрирования трансграничной электронной торговли

¹ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://eec.eaeunion.org/news/soviet-eek-povysil-beshposhlinnyu-porog-vvoza-tovarov-dlya-lichnogo-polzovaniya-do-1000-evro-i-31-kg/>

² Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2020 году.

(см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Эволюция таможенного администрирования трансграничной электронной торговли в условиях евразийской интеграции в 2010-2023 гг. / The evolution of customs administration of cross-border electronic commerce in the context of Eurasian integration in 2010-2023.

Год	Источник права	Краткая характеристика регулирования
2023	Протокол от 25.12.2023 «О внесении изменений в Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года»	
2022	постановление Правительства Российской Федерации от 02.11.2022 № 1962	Утвержден порядок проведения эксперимента по апробации новой системы таможенного оформления товаров с применением таможенных («бондовых») складов
	Федеральный закон от 14.07.2022 № 314-ФЗ	Внесены изменения в статью 120 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающие наделение Правительства Российской Федерации полномочиями по проведению эксперимента по апробации новой системы таможенного оформления товаров с применением таможенных («бондовых») складов
2021	Решение Евразийского межправительственного совета от 19.11.2021 № 10	Утвержден план мероприятий («дорожная карта») по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках ЕАЭС, предусматривающий в том числе: - разработку проекта международного договора по вопросам электронной торговли в рамках ЕАЭС; - определение перечня электронных документов, применяемых в электронной торговле товарами, и установление формата, состава сведений и правил заполнения электронных документов; - формирование перечня товаров, электронная торговля которыми в рамках ЕАЭС ограничена или запрещена; - совершенствование права ЕАЭС в части взимания косвенных налогов в рамках взаимной электронной торговли товарами по принципу страны назначения, в том числе разработка порядка подтверждения экспорта и импорта в рамках взаимной электронной торговли товарами, предназначенными для физических лиц (для

		<p>личного пользования);</p> <ul style="list-style-type: none"> - совершенствование технического регулирования в области внешней электронной торговли товарами; - определение особенностей применения мер нетарифного регулирования в рамках внешней электронной торговли и др.
2020	Решение Высшего совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12	пунктом 5.6.1. стратегического направления 5 развития евразийской экономической интеграции до 2025 года «формирование цифрового пространства ЕАЭС, цифровых инфраструктур и экосистем» предусмотрены разработка и принятие плана мероприятий («дорожной карты») по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках ЕАЭС.
	приказ Минфина России от 11.09.2020 № 190н	определены порядок совершения таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в МПО в Российскую Федерацию, в том числе проставления таможенным органом соответствующих отметок, а также порядок и форма представления в таможенный орган информации, используемой при совершении таможенных операций в отношении данных товаров, посредством информационных систем таможенных органов.
	распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р	Утверждена Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года. Одним из целевых ориентиров развития ФТС России закреплено создание на территории ЕАЭС эффективного механизма таможенного администрирования товаров, пересылаемых в рамках трансграничной электронной торговли, организация информационного взаимодействия с иностранными почтовыми администрациями, участниками Всемирного почтового союза и иностранными интернет-площадками.
2019	приказ Минфина России от 21.12.2018 г. № 279н	Уплата таможенных платежей в отношении товаров для личного пользования, пересылаемых в МПО в рамках международной электронной торговли, осуществляется назначенным оператором почтовой связи (АО «Почта России») от имени и по поручению физического лица – получателя товаров. АО «Почта России», в рамках взаимодействия с иностранными интернет-площадками, на некоторых из таких площадок реализован функционал внесения денежных средств физическими лицами в адрес АО «Почта России» непосредственно при покупке товаров на сайтах торговых площадок. Для таможенных целей внесение физическими лицами денежных средств на интернет-площадке не является уплатой таможенных платежей. Приказ позволил осуществлять подачу в электронном виде сведений в отношении МПО, а также применение процедур авторегистрации и (или) автовыпуска.

Источник: официальный сайт Евразийской экономической комиссии [<https://eec.eaeunion.org/>], официальный правовой портал ЕАЭС [<https://docs.eaeunion.org/>], официальный портал правовой информации [<http://pravo.gov.ru/>].

Несмотря на качественные изменения в области таможенного

администрирования трансграничной электронной торговли, данная сфера общественных отношений продолжала и продолжает регулироваться существующими нормами таможенного права, регламентирующими особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу ЕАЭС товаров для личного пользования. В соответствии с данной совокупностью норм регулирование трансграничной электронной торговли осуществляется следующим образом.

Ввоз и вывоз товаров с таможенной территории ЕАЭС, в том числе транзит по таможенной территории ЕАЭС, могут осуществляться посредством их пересылки в международных почтовых отправлениях (МПО) (подпункты 3,5 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС). Такие МПО представляют собой посылки, одновременно обладающие следующими существенными (обязательными) признаками:

являются объектами почтового обмена в соответствии с актами Всемирного почтового союза;

сопровождаются документами, предусмотренными актами Всемирного почтового союза;

пересылаются за пределы таможенной территории ЕАЭС из мест (учреждений) международного почтового обмена, либо поступают на таможенную территорию Союза в места (учреждения) международного почтового обмена, либо следуют транзитом через таможенную территорию ЕАЭС (подпункт 19 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС).

Путем пересылки в МПО могут перемещаться через таможенную границу и товары для личного пользования, то есть товары, предназначенные для личных, семейных, домашних и иных, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, нужд физических лиц (подпункт 46 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС, подпункт 2 пункта 3 статьи 256 ТК ЕАЭС). При этом товары, перемещаемые в МПО, не являются экспресс-грузами (подпункт 52 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС).

Пересылка товаров в МПО имеет ряд существенных преимуществ и особенностей правового регулирования (см. Таблицу 3).

Таким образом, пересылка товаров в МПО позволяет применять заинтересованными лицами благоприятный правовой режим перемещения таких товаров через таможенную границу, с точки зрения, как совершения отдельных таможенных операций, так и прохождения таможенного контроля по сравнению с иными видами перемещения товаров как для личного пользования, так и для коммерческих целей, через таможенную границу. Между тем «на сегодняшний день сложилась практика их (любых товаров, перемещаемых в международных почтовых отправлениях, в том числе товаров, перемещаемых для коммерческих целей) отождествления с товарами, предназначенными для личного пользования» [7].

Таблица 3 - Особенности правового регулирования перемещения товаров, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза путем их пересылки в международных почтовых отправлениях (МПО) / Features of the legal regulation of the movement of goods transported across the customs border of the Eurasian Economic Union by sending them in IPIs

№ п.п.	Преимущество (особенность правового регулирования)	Ссылка на норму ТК ЕАЭС
<i>в отношении любых категорий товаров, пересылаемых в МПО</i>		
1.	На декларантов не возлагается обязанность по соблюдению запретов и ограничений при помещении товаров, пересылаемых в МПО, под таможенную процедуру таможенного транзита в отдельных случаях	пункт 6 статьи 7
2.	Может не подаваться предварительная информация	пункт 15 статьи 11
3.	Первоочередный порядок совершения таможенных операций	пункт 1 статьи 81
4.	В отношении МПО, хранящихся в местах (учреждениях) международного почтового обмена, установлен более продолжительный по сравнению с обычным (4 месяца) срок временного хранения – 6 месяцев	пункт 2 статьи 101
5.	Допускается таможенное декларирование в письменной форме	подпункт 3 пункта 4 статьи 104
6.	При перевозке МПО не требуется наложение пломб на грузовые помещения (отсеки) транспортного средства или его части	абзац третий пункта 4 статьи 143
7.	Обязанность по уплате специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин не возникает при помещении под таможенную процедуру таможенного транзита	пункт 2 статьи 154
<i>в отношении товаров для личного пользования, пересылаемых в МПО</i>		
8.	Регистрация или отказ в регистрации пассажирской таможенной декларации в отношении товаров для личного пользования, пересылаемых в МПО, в отношении которых в качестве пассажирской таможенной декларации используются документы, предусмотренные актами Всемирного почтового союза и сопровождающие международные почтовые отправления, может не производиться, если это предусмотрено законодательством государств-членов о таможенном регулировании	абзац 2 пункта 4
9.	В случае если в качестве пассажирской таможенной декларации используются документы, предусмотренные актами Всемирного почтового союза и сопровождающие МПО, то такие документы заполняются на языках, определенных такими актами	абзац четвертый пункта 3 статьи 260
10.	Таможенное декларирование товаров для личного пользования, перемещаемых в МПО, осуществляется в государстве-члене, в котором постоянно или временно проживает либо временно пребывает физическое лицо, являющееся отправителем или получателем таких товаров для личного пользования	пункт 8 статьи 260

11.	Декларантами товаров для личного пользования могут выступать достигшие 16-летнего возраста физические лица государств-членов или иностранные физические лица, являющиеся отправителями товаров для личного пользования, а в случаях, устанавливаемых законодательством государств-членов, – получателями товаров для личного пользования, пересылаемых в МПО	пункт 14 статьи 260
12.	При пересылке товаров для личного пользования в МПО в адрес физического лица, находящегося на таможенной территории ЕАЭС, декларантами таких товаров также могут выступать юридические лица, являющиеся отправителями таких товаров	пункт 15 статьи 260
13.	Выпуск товаров для личного пользования, пересылаемых в МПО, производится таможенным органом до уплаты таможенных пошлин, налогов	абзац второй пункта 3 статьи 262

Источник: официальный сайт Евразийской экономической комиссии [<https://eec.eaunion.org/>], официальный правовой портал ЕАЭС [<https://docs.eaunion.org/>].

Выделение товаров в отдельную категорию – для личного пользования – осуществляется таможенным органом на основании одновременного соответствия таких товаров определенным критериям (см. Таблицу 4)

Таблица 4 – Критерии отнесения товаров к категории «товары для личного пользования» таможенным органом / Criteria for classifying goods as "goods for personal use" by the customs authorities

№ п.п.	Признак выделения	Источник (ссылка на норму)	Примечание
1.	Предназначены для личных, семейных, домашних и иных не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности нужд физических лиц	подпункт 46 пункта 1 статьи 2 ТК ЕАЭС	-
2.	Заявление физического лица о перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товарах в устной форме или в письменной форме с использованием пассажирской таможенной декларации	подпункт 1 пункта 4 статьи 256 ТК ЕАЭС	-
3.	Характер и количество товаров	подпункт 2 пункта 4 статьи 256 ТК ЕАЭС	Критерии в части характера и количества товаров для целей их отнесения/неотнесения установлены Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107, письмом ФТС России от

			19.07.2011 № 04-30/34327. Характер товаров определяется их потребительскими свойствами и традиционной практикой применения и использования в быту, количество товаров оценивается с учетом их однородности (например, одного наименования, размера, фасона, цвета) и обычной потребности в соответствующих товарах физического лица и членов его семьи (<i>абзац 3 пункта 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49</i>)
4.	Частота пересечения физическим лицом таможенной границы ЕАЭС и (или) перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС этим физическим лицом или в его адрес	подпункт 3 пункта 4 статьи 256 ТК ЕАЭС	То есть количество однородных товаров и число их перемещений за определенный период. Установление факта последующей продажи товаров лицом, переместившим его через таможенную границу, само по себе не свидетельствует об использовании такого товара не в личных целях. Вместе с тем систематическая (более двух раз) продажа лицом товара, ввезенного для личного пользования, может являться основанием для отказа в освобождении от уплаты таможенных пошлин, налогов либо для отказа в применении порядка уплаты таможенных пошлин, налогов по правилам, установленным в отношении товаров для личного пользования (<i>абзац 5 пункта 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49</i>)
5.	Непомещение товаров, в отношении которых физическим лицом осуществляется таможенное декларирование, под таможенные процедуры, предусмотренные ТК ЕАЭС, за исключением таможенной процедуры таможенного транзита, заявляемой в случаях,	подпункт 1 пункта 6 статьи 256 ТК ЕАЭС	-

	предусмотренных пунктом 1 статьи 263 ТК ЕАЭС		
6.	Отсутствие товаров в перечне категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования, определяемых Евразийской экономической комиссией	подпункт 2 пункта 6 статьи 256 ТК ЕАЭС	Перечень категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования, установлен Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107, письмом ФТС России от 19.07.2011 № 04-30/34327
6.1	Не являются вывозимыми с таможенной территории ЕАЭС товары, в отношении которых законодательством государства - члена ЕАЭС установлены вывозные таможенные пошлины	пункт 7 приложения № 6 к Решению Совета ЕЭК от 20.12.2017 № 107	Указанные положения также установлены письмом ФТС России от 19.07.2011 № 04-30/34327 «О направлении памяток», от 12.12.2011 № 04-30/60671 «О направлении памятки»
6.2	Не являются товарами, в отношении которых применяются меры экспортного контроля, в случаях и порядке, установленных в соответствии с законодательством государства - члена ЕАЭС.	пункт 20 приложения № 6 к Решению Совета ЕЭК от 20.12.2017 № 107	Перечень товаров, в отношении которых установлен запрет ввоза на таможенную территорию ЕАЭС и (или) вывоза с таможенной территории ЕАЭС, перечень товаров, в отношении которых установлен разрешительный порядок ввоза на таможенную территорию ЕАЭС и (или) вывоза с таможенной территории ЕАЭС установлены Решением Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования»

Источник: официальный сайт Евразийской экономической комиссии [<https://eec.eaeunion.org/>], официальный правовой портал ЕАЭС [<https://docs.eaeunion.org/>], официальный портал правовой информации [<http://pravo.gov.ru/>], официальный сайт ФТС России [<https://customs.gov.ru/>], официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [<https://www.vsrfl.ru/>].

Таким образом, при перемещении товаров через таможенную границу путем их пересылки в МПО, за исключением весьма ограниченного перечня товаров, которые законодательно не могут относиться к товарам для личного пользования, действующие правовые критерии не позволяют эффективно и однозначно идентифицировать товары для личного пользования, определить отличия их от товаров, перемещаемых в коммерческих целях. К примеру, признак «частоты перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС физическим лицом или в его адрес» в соответствии с официальным толкованием предполагает такое перемещение только в отношении «однородных товаров», при этом факт дальнейшей перепродажи, как было указано ранее, «сам по себе не свидетельствует об использовании такого товара не в личных целях» и, кроме того, является трудно отслеживаемым.

В таких условиях единственной реально действующей преградой для перемещения товаров в рамках трансграничной электронной торговли является стоимостной порог (так называемая «De Minimis Value» – или предельный уровень таможенной стоимости товара, при превышении которого в отношении данного товара с соответствующей разницы взимаются таможенные платежи).

Таким образом, нормы таможенного законодательства, особенности государственного контроля «в большей степени применимы к традиционным методам ведения торговли» и не учитывают особенности трансграничной электронной торговли как качественно новой формы организации внешнеэкономической деятельности, являющейся проявлением «современной тенденции цифровой экономики как платформенной экономики». [5, 8]. В этой связи совершенствование нормативной правовой базы стало видеться и «важнейшим катализатором для развития трансграничной электронной коммерции», а также «стимулирования развития экосистем цифровой торговли» в целом [6,4].

Естественные особенности МПО (невозможность эффективного определения товаров для личного пользования на основании действующих правовых норм, наличие значительного количества правовых преимуществ и упрощений в порядке и условиях перемещения через таможенную границу в части совершения таможенных операций и прохождения таможенного контроля, сложность таможенного контроля и несоразмерная правонарушениям и затратам таможенных органов на их выявление и пресечение правовая ответственность и иные последствия для лиц, обладающих полномочиями в отношении товаров, перемещаемых посредством пересылки в МПО и др.) наряду с существенным ростом объемов трансграничной торговли, а равно увеличения рисков уклонения от уплаты таможенных платежей и возникновения угрозы жизни и здоровью населения вследствие контрабанды наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ и иных специфических категорий товаров, предопределили необходимость создания отдельного правового института для товаров трансграничной интернет-торговли.

Список источников:

1. Агамагомедова, Трубникова (2017) - Агамагомедова С. А., Трубникова О. Ю. Проблемы правового регулирования трансграничной электронной коммерции // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний, № 1 – 2017 – С. 450-464.

2. Багдасарян, Шпирук, Ходяков, Копыл, Торба (2020) – Багдасарян Л.А., Шпирук С.Е., Ходяков Е.А., Копыл В.Д., Торба В.Д. Проблемы регулирования трансграничной электронной торговли в Российской Федерации, Российский экономический вестник - 2020, - Том 3, №1 - С. 117-123.

3. Голубева, Козырская (2020) - Голубева А.С., Козырская И.Е. Рынок электронной коммерции: мировые тенденции и российские реалии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020.

4. Король (2024) – Король Т. А. Цифровая трансформация сферы торговли ЕАЭС. (2024).

5. Лебедев (2020) – Лебедев А. С. Проблемы правового регулирования трансграничной электронной торговли в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, № 2 (32) 2020. – С. 65-71.

6. Парфенов, Нос, Чжао. (2024) - Парфенов, А.В., Нос В.А., and Ц. Чжао. Применение логистического подхода и цифровых технологий в трансграничной электронной коммерции // Экономика № 14.1, 2024 – С. 93-106.

7. Ревина, Лунева (2023) – Ревина С.Н., Лунева У.С. Вопросы таможенного регулирования в условиях развития интернет-торговли // Международный научно-исследовательский журнал, № 4 (130), 2023.

8. Шиманская (2023) – Шиманская А.В. Регулирование некоторых аспектов электронной торговли в контексте формирования цифрового пространства ЕАЭС. 2023.

9. Шкиперов, Альбов (2022) - Шкиперов А.А., Альбов А.П. Функции российского государства и таможенного права в регулировании и развитии интернет-торговли // Современный юрист. – 2022. – 3(40) июль-сентябрь – С. 1-14.

10. Яськов (2023) – Яськов А.А. Эволюция формирования международного права в сфере электронной торговли // Юридическая наука, № 12, 2023 – с. 189-195.

References:

Agamamedova, Trubnikova (2017) - Agamamedova, S. A., Trubnikova O. Y. Problems of legal regulation of cross-border e-commerce. [Problemy pravovogo regulirovaniya transgranichnoj elektronnoj kommercii] Customs business and foreign economic activity of companies 1 [Tamozhennoe delo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' kompanij]. – 2017 – pp. 450-464.

Bagdasaryan, Shpiruk, Khodyakov, Kopyl, Torba (2020) – Bagdasaryan L.A., Shpiruk S.E., Khodyakov E.A., Kopyl V.D., Torba V.D. Problems of regulation of cross-border electronic commerce in the Russian Federation [Problemy regulirovaniya transgranichnoj elektronnoj trgovli v Rossijskoj Federacii] Russian Economic Bulletin – 2020. – Volume 3, No. 1 - pp. 117-123

Golubeva, Kozyrskaya (2020) – Golubeva A.S., Kozyrskaya I.E. The e-commerce market: global trends and Russian realities [Rynok elektronnoj kommercii: mirovye tendencii i rossijskie realii] // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2020.

Korol (2024) – Korol T.A. "Digital transformation of the EAEU trade sphere." [Cifrovaya transformaciya sfery trgovli EAES]. 2024.

Lebedev (2020) – Lebedev A. S. "Problems of legal regulation of cross-border electronic commerce in the Eurasian Economic Union." [Problemy pravovogo regulirovaniya transgranichnoj elektronnoj trgovli v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze] Eurasian integration: Economics, law, politics 2 (32) (2020): 65-71.

Parfenov, Nos, Zhao (2024) – Parfenov A.V., Nos V.A., Ts. Zhao. "The application of a logistics approach and digital technologies in cross-border e-

commerce." [Primenenie logisticheskogo podhoda i cifrovyyh tekhnologij v transgranichnoj elektronnoj kommercii] Economics 14.1 (2024): 93-106.

Revina, Luneva (2023) – Revina S. N., Luneva U. S. Issues of customs regulation in the context of the development of online commerce. [Tamozhennogo regulirovaniya v usloviyah razvitiya internet-torgovli] International Scientific Research Journal 4 (130) (2023): 47.

Shimanskaya (2023) – Shimanskaya A.V. "Regulation of some aspects of electronic commerce in the context of the formation of the digital space of the EAEU." [Regulirovanie nekotorykh aspektov elektronnoj trgovli v kontekste formirovaniya cifrovogo prostranstva EAES]. 2023.

Skipper A.A., Albov (2022) – Skipper A.A., Albov A.P. Functions of the Russian state and customs law in the regulation and development of the Internettrade. [Funkcii rossijskogo gosudarstva i tamozhennogo prava v regulirovanii i razvitiu internet-torgovli]. Modern Lawyer. – 2022. – 3(40) July-September – pp. 1-14.

Yaskov (2023) – Yaskov A.A. "The evolution of the formation of international law in the field of electronic commerce." [Evolyuciya formirovaniya mezhdunarodnogo prava v sfere elektronnoj trgovli]. Legal Science 12 (2023): 189-195.

Гражданское процессуальное право

УДК 347.91

JEL: J00

*ЗОЛОТОВСКАЯ Елена Анатольевна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3044-9370>

¹ Золотовская Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета, Владивосток.

E-mail: elena-zlato@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Предмет/тема. Предмет исследования составили конституционно-правовые отношения, связанные с организацией судебной власти в Китайской Народной Республике, а также гражданские процессуальные отношения по законодательству Китая.

Цели/задача. Цель исследования - проанализировать основные институты гражданского процесса Китайской Народной Республики в сравнении с институтами гражданского процесса в России, определить общие и особенные характеристики обеих моделей гражданского процесса, выявить направления их развития и возможные заимствования наиболее ценного опыта гражданско-процессуального регулирования. Задача исследования - провести анализ специальных гражданских процессуальных процедур КНР, а также технологические и правовые ситуации, связанные с цифровизацией в КНР.

Методология. Методологию исследования составили как общенаучные (гносеологические, системные, структурно-функциональные), так и социологические (статистические) и специально-юридические (позитивистский, историко-правовой и сравнительно-правовой) методы.

Вывод. Сравнительный анализ отраслевых правовых порядков различных государств позволяет не только выявить их национальные особенности, но и заимствовать, по возможности, те решения, которые применяют законодатели для решения многих идентичных проблем правового регулирования. Китайский опыт гражданского процесса особенно значим не только в связи со своей модернизацией и развитой практикой массового и разностороннего применения процессуальных норм, но и передовым опытом введения в китайское судопроизводство комплексной цифровизации и, более того, искусственного интеллекта.

Ключевые слова: гражданский процесс КНР, Гражданский процессуальный кодекс КНР, цифровизация гражданского процесса КНР, законодатель, судопроизводство, доказывание.

Procedural law

¹ *Elena A. Zolotovskaya*

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Institute of Law of Vladivostok State University

FEATURES OF THE CIVIL PROCEDURE LEGISLATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract

Subject/topic The subject of the study was constitutional and legal relations related to the organization of judicial power in the People's Republic of China, as well as civil procedural relations under Chinese law.

Goals/objectives The purpose of the study is to analyze the main institutions of civil procedure of the People's Republic of China in comparison with the institutions of civil procedure in Russia, to determine the general and special characteristics of both models of civil procedure, to identify the directions of their development and possible borrowings of the most valuable experience of civil procedure regulation. The purpose of the study is to analyze the special civil procedural procedures of the People's Republic of China, as well as to analyze and summarize the technological and legal situations related to digitalization in the People's Republic of China, to identify the main models and directions for further development of electronic and software tools of legal regulation.

Methodology The research methodology consisted of both general scientific (epistemological, systemic, structural and functional), sociological (statistical) and special legal (positivist, historical-legal and comparative-legal) methods.

Conclusion A comparative analysis of the sectoral legal systems of different states makes it possible not only to identify their national characteristics, but also to borrow, if possible, those solutions that legislators use to solve many identical problems of legal regulation. The Chinese experience of civil procedure is especially significant not only in connection with its modernization and the developed practice of mass and versatile application of procedural norms, but also the best practices of introducing integrated digitalization and, moreover, artificial intelligence into Chinese legal proceedings. Based on the analysis of the civil procedure legislation of the People's Republic of China, its features were

identified, including (from the point of view of the Russian science of civil procedure) shortcomings, and proposals were made to borrow a number of procedural norms and legislative techniques.

Keywords: *the civil procedure of the People's Republic of China, the Civil Procedure Code of the People's Republic of China, digitalization of civil procedure of the People's Republic of China, legislator, legal proceedings, evidence.*

История дает весьма многочисленные примеры того, как одни страны, первоначально отстающие в темпах общественного развития, делают рывок и начинают опережать не только идущих «среднестатистическим» темпом, но и самые передовые правовые порядки. К таким примерам относится гражданское процессуальное право Китайской Народной Республики, в котором впервые в мире было создано электронное судопроизводство и, что наиболее значимо, цифровое правосудие, основанное на искусственном интеллекте (в частности, цифровые суды, функционирующие в социальных сетях (например, WeChat)). За счет цифровизации правосудия в КНР произошло существенное и многоаспектное (полиинституциональное) опережение процессуальных правовых порядков: упростился доступ граждан КНР к правосудию, были определены формы процессуальных документов, предельно просты стали оплата пошлины, уведомление ответчика о поданном иске и передача ему исковых документов, установлена постоянная связь между всеми участниками гражданского процесса¹. Все эти нововведения, апробируемые в Китайской Народной Республике с 2019 года, стали основой для создания нового Гражданского процессуального кодекса Китая, который был принят Всекитайским Собранием народных представителей.

С одной стороны, в Китае еще достаточно велик удельный вес традиционного правосудия и присущего ему традиционного коллективистского правосознания, разрушение которого идет в том числе и вновь принимаемым законодательством, с другой стороны, – новое законодательство особенно существенно повлияло именно на характер отправления правосудия, на гражданский процесс, что подчеркивается появлением в нем новых, основанных на индивидуализме фундаментальных норм, ранее невозможных в силу отсутствия соответствующих цифровых технологий. Резко расширились также сферы действия принципов состязательности и возложения импульса движения дела на заинтересованных лиц (диспозитивности).

Поэтому актуален сравнительный анализ того, как происходит процесс цифровизации в Китайской Народной Республике (отличившейся целым

¹ Chen S. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. – Текст: электронный / Stephen Chen // South China Morning Post. – 13.07.2022. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 25.04.2024).

рядом передовых гражданских процессуальных технологий), какие их достижения могут быть использованы для дальнейшего развития российского процесса и организации судебной системы.

Значимым является и обновление институтов доказывания, в том числе представления вещественных доказательств, институтов участвующих в деле лиц, а также процессуальных стадий в целом.

В основе китайского гражданского процесса лежит так называемая «Обычная процедура первой инстанции» (Глава XII ГПЗ КНР)¹. Однако после нее китайский законодатель устанавливает также «Итоговую процедуру» и «Процедуру второй инстанции». Стадийное движение дела предполагает также наличие еще одной стадии процессуальной деятельности китайского суда, именуемой «Порядок надзора за судебным разбирательством». Однако подлинное содержание этих стадий и их соотношение с российскими стадиями гражданского процесса может быть выявлено лишь в результате сравнительного исследования их со стадиями гражданского процесса в континентальной правовой семье.

В российской науке до сих пор известно лишь одно исследование гражданского процессуального права КНР – диссертация Хуан Сяна 2008 г. посвященная проблематике вопросов судебного доказывания и судебных доказательств, в том числе использования отдельных средств доказывания [1, с. 5]. Такой перекося интереса в отношении уголовного процесса и процесса гражданского вряд ли можно объяснить востребованностью китайского уголовного судопроизводства для российских практиков. Скорее следует говорить об упущении российской наукой тех стремительно развивающихся тенденций в области китайского гражданского процесса, которые привели к принятию Гражданского процессуального кодекса КНР и выходу китайского законодательства в число передовых процессуальных правовых порядков мира.

Предваряя исследование современного китайского гражданского процесса, необходимо сказать о том, перед чем останавливались все европейские, позитивистские исследования: о специфике китайской правовой системы вообще. Еще на старте интенсивного развития китайского права специалисты отмечали, что «необходимость общетеоретического подхода при исследовании китайского права обусловлена тем, что оно прошло сложный, противоречивый путь развития и в настоящее время представляет собой подвижную систему. Общетеоретический подход позволяет выделить особенности отдельных блоков правовой системы, обнаружить общие черты в разнородной мозаике китайских правовых явлений, показать роль права в модернизации

¹ Гражданский процессуальный закон Китая от 27.06.2017. – Текст: электронный // Портал законов Китая. – [сайт]. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-procedure-law-of-china-20170627?ysclid=ldax8nars0614375603> (дата обращения: 25.04.2024).

современного Китая» [2, с. 7]. Этот общетеоретический подход необходим и для выявления основных факторов функционирования китайского гражданского процесса.

Исследование позволяет выделить несколько факторов современного развития гражданского процесса в КНР.

Первым из таких факторов является правовое сознание китайцев. Дело в том, что в отличие от европейской правовой традиции, в которой развитие права рассматривается как расширение субъективных правовых возможностей гражданина перед государством, как расширение меры и форм свободы гражданина в обществе, в Китае (и на Востоке вообще) развитие права рассматривается с точностью до наоборот: как увеличение объема обязанностей личности перед государством, перед обществом. Ретроспективный взгляд на процессы, происходящие в правовой системе КНР, позволяет увидеть, как медленно, но верно отходит от традиционалистских представлений правовая система, как развивается идея субъективного права, без которой, как подтверждает история, невозможно становление гражданского общества и правового государства. Если субъективное право для европейца – это сфера юридической свободы, юридической возможности, обеспечиваемая юридическими обязанностями и охраной со стороны государства, то субъективное право для китайца – это главным образом сфера свободы моральной, обеспечиваемая моральными обязанностями и охраной со стороны общества, коллектива, микросоциальной среды и каждой личности в отдельности. Для личности в Китае право на моральные действия чем-то сходно с правами человека и гражданина в Европе: оно присуще ему изначально, в силу одного только факта его бытия как человека, этого права нельзя ни лишить, ни ограничить. Иначе говоря, если для европейца «ли» и «фа» – это области права, где «ли» – дозволение, а «фа» – запрет, то для китайца «ли» находится вне закона вообще, тогда как «фа» – сфера закона, суда и принуждения. Именно по этой причине практически всеобщим считается мнение о том, что «в соответствии с национальными традициями Китая, для разрешения гражданских дел население редко обращается в суд, предпочитая негосударственные, неформальные методы разрешения споров» [3, с. 103]. Действительно, если сфера закона «фа» рассматривается как сфера государственного насилия и принуждения, то и обращение в суд (за восстановлением законности «фа») очевидно не может претендовать на положительное отношение к такому действию со стороны общества. Однако дело в том, что в настоящее время данное положение, существовавшее не одну тысячу лет, изменилось: по состоянию на январь 2021 года (т.е. примерно за год функционирования), в системе WeChat

было рассмотрено 3000000 дел¹.

Вторым, помимо правового сознания китайцев, фактором правовой системы КНР является участие в судопроизводстве Коммунистической партии Китая, точнее - в ее влиянии на принимаемые в судах решения.

Третьим фактором развития гражданского процесса КНР стала цифровизация, которая, с одной стороны, путем формирования «искусственного интеллекта» цифровых программ и баз данных существенно ограничивает попытки вторжения в нее извне, с другой – позволяет корректировать в необходимом (в первую очередь - для Коммунистической партии Китая) направлении все судебные акты по определенной тематике. В то же время влияние цифровизации в настоящее время крайне сложно ограничить какими-либо, даже предполагаемыми, пределами.

А.В. Сапега выделяет еще одну особенность, относящуюся к организации судебной власти в гражданском процессе: если в Российской Федерации все ее субъекты (независимо от названия – край, область, республика, город федерального значения, отражающего лишь территориальную или национально-территориальную специфику) – равноправны, то в Китайской Народной Республике название составной части (провинция или особый административный район) означает различную степень автономизации территории от государства [3, с. 107].

Степень автономизации особых административных районов Гонконг и Макао такова, что различаются:

структура их судебных систем. В частности, применительно к Гонконгу, в эту структуру входят: Суд окончательной инстанции; Высший суд, состоящий из двух палат: верхняя – апелляционная, нижняя – первой инстанции; суды округов; суды магистрата; специализированные судебные органы (все присутствующие в правовой системе Великобритании: по делам несовершеннолетних, земельные, трудовые); мировые судьи. Собственная, т.е. отличная по своей структуре от общекитайской (и от гонконгской), судебная система находится и в Макао (Аомынь);

применимое право (в Гонконге применяется право Великобритании, в Макао – право Португалии) оказывается территориальным симбиозом дальневосточной правовой семьи, которую являет собой КНР, семьи общего права, которую согласно китайско-британским договоренностям представляет собой Гонконг, и семьи континентального права, которую представляет собой право Португалии в Макао [4, с. 321].

Дополнительно следует отметить, что в целом КНР разделена на 23 провинции, 5 автономных районов и 4 города, управляемых непосредственно центральной властью (по аналогии с российскими

¹ Стрелец И. Цифровое правосудие в России и мире. – Текст: электронный / И. Стрелец // vc.ru: [сайт]. – URL: <https://vc.ru/legal/104178-cifrovoye-pravosudie-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 25.04.2024).

городами федерального значения). В КНР очень развита автономия: на автономном положении находятся еще 30 областей, 121 уезд и более 1000 волостей. Однако во всех названных автономиях действует, тем не менее, китайское право – в отличие от Макао и Сянган (Гонконга); последний рассматривается как не автономный, а как «специальный» административный район.

С точки зрения экономической, Китай выглядит как единственное в мире государство, реализовавшее идею «одно государство – две системы». «Принцип "одно государство, две системы"... КНР и Коммунистическая партия Китая считают... основой политики урегулирования взаимоотношений между КНР и Гонконгом, Макао и Тайванем. Сущность этого принципа состоит в признании сосуществования двух систем (т.е. капиталистической и социалистической) в одном государстве - Китайской Народной Республике» [5, с. 72]. Однако с юридической точки зрения, речь идет все же о трех правовых системах: китайской, англо-американской и романо-германской (в лице португальского права).

Типология источников правового регулирования гражданского процесса в КНР идентична европейской. Так, в одном из руководств, подготовленном китайской компанией, предлагалось выделять два типа источников гражданского процессуального права КНР:

«(1) Законы, принятые законодательным органом. Например, Гражданский кодекс будет применяться в большинстве гражданских и коммерческих споров.

(2) Судебные толкования, выданные Верховным народным судом. Судебные толкования представляют собой авторитетное толкование применения законов»¹.

Очевидно, что хотя в данном случае имеет место отраслевая ошибка (смешение материального права (Гражданского кодекса КНР), которым должен руководствоваться суд в момент принятия решений, и процессуального права (Гражданского процессуального кодекса КНР), которым должен руководствоваться суд в процедурах принятия им решений), все же существо структуры источников определено сообразно модели романо-германской правовой семьи: законодательство и судебная практика («судебные толкования», что составляет аналог отечественных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

В целом представляется, что к источникам гражданского процессуального права КНР относятся следующие:

1) нормативные правовые акты, в том числе:

1.1) Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. Данный

¹ Одноминутное руководство по гражданскому судопроизводству в Китае. – Текст: электронный // cjoglobal: [сайт]. - URL: https://www.cjoglobal.com/ru/2022/07/18/one-minute-guide-to-chinas-civil-litigation/#2_What_kind_of_law_do_Chinese_courts_apply (дата обращения: 25.04.2024).

документ (четвертый за всю историю китайского конституционализма) включает Введение, 4 раздела (главы), всего – 138 статей¹.

В частности, обращает на себя внимание часть третья статьи 3 данной Конституции, согласно которой все судебные органы государства создаются собраниями народных представителей, перед которыми они подотчетны и находятся под контролем. Данное положение означает, что судопроизводство в Китае, в том числе и гражданское, построено по так называемому советскому типу, отрицающему принцип полной независимости судебной власти (и в целом судебную власть как отдельную и самостоятельную государственную власть). Из этого общего положения вытекает также положение пункта 8 статьи 62 Конституции КНР о праве Всекитайского собрания народных представителей (далее – ВСНП) утверждать председателя Верховного Суда КНР, а также отстранять его (пункт 5 статьи 63), что нехарактерно для принципа независимости судей, допускающего отстранение только за совершение правонарушения. Из этого же положения вытекают и такие права специально формируемого Постоянного комитета ВСНП, как право «контролировать» работу Верховного народного суда (пункт 6 статьи 67), назначать и снимать с должности высших судей (пункт 12 статьи 67). Обращает на себя внимание также положение о праве Государственного Совета «направлять и управлять гражданскими делами..., судебной администрацией» (пункт 8 статьи 89) и даже о праве местных СНП (начиная с уровня уезда и выше) избирать и отзывать председателей народных судов (часть вторая статьи 101). Так же как и на уровне ВСНП, на всех местных уровнях СНП (начиная с уездных) также создается свой «постоянный комитет», в функции которого входит в том числе и «курирование задач... народного суда» (статья 104). Кроме того, к судебной власти приравнены (определены как «осуществляющие судебную власть» - ст. 127) надзорные комитеты (аналог российской прокуратуры), которые взаимодействуют с судами и, что интересно, «следят друг за другом» (ч. 2 ст. 127). Полностью судебной системе Китая посвящен Раздел 8 Конституции КНР, в котором, в частности, отражен конституционный принцип китайского судопроизводства – принцип национального языка, включающий в том числе обязанность государства обеспечить взаимный перевод участников процесса, использующих разные языки;

1.2) Гражданский процессуальный закон Китая (в юридико-терминологической трансформации российского права – ГПК КНР) от 27.06.2017. В момент своего принятия закон содержал четыре части, охватывающие 27 глав (из которых некоторые включали в себя разделы) и

¹ Конституция Китайской народной республики от 04.12.1982 (в ред. от 11.03.2018) // Портал законов Китая: [сайт]. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318?ysclid=1ere3fvd66919912103> (дата обращения: 18.04.2024).

в общей сложности 284 статьи. Например, Глава XV «Специальная процедура» содержит 7 разделов. Так, Раздел 2 этой главы именуется «Дела о квалификации избирателей» (как видно, речь идет о так называемых избирательных спорах, т.е. спорах из публичных правоотношений), а Раздел 5 – «Дела об определении имущества бесхозным» (по российской классификации судебных дел, как видно, речь идет уже не о спорах, а об установлении фактов в порядке особого производства). Всего ГПК КНР (на момент принятия) охватывает 284 статьи. Таким образом, одно из отличий структурирования российских и китайских законов состоит в том, что в России раздел охватывает несколько глав и обязательно из них состоит, а в КНР главы могут (хотя это и не обязательно) охватывать несколько разделов, но не обязательно состоят из них. Иначе говоря, в ГПК КНР раздел определяется так же, как определяется в кодифицированном законодательстве России параграф (структурная часть главы);

2) Судебные толкования Верховного народного суда КНР (SPC):

2.1) по вопросам применения норм материального права (материально-правовых законов КНР). Как правило, по вопросам толкования материального права издается так называемое «толкование», или прямая интерпретация материально-правовых норм [6, с. 35];

2.2) по вопросам применения норм процессуального права (Гражданского процессуального кодекса КНР). В свою очередь, процессуальные интерпретационные акты Верховного Суда КНР могут быть подразделены на группы:

- «регулирование» (规定). Речь идет об установлении правил для толкования норм и мнений о том, как организовать судебную деятельность с учетом целей законодателя;

- «ответ» (批复). Для характеристики этой формы важно, что «ответы» даются не на любые вопросы, а лишь на те, которые поставили два субъекта (а точнее, которые встали перед двумя субъектами): высшие народные суды провинций и Военный суд НОАК в процессе разрешения гражданского дела. Он также носит интерпретационный характер, поскольку привязан к конкретной правовой норме китайского права (закона ВСНП) и определяется как реакция Верховного Суда на конкретный вопрос, возникший у нижестоящего суда в связи с рассмотрением гражданского дела. Принципиально они не рассматриваются как акты казуального официального толкования по той причине, что выносятся Верховным народным судом КНР не в связи с рассмотрением им самим конкретного дела (речь идет лишь о делах, рассматриваемых нижестоящими судами), но выраженные в них позиции

нельзя игнорировать¹, что на практике приравнивает их к источникам гражданского процесса КНР;

- «решение» (決定). Речь идет не о решении, которое выносит Верховный народный суд КНР по конкретному делу, а о решении, которым отменяется то или иное судебное толкование, та или иная правовая позиция.

Кроме того, в КНР периодически издаются так называемые «белые книги» - сборники гражданских дел, разрешаемых судами той или иной территории. Например, в 2023 году последней, была выпущена «Белая книга», содержащая данные о судебных спорах, рассмотренных за последние 5 лет (2018-2022) судами Макао, т.е. китайскими судами по португальскому праву².

Правовые основы судебной системы КНР определены статьями 123-128 Конституции КНР и Законом КНР от 01.01.1989 «Об организации народных судов», который установил два типа судов: общие и специальные [7, с. 111]. К системе общих судов относятся: Верховный народный суд, суды высшей, средней и низкой ступени, а к системе специальных – военные суды и трудовые суды.

В отличие от российского процесса, китайский процесс обладает значительно большей гибкостью регулирования или судебного усмотрения. Так, статья 17 ГПК КНР уравнивает все территориальные суды КНР первой инстанции в полномочиях на рассмотрение дел по первой инстанции, исключение составляет лишь так называемая промежуточная инстанция (которая рассматривает три категории дел: «крупные... с участием иностранных сторон; ...имеющие значительное влияние в сферах юрисдикции судов...; ...признанные Верховным народным судом подсудными народным судам промежуточной инстанции»), высокие народные суды (как отмечено в ст. 19 ГПК КНР, по первой инстанции они полномочны по спорам, «имеющим существенное влияние в областях, в которых они осуществляют юрисдикцию») и Верховный народный суд (ст. 20 ГПК КНР), который рассматривает по 1 инстанции лишь споры «со значительным влиянием на всю страну» и те, «которые... считает необходимым рассмотреть самостоятельно». Как видно, определение судебной юрисдикции в Китае носит характер крайне абстрактный, основанный на «каучуковых» формулировках и, во всяком случае, не

¹ Годун Ду. Нет, нельзя игнорировать ответы Верховного народного суда Китая (萌). – Текст: электронный / Ду Годун, Ю Мэн // Наблюдатель за правосудием Китая: [сайт]. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/no-you-cant-ignore-responses-of-chinas-supreme-peoples-court> (дата обращения: 20.04.2024)

² Суд Чжухая выпустил Белую книгу о судебных процессах в Макао на китайском и португальском языках. – Текст: электронный / Под ред. Шуай Хуан // Наблюдатель за правосудием Китая: [сайт]. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/zhuhai-court-issues-white-paper-on-macao-related-trials-in-chinese-and-portuguese> (дата обращения: 20.04.2024)

определяемый при отсутствии какой-либо прецедентной практики или толкования по аналогии¹.

Итак, китайский гражданский процесс, представленный ГПК КНР 2017 г., выглядит уже в полной мере современным, т.е. сложным и развитым судопроизводством по гражданским делам, включающим:

сложную инстанционную структуру, разумно подобранные правила о подсудности, составе суда и отводах;

развитую систему лиц в гражданском процессе, в том числе судебное представительство;

развитую систему доказательств и доказывания.

Однако обращают на себя внимание специфические – национальные особенности китайского процесса: во-первых, присутствие в ГПК КНР норм, прямо к гражданскому процессу не относящихся, но направленных на противодействие коррупции; во-вторых, предельно широкое усмотрение судебных органов при решении многих процессуальных вопросов, в-третьих, следовательская активность суда – при упущении необходимого для состязательного процесса правила о содействии суда стороне в представлении доказательств.

Судебное разбирательство по китайскому праву в первой инстанции урегулировано прежде всего Главой XII, названной «Обычная процедура в первой инстанции».

Ее раздел 1 регулирует принятие искового заявления и порядок возбуждения гражданского дела в суде. Специфическими чертами искового заявления являются требование об указании этнической принадлежности (часть первая статьи 121 ГПК КНР) и обязательное прохождение медиативной процедуры (ст. 122 этого Кодекса). Предусмотрено также право групповых исков (под группой лиц при этом понимается «партия» - ст. 123 ГПК КНР).

Интересным для введения в гражданское процессуальное право РФ является правило ст. 66 ГПК КНР, согласно которой когда народный суд получает доказательства, представленные стороной, он выдает расписку с указанием имени, количества страниц и копий, оригинала или дубликата доказательства, а также времени и даты получения, и должен быть подписанным или скрепленным печатью ответственного должностного лица. Разумеется, при электронном документообороте все эти процедуры происходят автоматически, в цифровой форме, однако для нецифровой формы такое правило в российском гражданском процессе отсутствует.

Несколько различны также общие положения о состязательности сторон и пределах процессуальной активности суда: во-первых, в отличие от

¹ Гражданский процессуальный закон Китая от 27.06.2017. – Текст: электронный // Портал законов Китая. – [сайт]. - URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-procedure-law-of-china-20170627?ysclid=ldax8nars0614375603> (дата обращения: 25.04.2024)

российского гражданского процесса ГПК КНР (часть первая статьи 67) вправе проводить самостоятельное расследование, при этом его полномочия на проведение такого расследования не ограничены определенным набором случаев (как в ГПК РФ), т.е. суд превращается в следователя по своему усмотрению, который не знает законных ограничений. С другой стороны, в ГПК КНР отсутствует положение об обязанности суда помочь стороне в собирании доказательств при условии, когда это собирание для стороны по определенным причинам затруднено или невозможно (абзац второй части первой ст. 57 ГПК РФ). Такое положение разумно должно было бы быть помещено в часть вторую статьи 65 ГПК КНР, но китайский законодатель упустил этот значимый элемент содействия суда стороне.

Обращают на себя внимание также урегулированность порядка судебного разбирательства и отдельно – порядка судебных прений, а также структура предмета доказывания. В частности, интересно положение части второй статьи 139 ГПК КНР, согласно которому «любой запрос заинтересованных сторон о новом расследовании, экспертизе или проверке подлежит одобрению народного суда», при этом в ГПК КНР отсутствует принцип запрета злоупотребления гражданским процессуальным правом (в нескольких статьях существует лишь требование запрета злоупотребления служебным положением), в связи с чем можно предположить, что в реальном китайском гражданском процессе имеют успех многие идеи о надуманном затягивании процесса, которые реализуются ответчиками на основе данной нормы.

Пункт первый части первой статьи 152 ГПК КНР, устанавливающий требования к итоговому судебному решению, дает и основы для понимания китайской процессуальной наукой гражданского иска. Он включает три элемента: основание иска; требования; факты и основания спора. Эта теория почти совпадает с российской: выделены основание иска и предмет иска. Однако из объема фактов основания иска китайский законодатель специально выделил факты, характеризующие повод к самому спору. Соответственно, и предмет доказывания в гражданском процессе КНР разделяется на две указанных области.

В отличие от Главы XII, или общего порядка, последующая Глава XIII содержит так называемую «Итоговую процедуру», которая в российском гражданском процессе может быть переведена точнее – как «суммарное производство». Согласно ст. 157 ГПК КНР, «если первичные народные суды и назначенный им трибунал рассматривают простые гражданские дела, в которых факты очевидны, соотношение прав и обязанностей является определенным, а споры незначительны, применяются положения настоящей главы». Основная особенность «итоговой процедуры» – упрощенный, по сравнению с общей процедурой, характер (в частности, допускается даже устное заявление иска – ст. 158, единоличное

рассмотрение дела судом – ст. 160 и т.д.). В последующих статьях ГПК КНР используется именно терминология упрощенной процедуры.

Обе названных процедуры – «обычная» (общий порядок) и «итоговая» (специальный порядок) – отражают китайское судопроизводство в суде первой инстанции.

Во второй инстанции (Глава XIV ГПК КНР, именуемая «Процедура во второй инстанции») осуществляется апелляционное рассмотрение дела. Для индивидуальных исков срок подачи апелляции – 15 дней, для групповых («партии») – 10 дней.

Если в России апелляция происходит по принятым в первой инстанции доказательствам и, в качестве исключения, по доказательствам, принятым судом апелляционной инстанции, то в ГПК КНР отсутствуют какие-либо положения, запрещающие суду на стадии апелляционного производства принимать новые доказательства.

Интересное положение содержится также в ст. 169 ГПК КНР: «если после изучения материалов дела, проведения расследования и допроса сторон не было представлено никаких новых фактов, доказательств или причин, коллегия может принять решение не проводить открытое судебное разбирательство, если сочтет это ненужным»¹.

Следующая стадия – стадия надзора. В отличие от российских кассации и надзора, производство по данной стадии возбуждается в том числе и в случаях фактической (а не только юридической) ошибки. Например, к фактическим ошибкам статья 200 ГПК КНР относит следующие:

- п. 2, согласно которому доказательства, использованные в качестве основания для установления существенных фактов, были недостаточными;
- п. 4, согласно которым доказательства, использованные в качестве основы, не подвергались перекрестному допросу.

Кроме того, п. 1 ст. 200 указывает на случай, когда «есть новые доказательства, достаточные для отмены первоначального судебного решения или постановления». Это основание хотя и не вполне соответствует принципу правовой определенности и связанному с ним принципу стабильности судебного решения, почти совпадает с основанием, установленным в российском гражданском процессе для возбуждения производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Это же производство в российском гражданском процессе возбуждается в случаях, предусмотренных пунктом 3 статьи 200 – когда «основные доказательства... для установления фактов... были сфальсифицированы», и это стало известно после вступления судебного акта в законную силу (ГПК РФ).

¹ Гражданский процессуальный закон Китая от 27.06.2017. – Текст: электронный // Портал законов Китая. – [сайт]. - URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-procedure-law-of-china-20170627?ysclid=ldax8nars0614375603> (дата обращения: 25.04.2024)

Наконец, эта же процедура (по аналогии с российским правом, это основание - пункт 3 части 3 статьи 392 ГПК РФ) применяется, когда имело место преступление против правосудия в российском праве, тогда как в гражданском процессе КНР данный факт (пункт 13 статьи 200 ГПК КНР: «когда какой-либо член судебных должностных лиц совершает злоупотребление служебным положением при рассмотрении дела, например хищение, взяточничество, злоупотребление служебным положением для получения личной выгоды или вынесение судебного решения, которое искажает закон») является основанием для возбуждения дела в порядке надзора.

Более того, в ГПК КНР присутствует также основание для возбуждения гражданского дела не по вновь открывшимся, а по новым обстоятельствам (если выдерживать аналогию – с ч. 4 ст. 392 ГПК РФ). Так, пункт 12 статьи 200 ГПК КНР устанавливает такое основание для отмены вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора, как: «правовая документация, на которой основано первоначальное судебное решение или постановление, была отменена или изменена». Очевидно, под «правовой документацией» в данном случае подразумеваются источники правового регулирования, а также «разъясняющие судебные толкования» Верховного народного суда КНР.

Таким образом, надзорный порядок по ГПК КНР являет собой смешение нескольких институтов: апелляции, кассации, надзора и производства по вновь открывшимся обстоятельствам. В целом и российское, и китайское процессуальное законодательство не ограничивает перечень случаев, которые могут быть рассмотрены в особом производстве, главным признаком допустимости такого производства по конкретному делу – отсутствие спора о праве.

При анализе оснований для дел особого производства интерес вызывают дела, предусмотренные разделом 7 Главы XV ГПК КНР. Данная категория дел также отсутствует в ГПК РФ – в силу российских особенностей обращения взыскания на заложенное имущество, которое в отношении недвижимости требует, по общему правилу, искового, а не особого производства. Однако в связи с многочисленностью подобных дел, китайское правовое регулирование процедуры обращения взыскания на залог, упрощенное до установления факта (до особого производства) выглядит более эффективным, нежели стандартная исковая процедура в российских судах. С одной стороны, китайское процессуальное регулирование данных отношений позволяет упростить и, соответственно, ускорить обращение взыскания на заложенное имущество, с другой – не снижается судебный уровень правовой защиты залогодателя, поскольку данная процедура все равно проходит (хотя бы и не исковую) судебную проверку. В целом представляется целесообразным заимствовать данный механизм для реализации залогового имущества. Действительно, если по

российскому праву кредитор вынужден постоянно обращаться с иском к залогодателю в суд, то по праву КНР речь идет о неисковом, бесспорном производстве, когда стороны не оспаривают фактические обстоятельства дела и когда решение суда может быть вынесено по упрощенной процедуре.

Кроме того, и в российском, и в китайском гражданском судопроизводстве существует, как можно сделать вывод, так называемое приказное производство, т.е. производство, исполнение по которому целиком зависит от воли должника. Однако такое производство особенно требует наличия принципа запрета на злоупотребление гражданскими процессуальными правами, которое достаточно эффективно для таких случаев действует в российском процессе (поскольку, безосновательно заявляя спор против заявления о выдаче судебного приказа, лицо очевидно злоупотребляет своими процессуальными правами) и не действует (или, во всяком случае, его действие ни на чем не основано) в КНР.

Исследование позволяет заключить, что гражданский процесс КНР к настоящему времени ушел, если не в технологиях, то во всяком случае в массовости применения, далеко вперед в направлении его цифровизации и электронной передачи данных. Этот процесс был вызван не только значительным числом населения КНР, но и, что наиболее важно, ростом его имущественной состоятельности и потребностью государства упорядочить контроль над выросшей численностью его городской части.

Список источников:

1. Хуан (2008) – Хуан С. Судебные доказательства в гражданском процессе: опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2008. 179 с.
2. Куманин (1990) – Куманин Е.В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики / Е.В. Куманин. Москва: Наука, 1990. 157 с.
3. Сапега (2012) – Сапега А.В. Особенности гражданского судопроизводства в Китайской Народной Республике / А.В. Сапега // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2012. - № 4. – С. 102-110.
4. Сухарев (2003) – Сухарев А.Я. - отв. ред-р. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник // 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2003. 967 с.
5. Сюй (2010) – Сюй Ц. Принцип «одно государство, две системы» и действие законов КНР в особых административных районах / Ц. Сюй // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 72-76.
6. Чжихуа (2012) – Чжихуа В. Судебные разъяснения в развитии гражданского права Китайской Народной Республики / В. Чжихуа // Российский судья. 2012. № 4. С. 34-36.
7. Об организации народных судов: Закон КНР от 01.01.1989 // Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Москва: Прогресс, 1984. С. 111-120.

References:

Huang (2008) – Huang S. Judicial evidence in civil proceedings: the experience of comparative jurisprudence on the example of Russia and China: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.01. [Sudebnye dokazatel'stva v grazhdanskom processe: opyt sravnitel'nogo pravovedeniya na primere Rossii i Kitaya]. Moscow, 2008. 179 p.

Kumanin (1990) – Kumanin E.V. Legal policy and legal system of the People's Republic of China [YUridicheskaya politika i pravovaya sistema Kitajskoj Narodnoj Respubliki]. Moscow: Nauka, 1990. 157 p.

Sapega (2012) – Sapega A.V. Features of civil proceedings in the People's Republic of China [Osobennosti grazhdanskogo sudoproizvodstva v Kitajskoj Narodnoj Respublike]. Customs policy of Russia in the Far East. – 2012. - No. 4. – pp. 102-110.

Sukharev (2003) – Ed. by Sukharev A.Ya. Legal systems of the countries of the world: An encyclopedic reference book [Pravovye sistemy stran mira: Enciklopedicheskij spravochnik]. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: Norma, 2003. 967 p.

Xu (2010) – Xu Ts. The principle of "one State, two systems" and the operation of the laws of the People's Republic of China in special administrative regions [Princip «odno gosudarstvo, dve sistemy» i dejstvie zakonov KNR v osobyh administrativnyh rajonah]. Constitutional and municipal law. 2010. No. 3. pp. 72-76.

Zhihua (2012) – Zhihua V. Judicial clarifications in the development of civil law of the People's Republic of China [Sudebnye raz'yasneniya v razvitii grazhdanskogo prava Kitajskoj Narodnoj Respubliki]. // A Russian judge. 2012. No. 4. pp. 34-36.

On the organization of People's Courts: The Law of the People's Republic of China dated 01.01.1989 // People's Republic of China. The Constitution and legislative acts [Ob organizacii narodnyh sudov: Zakon KNR ot 01.01.1989 // Kitajskaya Narodnaya Respublika. Konstituciya i zakonodatel'nye akty]. Moscow: Progress, 1984. pp. 111-120.

Градостроительное право

УДК 349
JEL: К 30

*КУЧЕМБАЕВ Алмаз Наземетдинович*¹

¹ ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», Университетская Набережная ул., д. 1, корп. 4, Ульяновская обл., Ульяновск, 432007, Россия.

<https://orcid.org/0009-0005-8732-8109>

¹ Кучембаев Алмаз Наземетдинович, преподаватель кафедры практической юриспруденции ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», руководитель ООО «Юридическое агентство Кучембаев и партнеры», г. Москва, Россия. Email: czvp01@mail.ru

*НЕФЕДОВ Андрей Юрьевич*²

² ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству» ул. Казакова, 15, Москва, 105064, Россия.

<https://orcid.org/0009-0005-9015-6918>

² Нефедов Андрей Юрьевич, магистр, руководитель практики градостроительных споров ООО «Юридическое агентство «Кучембаев и партнеры».

РЕШЕНИЕ О КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ КАК НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ

Аннотация

Предмет/тема. В статье анализируется правовая природа решения о комплексном развитии территории в контексте возможности его признания нормативным правовым актом.

Цели/задача. Автор преследует задачу выявления признаков нормативных правовых актов на основании релевантной судебной практики и российской доктрины права, препарирования решения о комплексном развитии территории, выявления его составных частей и сопоставление их с обозначенными признаками нормативных правовых актов. Данный анализ позволит сделать вывод о характере такого акта государственной власти как решение о комплексном развитии территории.

Методология. Общенаучные методы содействовали анализу и синтезу исследуемой научной проблемы.

Результаты/Вывод. Анализ научных работ, законодательства и судебной практики показывает, что решение о комплексном развитии территории обладает всеми признаками нормативного правового акта, что одновременно указывает как на возможность более обширного судебного контроля за принятием такого акта уполномоченным органом, так и на риски, связанные с этим ввиду возможности оспаривания такого акта на протяжении всего времени его действия, а также даже в случае его отмены, что влечет за собой цепь негативных последствий для всего реализуемого проекта.

Ключевые слова: комплексное развитие территории; нормативный правовой акт; ненормативный правовой акт; признаки нормативного акта; нормы права; КРТ; решение о КРТ; решение о комплексном развитии территории.

Urban planning law

¹ **Almaz N. Kuchembaev**

Founder and head of the law agency «Kuchembaev and Partners», lecturer at the Kutafin Moscow State Law University.

² **Andrey Y. Nefedov**

Head of the practice of urban planning disputes of the law agency «Kuchembaev and Partners».

THE DECISION ON THE COMPLEX DEVELOPMENT OF THE TERRITORY AS A LEGAL ACT.

Annotation

Subject/topic The article analyzes the legal nature of the decision on integrated development of the territory (decision on urban territory transformation) in the context of its recognition as a normative legal act.

Goals/objectives. The author pursues the task of identifying the signs of normative legal acts on the basis of relevant judicial practice and the Russian doctrine of law, dissecting the decision on the integrated development of the territory, identifying its components and comparing them with the designated signs of normative legal acts. This analysis will allow us to draw a conclusion about the nature of such an act of state power as a decision on the integrated development of the territory (decision on urban territory transformation).

Methodology General scientific methods contributed to the analysis and synthesis of the scientific problem under study.

Conclusions An analysis of scientific works, legislation and practice shows that the decision on integrated development (decision on urban territory transformation) lies within the territory of all these regulatory legal acts, which simultaneously indicates the possibility of more extensive judicial control over the adoption of such an act by the authorized body, as well as the risks associated with possible consequences. challenging such an act throughout its entire duration, as well as even in the event of its cancellation, which entails a chain of negative consequences for the entire ongoing action of the project.

Keywords: *complex development of the territory; integrated development; normative legal act; non-normative legal act; signs of a normative act; norms of law; KRT; decision on KRT; decision on integrated development; decision on urban territory transformation.*

Появившийся не так давно институт комплексного развития территорий (далее – КРТ) уже успел продемонстрировать эффективность, вызвав при этом немало дискуссий.

КРТ является важнейшим институтом градостроительной политики государства, который регулируется как градостроительными нормами, так и нормами гражданского, земельного и жилищного законодательства.

Решения о комплексном развитии территории включают в себя планы развития определенной территории с целью создания благоприятных условий проживания граждан.

Решения о КРТ все чаще становятся предметом судебных разбирательств после того, как в 2020 году механизм обновился и стал

более востребован в строительной отрасли¹. В первых делах заявители оспаривали решения о КРТ в порядке главы 24 АПК РФ² и главы 22 КАС РФ³ в контексте оспаривания ненормативных правовых актов.

Активно, например, оспаривалось московское решение о КРТ в производственной зоне № 50 «Алтуфьевское шоссе» (дела №№ А40-38392/2022, А40-70737/2021, А40-188896/2021 и проч.)⁴.

И именно в этих делах впервые встал вопрос о подсудности споров по решениям о КРТ, поскольку изначально истцы, квалифицируя самостоятельно этот правовой акт как нормативный, обращались в соответствии с главой 21 КАС РФ в Московский городской суд, однако тот принимал решения о передаче дел по подсудности в арбитражный суд в соответствии с главой 24 АПК РФ.

Вместе с тем когда истец Сухоруков Ф.С. решил обжаловать передачу дела по подсудности, это привело к принятию значимого прецедента в спорах о КРТ⁵: определением Верховного Суда РФ от 20.07.2022 № 5-КАД22-34-К2 было установлено, что решение о КРТ содержит все основные элементы нормативного правового акта (далее – НПА) и подлежит рассмотрению в порядке главы 21 КАС РФ.

Однако, к сожалению, данная позиция Верховного Суда РФ не стала системообразующей в практической деятельности, и в настоящее время споры по решениям о КРТ в городе Москве по инерции продолжают рассматриваться по правилам оспаривания ненормативных правовых актов (дела №№ А40-183885/2023, А40-191065/2023, А40-152200/2023 и проч.), в то время как региональная практика согласилась с данной позицией и стала передавать дела из арбитражного производства в суды общей юрисдикции (дела №№ А41-757/2024, А33-8686/2023, № А23-4594/2023 и проч.).

Более того, в тех делах, рассматриваемых в городе Москве, где суды начали обращать внимание на упомянутое решение и соглашались рассматривать его как НПА, городские власти продолжают настаивать на позиции о том, что такое решение - это ненормативный правовой акт и

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (часть I). Ст. 33.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.

⁴ Постановление Правительства Москвы от 09.11.2022 № 2450-ПП «О комплексном развитии территории нежилкой застройки города Москвы № 2219, расположенной в производственной зоне № 50 "Алтуфьевское шоссе" (проект 2, территория 2)» // СПС КонсультантПлюс. 2024.

⁵ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 20.07.2022 № 5-КАД22-34-К2 // СПС КонсультантПлюс. 2024.

обжалуют отказы в передаче дела на рассмотрение по иным правилам и иной подсудности (дело № 3а-6308/2023, рассматриваемое Московским городским судом¹).

Налицо отсутствие единообразия судебной практики. Это при наличии уже выраженной позиции Верховного Суда Российской Федерации. В связи с этим представляется целесообразным более глубоко исследовать правовую природу решения о КРТ.

1. Признаки нормативных правовых актов.

Нормативно-правовой акт согласно концепции позитивного права, занимает главенствующую позицию в иерархии источников права. Согласно позиции Кельзена Г., создавшего «чистое учение о праве», нормативно-правовые акты формируют основу правовой системы государства, а само же позитивное право является нормативным принудительным порядком, состоящим из общих и НПА и индивидуальных актов правоприменения [1, с. 84].

Данный подход близок к континентальной традиции права и применяется многими странами романо-германской системы, в том числе и Россией.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (далее - ВС РФ) от 25.12.2018 № 50 года закреплён ряд признаков, позволяющих идентифицировать тот или иной документ как НПА².

Во-первых, акт должен быть опубликован в установленном порядке уполномоченным органом либо должностным лицом.

Во-вторых, НПА должен регламентировать определённые правила поведения, адресованные неограниченному кругу лиц. Другими словами, в нем не должно быть индивидуальных правовых норм.

В-третьих, НПА должен быть рассчитан на неоднократное применение.

В данном Постановлении ВС РФ пишет, что НПА может иметь императивный характер, если устанавливает правовой режим определённого объекта. Прямо указывается, что применительно к земельному праву данный тезис актуален, например, в части актов, которые устанавливают режим зон с особыми условиями использования территории или к генеральным планам поселений.

Кроме того, в данном Постановлении в категорию НПА включаются и разъяснения законодательства различными органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, которые

¹ Определение Московского городского суда от 24.11.2023 по делу № 3а-6308/2023 // СПС КонсультантПлюс. 2024.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2019.

содержат результаты толкования норм права, применяющиеся в качестве общеобязательных в отношении неопределенного круга лиц. Данный подход существенным образом расширяет категорию НПА.

При этом ВС РФ указывает, что в каждом конкретном случае суды должны сами решить - будет ли оспариваемый акт нормативным на основе исследования доказательственной базы и аргументации сторон.

Следует отметить, что до 2018 года тезисы о том, какой акт считать нормативным, встречались в различных разъяснениях органов государственной власти. Так, например, согласно позиции Минюста России, основным критерием отнесения акта к нормативному будет являться его издание в письменной официальной форме правотворческим органом в пределах его компетенции. Также важную роль играет цель издания НПА – он должен быть направлен на установление, изменение или прекращение правовых норм¹. В своих методических рекомендациях Минюст России пишет, что НПА должен оказывать общерегулирующее воздействие на общественные отношения, иметь возможность применяться неоднократно и включать в себя предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц².

Постановление Пленума ВС РФ от 29.11.2007, которое действовало до вышеприведенного актуального Постановления, указывало такие критерии НПА, как то, что нормативно-правовой акт может быть издан как органом государственной власти, так и органом местного самоуправления или должностным лицом. Кроме того, в нем обязательно должны присутствовать правовые нормы, обязательные для неопределенного круга лиц и рассчитанные на неоднократное применение³.

До своего упразднения Высший Арбитражный Суд в пунктах 1.2, 6.2 ранее действовавшего постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 58 также высказывал мнение по поводу нормативно-правовых актов, указывая судам отходить от сугубо формальной оценки оспариваемых актов на предмет нормативности⁴.

¹ Приказ Минюста России от 04.05.2007 № 88 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС КонсультантПлюс. 2024.

² Методические рекомендации. Нормативные правовые акты в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://pravo.mi.gov.ru/analytics_statistics/metodicheskie-rekomendacii (дата обращения: 20.02.2024).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // СПС КонсультантПлюс. 2024.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» // СПС КонсультантПлюс. 2024.

Обратим внимание, что в отличие от актуальной позиции Верховного Суда РФ, выраженной в упомянутом постановлении Пленума № 50, Высший арбитражный суд РФ прямо указывал, что акты, которые устанавливают особый или специальный правовой режим в границах определенной территории, не являются нормативными, одновременно с этим признавая генеральные планы нормативными. Но на практике данная позиция не всегда применялась, поскольку как НПА рассматривались даже дела об утверждении проектов межевания территории.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31.03.2015 № 6-П писал, что и понятие правовой нормы, и понятие нормативного правового акта являются доктринальными и не обнаруживают себя в законодательстве¹.

Конституционный Суд в данном постановлении указывал, что для соответствия критерию законности нормативно-правовой акт должен включать в себя не противоречащие закону правила поведения, должен быть принят и обнародован в регламентированной форме в соответствии с закрепленной процедурой.

По большей части государственные органы применяют подход, заключающийся не в закреплении дефиниции нормативно-правового акта, а в перечислении его свойств и признаков. Резюмируя вышеобозначенные позиции органов исполнительной власти и судебной власти, можно заключить, что основными характеристиками НПА являются следующие признаки:

- принимается компетентным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом в пределах их полномочий и в установленном порядке;
- выражен в словесно-письменной официальной форме с использованием юридической техники;
- включает в себя общие предписания, охватывающие широкий круг общественных отношений;
- направлен на утверждение, отмену или изменение содержания правовых норм;
- рассчитан на многократное применение;
- адресован неограниченному кругу лиц, т.е. НПА не должен носить персонифицированный характер;
- обязателен к исполнению, поскольку содержит нормы права, нарушение исполнения которых ведет к применению санкций.

В российской доктрине многие исследователи занимаются вопросами сущности нормативно-правовых актов. Так, например, Чиннова М.В.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // СПС КонсультантПлюс. 2024.

выделяет в понятии НПА три элемента: «нормативный», «правовой» и «акт» [2, с. 36-38].

Понятие «нормативности», по мнению исследователя, заключается в способности регулировать типичные, повторяющиеся общественные отношения. При этом само понятие нормы — это правило, эталон, стандарт. Нормы, в свою очередь, могут быть или социальными, или техническими, последние определяют правила обращения с предметами материального мира.

Чиннова М.В. отдельно отмечает, что нормативность также заключается не только в норме как в абстракции, но и расчете на то, что она будет работать в отношении неопределенного круга лиц вне зависимости от территории. При этом такие акты применяться должны именно неоднократно.

В качестве примера приводится постановление ФАС Северо-Западного округа от 01.02.2007, в котором суд отнес постановление о плате за услуги по передаче электроэнергии для конкретного юридического лица к НПА, поскольку оно касается не только конкретного покупателя, но и неопределенного круга лиц поставщиков. Кроме того, данный НПА, по мнению суда, рассчитан на многократное применение¹.

Следующий признак означает, что «акт» является документом, выражающим чьи-либо интересы. При этом С.С. Алексеев полагает, что он в любом случае будет выражать волю государства, а не просто интересы отдельных индивидов или группы лиц [3, с. 24].

Признак «правовой» означает, что акт должен содержать нормы права, адресованные неограниченному кругу лиц. Кроме того, он должен приниматься правотворческим государственным органом или уполномоченным лицом в целях реализации публичных функций.

Критерий, касающийся того, что нормативно-правовой акт обязательно должен быть выражен в письменной форме, также должен соблюдаться, однако его следует учитывать в совокупности с иными признаками, поскольку письменно могут выражаться не только правовые нормы, но и, например, нормы религиозного характера.

Иные признаки акта, такие как соответствующая процедура принятия и опубликования, гарантия обязательного исполнения, подкрепленная принудительной силой государства, помогают выделить среди множества документов именно нормативно-правовые акты.

Никитин С.В., проанализировав мнения различных исследователей, делает вывод, что ключевым моментом в признании акта нормативно-правовым является его содержание. По мнению исследователя, в НПА обязательно должны быть описаны правила поведения участников

¹ Постановление ФАС Северо-западного округа от 01.02.2007 по делу № А26-4493/06 // СПС КонсультантПлюс. 2024.

общественных отношений [4, с. 48].

Позиция Конституционного Суда РФ о приоритетности критерия наличия нормы права находит свое отражение и в актах Президиума ВАС РФ, которые указывают на вторичность формы по отношению к содержанию, например, в Решении ВАС РФ от 26.02.2006 № 16609/05¹.

Уманская М.В. также считает, что наличие в содержании нормы права - важнейший признак, который помогает в процессе идентификации нормативно-правовых актов. При этом автор замечает, что не следует отождествлять понятия «нормы права» и «правила поведения», поскольку наряду с нормативными предписаниями существуют и иные виды норм: нормы-принципы, нормы-декларации, нормы-цели и нормы-дефиниции [5, с.153].

Очевидно, что содержание является важнейшим отличием НПА от актов ненормативного индивидуального характера, поскольку последние включают в себя лишь персонифицированные предписания, рассчитаны на определенный вид общественных отношений и принимаются в конкретных случаях [6, с. 283].

Джоусе-Иванина М., анализируя позиции различных исследователей, выделяет следующие сущностные признаки нормативного правового акта: универсальность содержания и действия, однородность и типичность общественных отношений, регулируемых НПА; неперсонифицированность; подкреплённость силой государственного принуждения; наличие общих правил поведения; общеобязательность; неоднократность применения; действие вне зависимости от существования конкретных правовых отношений и т.д. [7, с. 71].

Представляется возможным согласиться с Атагимовой Э.И., которая указывает, что на практике зачастую затруднительно определить нормативность множества актов, поскольку встречаются акты, обладающие только частью признаков нормативности, изложенных в разъяснениях Верховного Суда РФ и позициях исследователей права [8, с. 9].

Говоря о свойствах НПА, во-первых, можно выделить их иерархичность, т.е. градацию НПА по юридической силе. Известно, что НПА подразделяются на законы и подзаконные акты, образуя иерархическую систему, во главе которой стоит Основной закон страны, обладающий прямым действием и высшей юридической силой. Помимо этого, нормативно-правовые акты можно классифицировать по содержанию (акты, содержащие нормы права одной отрасли либо различных отраслей права); по объему и характеру действия (акты общего действия, акты ограниченного действия, акты исключительного или чрезвычайного действия); по субъектам, их издающим (акты законодательной, исполнительной или судебной власти).

¹ Решение ВАС РФ от 26.02.2006 № 16609/05 // СПС КонсультантПлюс

Во-вторых, к свойствам НПА можно отнести их динамичность и одновременную стабильность. Это означает, что НПА могут быть приняты, изменены или отменены в соответствии с потребностями общества.

В-третьих, НПА обладают формальной определенностью, поскольку они выражаются посредством четких законодательных формулировок, что делает их удобными в исполнении, в отличие, например, от такого источника права как правовой обычай.

Н.Г. Нарышева, в свою очередь, исследуя сущность НПА, которые регулируют правовой режим использования земельных участков, пишет, что такие акты делятся на устанавливающие правовой режим и предписывающие совершить определенное действие [9, с. 91].

НПА имеют пределы своего действия: во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Так, согласно первому пределу по общему правилу применяется нормативно-правовой акт, действовавший во время возникновения правоотношения, т. е. в тот момент, когда имел место юридический факт, изменивший права и обязанности участников. Из данного тезиса вытекает важнейший постулат о том, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, т. е. не применяется к правоотношениям, возникшим до его вступления в силу.

Согласно второму пределу действие НПА в пространстве определяется четырьмя принципами.

1. Территориальный принцип – НПА действует на всей территории государства, т. е. в рамках государственных границ.

2. Принцип гражданства – изданный НПА обязателен только для граждан определенного государства.

3. Реальный принцип – НПА обязателен для всех лиц, независимо от их места нахождения, если поведение данных субъектов посягает на важнейшие интересы, охраняемые государством.

4. Универсальный принцип. В соответствии с данным принципом государство распространяет действие закона за пределы своей территории, если это вытекает из международного договора.

Согласно третьему пределу нормативные акты должны распространяться на всех лиц (граждан, иностранцев и апатридов), которые находятся на территории юрисдикции правотворческого органа. Уместно отметить, что в доктрине ведутся споры по поводу выделения данного предела в отдельную группу. Некоторые исследователи рассматривают данный принцип в контексте действия закона в пространстве, т.е. как упомянутый уже принцип гражданства.

Перечисленные признаки и свойства отличают нормативно-правовой акт от иных актов (актов толкования, актов правоприменения и правореализующих актов) [6, с. 106].

Исходя из представленных позиций исследователей, признаков НПА, представленных в иных актах, мы предлагаем вернуться к пункту 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 50, согласно которому признание того или иного акта нормативным правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом.

Перечень признаков НПА, предусмотренный данным пунктом, согласно изложенному, не является ни исчерпывающим, ни строго регламентированным.

Можно ли сказать, что для признания акта нормативным требуется, чтобы он отвечал сразу всем признакам, о которых упоминают исследователи? На наш взгляд нет, о чем говорит, как Конституционный Суд, так и Верховный Суд РФ – анализ в отношении каждого конкретного акта уникален.

Однако ключевые признаки НПА все же Верховным Судом отмечены и ими являются:

издание акта в установленном порядке уполномоченным органом или организацией, должностным лицом;

наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц (то есть он не должен быть персонально определенным);

неоднократное применение.

2. *Содержание и природа решения о КРТ.*

Одной из важнейших гарантий реализации принципа устойчивого развития территорий РФ является институт комплексного развития территорий. На наш взгляд, КРТ это на сегодняшний день единственной способ «перестройки» (редевелопмента) целыми кварталами. Мировой опыт редевелопмента территорий подтверждает эффективность данного института. При этом достигается обеспечение баланса прав и законных интересов частных собственников, публичных образований, а также лиц, проживающих на соответствующих территориях.

Ключевым этапом реализации процедуры КРТ является принятие решения о КРТ.

Частью 1 статьи 67 ГрК РФ определено содержание решения о комплексном развитии территории. Решение о КРТ должно содержать в себе сведения о границах КРТ, перечень включаемых в границы такой территории объектов недвижимости, предельный срок реализации решения о КРТ, сведения о способе реализации решения о КРТ, градостроительный регламент КРТ, иные сведения, в том числе определяемые нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации¹. Так, в соответствии

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.

с пунктом 1 части 1 статьи 67 ГрК РФ решением о КРТ устанавливаются границы КРТ, которые определяют на местности территорию, на которой возникает особый режим использования территории, какой именно – рассмотрим далее.

В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 67 ГрК РФ решением о КРТ определяются основные виды разрешенного использования земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства в границах территории КРТ. Очень важно упомянуть, что частью 10.2 статьи 45 ГрК РФ определено, что проекты планировки территории разрабатываются в соответствии с закрепленными в решении о КРТ предельными параметрами и видами разрешенного использования.

Если применить к этому положения абзаца 3 пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50, то можно с уверенностью сказать, что акты, содержащие градостроительный регламент, относятся к НПА.

Судебная практика об оспаривании правил землепользования и застройки также указывает, что не только генеральный план признается НПА, но и документы градостроительного зонирования (например, постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.03.2020 № Ф08-321/2020 по делу № А53-15251/2019, от 14.11.2019 № Ф08-10458/2019 по делу № А63-21604/2018).

В дополнение к этому отметим, что определением от 15.08.2023 № 307-ЭС23-1848 Верховный Суд РФ фактически указал на приоритет указываемых в решении о КРТ видов разрешенного использования над теми, которые указаны в действующем до изменения градостроительном регламенте¹. А статьи 24, 33 ГрК РФ говорят о том, что данные параметры являются основой для разработки документации территориального планирования (не параметры действующего градостроительного регламента), кроме того, именно параметры решения о КРТ в дальнейшем приводят к изменению документов градостроительного планирования и зонирования.

Тут мы видим пересечение содержания решения о КРТ с правилами землепользования и застройки, отчасти с генеральным планом, которые, в свою очередь, также определяют режим использования территории, который не ограничен ни по времени применения, ни по кругу субъектов, на которых он распространяется, ни по перечню конкретных зданий, ведь снос какого-либо здания, смена его собственника не влечет за собой отмену действия решения о КРТ, а законом не установлены какие-либо временные ограничения по применению положений такого акта в зависимости от степени реализации самого проекта.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2023 № 307-ЭС23-1848 по делу № А56-103770/2021 // СПС КонсультантПлюс. 2024.

То есть, поскольку решение о КРТ содержит в себе градостроительный регламент, тем более являющийся основой для разработки проекта планировки территории, то уже на основании тождественности (в части) данного акта с правилами землепользования и застройки его можно отнести к НПА.

Пунктами 3, 4, 6, 6.1 части 1 статьи 65 ГрК РФ закреплено, что решением о КРТ устанавливаются особенности реализации конкретного проекта: срок реализации, способ реализации, перечень объектов культурного наследия, подлежащих сохранению, документ территориального планирования, на основании которой будет осуществляться реализация проекта, если такая документация разработана заранее. Данные положения можно с некоторой оговоркой отнести к ненормативным, поскольку они касаются уже конкретных действий с конкретным проектом. Однако стоит учитывать, что хотя они и касаются конкретного проекта, но имеют силу для неограниченного круга лиц, и внести в них изменения подобно согласованию условий договора невозможно (без прохождения повторной процедуры принятия решения о КРТ со всеми вытекающими последствиями).

Пункт 7 части 1 статьи 65 ГрК РФ позволяет на уровне субъекта Российской Федерации закрепить иные положения, которые могут включаться в решение о КРТ.

Положения пункта 2.5.2 Порядка взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы при осуществлении КРТ нежилой застройки города Москвы и КРТ города Москвы по инициативе правообладателей, утвержденного постановлением Правительства Москвы от 23.03.2021 № 331-ПП, дополняют содержание решения о КРТ, конкретизируют отражаемые в нем параметры градостроительного регламента и устанавливают в решении о КРТ предельные сроки подготовки документации по планировке территории¹.

То есть мы можем сказать, что ряд положений решения о КРТ носит нормативный характер, ведь область применения не ограничена, а ряд носит смешанный характер, так как ограничен в применении только лишь в части реализации конкретного проекта. При этом решение о КРТ, помимо установления регламента территории, при комплексном анализе положений ГрК РФ обнаруживает в себе еще и особый режим, который касается всех без исключения лиц – правообладателей недвижимости в границах КРТ.

Само по себе принятие решения о КРТ создает особый правовой режим использования соответствующей территории, что вытекает из иных положений ГрК РФ и норм земельного законодательства. Так, в

¹ Постановление Правительства Москвы от 23.03.2021 № 331-ПП «О мерах по реализации проектов комплексного развития территорий нежилой застройки города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 18, 30.03.2021.

соответствии с частью 4.1 статьи 37 ГрК РФ с момента принятия решения о КРТ запрещено свободно изменять вид разрешенного использования земельного участка.

Кроме того, после принятия такого решения не допускается строительство или реконструкция зданий, строений и сооружений на определенном земельном участке без заключенного договора о КРТ, что следует из статьи 51 ГрК РФ.

Статьей 11.2 ЗК РФ запрещается образование новых земельных участков на территориях, вошедших в решение о КРТ в случае отсутствия соглашения о КРТ¹.

В части 4 статьи 57.3 ГрК РФ регламентировано, что градостроительный план земельного участка в случаях, если утверждение проекта планировки территории согласно ГрК РФ обязательно, выдается только после утверждения такого проекта планировки территории. Пункт 7 части 3 статьи 41 ГрК РФ требует утверждение проекта планировки территории в случае, если планируется реализация КРТ. Тем самым получение градостроительного плана земельного участка без утвержденного согласно заключенному договору о КРТ проекта планировки невозможно.

Тем самым нельзя отрицать тот факт, что решение о КРТ устанавливает ряд серьезных ограничений прав в отношении расположенной в таких границах недвижимости, это также явно указывает на его нормативный характер. Тут будет уместно вспомнить, что правила землепользования и застройки, в свою очередь, являясь признаваемым как в теории, так и на практике нормативным правовым актом, по своей сути имеют схожие признаки – они также устанавливают градостроительный регламент (пусть и не на будущее время), они также устанавливают (при изменении такого регламента) ограничения на строительство новых объектов или реконструкцию существующих (части 8 – 10 статьи 36 ГрК РФ).

Для Москвы отдельно стоит обратить внимание и на форму решения о КРТ – им является постановление Правительства Москвы, которое, согласно пункту 3.1.3 регламента Правительства Москвы, утвержденного постановлением Правительства Москвы от 21.02.2006 № 112-ПП, является решением, имеющим нормативный характер².

Многие видные российские специалисты, например, Л.Е. Бандорин также признают решение о КРТ нормативным актом, выдвигая аргументы о том, что такое решение, во-первых, принимается органом публичной власти, а во-вторых, включает в себя правила, которые нивелируют

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147

² Постановление Правительства Москвы от 21.02.2006 № 112-ПП «О Регламенте Правительства Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 17, 22.03.2006.

градостроительные ограничения по освоению территории и будут обязательно применяться, невзирая на правила землепользования и застройки [10, с. 45]. С данным тезисом соглашаются Белицкая А.В., Кухаренко Л.В. [11, с. 30].

Существует и промежуточная позиция. Так, Шульженко С.И., в свою очередь, считает, что решение о КРТ одновременно может признаваться как НПА, так и актом индивидуального характера [12, с. 174-189].

Судебная практика, помимо упомянутого решения Верховного Суда Российской Федерации, также склоняется к тому, что решение о КРТ носит нормативный характер. Примерами можно привести определение Арбитражного суда Московской области от 15.01.2024 по делу № А41-757/2024 о передаче спора по решению о КРТ по подсудности в суд общей юрисдикции, аналогичные определения Арбитражного суда Красноярского края от 30.03.2023 по делу № А33-8686/2023, 20 арбитражного апелляционного суда от 24.07.2023 по делу № А23-4594/2023.

3. Последствия признания решения о комплексном развитии территории ненормативным правовым актом.

С учетом того что положения главы 21 КАС РФ, которые регулируют процедуру оспаривания нормативных правовых актов, не устанавливают каких-либо сроков исковой давности для оспаривания НПА, а пункты 19, 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 50 закрепляют правило о том, что НПА могут быть оспорены даже после прекращения их действия, следует высказать опасение о том, что признание решения о КРТ в судебной практике в качестве нормативного правового акта может поставить под угрозу стабильность реализуемых проектов, поскольку отмененное решение о КРТ на любой стадии его реализации влечет за собой каскад отмен принятых в соответствии с ним актов распорядительного характера, заключенных сделок и проч.

В ином случае, если допустить, что решение о КРТ является ненормативным правовым актом, к спорам в отношении данного акта применяются положения части 4 статьи 198 АПК РФ и статьи 219 КАС РФ, согласно которым срок на оспаривание составляет 3 месяца с того момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушенном праве.

Не разбирая аспектов, в которых решение о КРТ может противоречить вышестоящим актам в иерархии по юридической силе, обратим внимание, что самым очевидным вариантом нарушения процедуры его принятия является ненаправление правообладателям недвижимого имущества от уполномоченного органа предложения заключить договор о КРТ при реализации механизма КРТ нежилой застройки.

Следует помнить, что несмотря на принятие новых поправок в ГрК РФ в 2023 году¹, сведения о принятом решении о КРТ в настоящее время не подлежат отражению в едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН). Представляется возможным утверждать, что в таком случае правообладатель о своем нарушенном праве сможет узнать лишь уже на стадии изъятия, естественным образом пропустив все сроки исковой давности. При этом надо понимать, что все же проекты решений о КРТ подлежат официальному опубликованию, однако понятно, что на практике владелец недвижимости, руководствуясь принципом достоверности ЕГРН, все же не будет следить за региональными сайтами на предмет публикации проекта.

Объективно от признания решения о КРТ ненормативным правовым актом может выиграть стабильность оборота (интересы застройщика и государства), что максимально снизит риски некачественной работы уполномоченного органа власти, но это создаст еще одно серьезное ограничение для защиты своих прав и законных интересов для правообладателей недвижимости.

Также, на наш взгляд, признание решения о КРТ ненормативным правовым актом влечет за собой ряд вопросов относительно механизма его действия, как уже было отмечено выше. Если мы допустим, что такой акт ограничивает свое действие вполне конкретными объектами недвижимости, то возникает резонный вопрос о том, не возникает ли необходимость внесения изменений в решение о КРТ в процессе его реализации, когда осуществляется межевание территории, образуются новые земельные участки, строятся и сносятся объекты капитального строительства, ведь режим КРТ из границ данной территории, предполагается, не пропадает по мере реализации проекта вплоть до его полного завершения.

В связи с этим возникает проблема соблюдения процедуры и гарантии преимущественного права на заключение договора о КРТ с правообладателями недвижимости, которым в порядке пункта 2.1 части 7 статьи 66 ГрК РФ направляется предложение о заключении договора согласно условиям опубликованного проекта решения о КРТ.

То есть, признавая необходимость изменения содержания акта, мы фактически соглашаемся и с необходимостью перезапуска всей процедуры КРТ как при нормальной его реализации, так и при изменениях вне сферы действия застройщика, что, конечно, абсурдно.

И все же, соглашаясь с мнением Шульженко С.И., отметим, что решение о КРТ хотя и содержит в себе ряд положений, которые сложно

¹ Федеральный закон от 25.12.2023 № 627-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ", 01.01.2024, № 1 (часть I), ст. 8.

отнести к нормативным (например, положение о сроке реализации проекта, способе его реализации), но одновременно решение о КРТ в силу положений части 2.1 статьи 24, части 3.4 статьи 33, части 1 статьи 67, части 10.2 статьи 45 ГрК РФ, является основой для разработки документации по планировке территории в противоречие с градостроительным регламентом, предваряет собой изменение генерального плана и правил землепользования и застройки.

Заключение

Изучив признаки НПА, которые указывает как Верховный Суд Российской Федерации, так и научное сообщество, изучив состав и содержание решения о КРТ, правовые последствия, которые наступают в связи с его принятием, предлагаем еще раз взглянуть на признаки НПА, которые сформулированы в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 и соотнести их с решением о КРТ:

а) акт принимается уполномоченными органами власти или местного самоуправления – да, поскольку согласно части 3 статьи 66 ГрК РФ решение о КРТ принимается именно ими;

б) содержит в себе нормы права – да, поскольку внутри решения о КРТ заключается градостроительный регламент, на основании которого происходит разработка документации по планировке территории, а также который впоследствии переносится в правила землепользования и застройки, также в соответствии с решением о КРТ подлежит изменению и генеральный план. Дополнительно отметим и то, что решение о КРТ устанавливает особый режим развития территории;

в) акт обязателен для неопределенного круга лиц – да, поскольку действие решения о КРТ не зависит от перечня правообладателей в границах территории, их личности на исполнение акта не влияют, а сам по себе акт не направлен на регулирование деятельности конкретных лиц;

г) акт рассчитан на неоднократное применение – да, поскольку в рамках реализации данного решения решение о КРТ является основой для принимаемых распорядительных решений: изъятие имущества, подготовка проекта планировки территории, заключение договора о КРТ и проч. Более того, в случае незаключения договора о КРТ, решение о КРТ не теряет свою силу.

При этом решение о КРТ содержит в себе ряд распорядительных положений, в связи с которыми его можно назвать атипичным нормативным правовым актом, но отнести его на этом основании к ненормативным правовым актам в силу присущей ему специфики не представляется возможным.

Исходя из изложенного, невозможно не согласиться с позицией, нашедшей свое отражение в определении Верховного Суда РФ от 20.07.2022 № 5-КАД22-34-К2, относящей решение о КРТ к нормативному правовому акту. С сожалением отмечаем, между тем, что данное решение

суда не пресекло противоречивую практику, складывающуюся в различных округах: в то время как в регионах арбитражные суды, обращая внимание на данную позицию, стали передавать дела на рассмотрение в суды общей юрисдикции, в Москве, между тем, еще сильна обратная практика.

Список источников:

1. Кельзен (2015) – Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – С. 84.

2. Чиннова (2010) – Чиннова М.В. Признаки нормативного правового акта // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. №3. С. 35 – 38

3. Алексеев (1973) – Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 24.

4. Никитин (2010) – Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: РАП, ВолтерсКлувер, 2010. –304 с.

5. Уманская (2019) – Уманская В.П. Современные подходы к понятию нормативных правовых актов в науке и практике // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. №3 (38). С. 148 – 156.

6. Бережнов (2004) – Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Зерцало, под ред. Марченко М.Н. 2004. – 800 с.

7. Джоусе-Иванина (2008) – Джоусе-Иванина М. Закон о нормативных правовых актах: некоторые проблемы регулирования системы нормативных правовых актов РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. №5. С. 67-77.

8. Атагимова (2019) – Атагимова Э.И. Определение нормативности правового акта: доктринальное понимание и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2019. №2 (31). С. 4–9.

9. Нарышева (2015) – Нарышева Н.Г. Юридическая природа актов, устанавливающих правовой режим земельных участков // Юридическая наука. 2015. №4. С. 86 – 91.

10. Бандорин, Башарин (2021) – Бандорин Л.Е., Башарин А.В. О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей // Закон. 2021. № 11. С. 41 – 52.

11. Белицкая (2023) – Белицкая А.В., Кухаренко Л.В. Комплексное развитие территории как правовой инструмент государственночастного партнерства // Юрист. - 2023. - № 2. - С. 27-32.

12. Шульженко (2022) – Шульженко С.И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (часть 2) // Управленческое консультирование. 2022. №2 (158). С. 174-189.

References:

Kelsen (2015) – Kelsen G. Pure doctrine of law [Chistoe uchenie o prave]. 2nd ed./trans. with him. M.V. Antonov and S.V. Lezova. – St. Petersburg: LLC Publishing House “Alef-Press”, 2015. – P. 84.

Chinnova (2010) – Chinnova M.V. Signs of a normative legal act [Priznaki normativnogo pravovogo akta] // Problems of economics and legal practice. 2010. No. 3. pp. 35 – 38.

Alekseev (1973) – Alekseev S.S. Problems of the theory of law: Course of lectures: In 2 vols. [Problemy teorii prava: Kurs lekcij: V 2 tomah] T. 2. Sverdlovsk, 1973. P. 24.

Nikitin (2010) – Nikitin S.V. Judicial control over normative legal acts in civil and arbitration proceedings: monograph. [Sudebnyj kontrol' za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom processe: monografiya] M.: RAP, WoltersKluwer, 2010. – 304 p.

Umanskaya (2019) – Umanskaya V.P. Modern approaches to the concept of normative legal acts in science and practice [Sovremennye podhody k ponyatiyu normativnyh pravovyh aktov v nauke i praktike] // Vestnik VSU. Series: Law. 2019. No. 3 (38), pp. 148 – 156.

Berezhnov (2004) – Berezhnov A.G., Vorotilin E.A., Kenenov A.A. and others. Theory of state and law: Textbook for universities. [Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnyk dlya vuzov] – M.: Mirror, ed. Marchenko M.N. 2004. – 800 p.

Jousse-Ivanina (2008) – Jousse-Ivanina M. Law on normative legal acts: some problems of regulating the system of normative legal acts of the Russian Federation [Zakon o normativnyh pravovyh aktah: nekotorye problemy regulirovaniya sistemy normativnyh pravovyh aktov RF] // Bulletin of Moscow University. Episode 11. Law. 2008. No. 5. pp. 67-77.

Atagimova (2019) – Atagimova E.I. Determining the normativity of a legal act: doctrinal understanding and practice of law enforcement [Opredelenie normativnosti pravovogo akta: doktrinal'noe ponimanie i praktika pravoprimeneniya] // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 2 (31). pp. 4–9.

Narysheva (2015) – Narysheva N.G. Legal nature of acts establishing the legal regime of land plots [Yuridicheskaya priroda aktov, ustanavlivayushchih pravovoj rezhim zemel'nyh uchastkov] // Legal science. 2015. No. 4. pp. 86 – 91.

Belitskaya (2023) – Belitskaya A.V., Kukharenko L.V. Integrated development of the territory as a legal instrument of public-private partnership [Kompleksnoe razvitie territorii kak pravovoj instrument gosudarstvennochastnogo partnerstva] // Lawyer. - 2023. - No. 2. - P. 27-32.

Bandorin, Basharin (2021) – Bandorin L.E., Basharin A.V. On the provision of land plots during the integrated development of the territory at the initiative of right holders [O predostavlenii zemel'nyh uchastkov pri kompleksnom razvitiiterritorii po iniciative pravoobladatelej] // Law. 2021. No. 11. P. 41 – 52.

Shulzhenko (2022) – Shulzhenko S.I. Legal problems of integrated development of territories (part 2) [Pravovye problemy kompleksnogo razvitiya territorij (chast' 2)] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie] // Management consulting. 2022. No. 2 (158). pp. 174-189.

Семейное право

УДК 347.6

JEL K36

*УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна*¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Новочеремушкинская ул., 69, Москва, 117418, Россия.

<http://orcid.org/0000-0002-8609-783X>

¹ Ульянова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой гражданского права, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, г. Москва. E-mail: maryulianova14@gmail.com

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Аннотация

Предмет/метод. Современное состояние общества, возрастающее количество рассматриваемых в судах споров из семейных отношений привлекают внимание к исследованию сущности субъективных семейных прав и проблеме осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. В статье рассматривается правовое явление как системное, выявляются предпосылки, меры, направленные на реальное осуществление семейных прав и исполнение обязанностей.

Цель/задачи. Исследование правового системного явления, выявить характер, предпосылки, представить каждый элемент системы, его место и значение в системе.

Методология. В исследовании использовались методы анализа и синтеза, аргументации и обобщения, системный подход к изучению правовых явлений. Исследование основано на доктринальных работах ученых, нормах международных актов и национального регулирования, судебной практике.

Выводы. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей определены как системное явление, выявлены, структурированы системообразующие элементы. Полученные теоретические результаты могут быть использованы в курсе семейного права, положены в основу развития правового регулирования.

Ключевые слова: *системный подход, системообразующие элементы, осуществление семейных прав, исполнение обязанностей, юридический факт, правоспособность, норма права, организационно-правовые предпосылки.*

Family Law

¹ **Marina V. Ulianova**

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Civil Law, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice (RSUJ)», Moscow.

E-mail: maryulianova14@gmail.com

EXERCISING FAMILY RIGHTS AND FULFILLING RESPONSIBILITIES: A SYSTEMATIC APPROACH

Abstract

Subject/method The current state of society, the increasing number of disputes considered in courts from family relations, draw attention to the study of the essence of subjective family rights and to the problem of the implementation of family rights and the fulfillment of duties. The legal phenomenon is considered as a systemic one, prerequisites and measures aimed at the actual implementation of family rights and the fulfillment of responsibilities are identified.

Goal/objectives To comprehend implementation as a legal system phenomenon, to identify its nature, prerequisites, to present each element of the system, its place and significance in the system.

Methodology. The research used methods of analysis and synthesis, argumentation and generalization, and a systematic approach to the study of legal phenomena. The research is based on the doctrinal works of scientists, norms of international acts and national regulations, and judicial practice.

Conclusions The exercise of family rights and the fulfillment of responsibilities are defined as a systemic phenomenon; system-forming elements are identified and structured. The theoretical results obtained can be used in a family law course and form the basis for the development of legal regulation.

Keywords: *systematic approach, system-forming elements, implementation of family rights, fulfillment of duties, legal fact, legal capacity, rule of law, organizational and legal prerequisites.*

Введение

Семейные права и обязанности невозможно рассматривать в отрыве от современного отношения к институту семьи со стороны государства и общества. Подтверждением тому служит закрепление института семьи как главной традиционной ценности в обществе¹. Современные авторы [1, с.32; 2, с.129] говорят об исполнении обязанностей внутри правоотношения. Вместе с тем следует обратить внимание на более широкий подход — государством обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7 Конституции РФ²). Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита — обязанность государства (статья 2 Конституции РФ). Поэтому важно рассмотреть не только семейное правоотношение, но и меры (предпосылки), способствующие реальному осуществлению семейных прав и исполнению обязанностей, т.е. выявить системообразующие элементы, составляющие совокупность предпосылок — юридических и организационно-правовых.

Содержание дискуссии

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс.

Юридические предпосылки системы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей

В юридической науке ранее высказывалось мнение о существовании «предпосылок» [3], «гарантий» [5, с.203, 251], «мер», в том числе обеспечивающих реализацию модели поведения [6, с.47] и являющихся отношениями по вертикали [7, с.52]. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей происходит, несомненно, внутри правоотношения, однако важны отношения, обеспечивающие¹ осуществление семейных прав и исполнение обязанностей, что позволяет в результате сделать вывод о характере взаимосвязей, имеющейся структуры и месте элементов в ней.

Юридические предпосылки представляются системообразующими, состоящими из однопорядковых элементов, к которым относятся: норма права², юридический факт, как основание возникновения, изменения и прекращения семейных прав и обязанностей, правоспособность субъектов. В рамках организационно-правовых предпосылок интерес представляют следующие: 1) по научному обоснованию вносимых и принимаемых норм права, толкования норм и правоприменительной деятельности; 2) по правовому обеспечению создания иных институтов государства и общества, деятельность которых направлена на формирование условий, позволяющих реально осуществлять семейные права и исполнять обязанности.

Поиск гарантий осуществления семейных прав и исполнения обязанностей интересует авторов не одно десятилетие. О.Ю. Косова предлагает интересную классификацию гарантий права на содержание — на юридические и по сферам общественной жизни (экономические, политические и др.); «по объединяющим группам общественных отношений, которые являются предметом разных отраслей права», что «создает систему комплексных разноотраслевых правовых норм (гарантий)» [5, с.212].

Закрепленные в Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ)³ права, по мнению ряда авторов [9], являются декларативными, что отмечается как негативный фактор [10, с.147]: право неосуществимо, обязанность не исполняется, соответственно, благо не достигаемо, что подрывает саму идею существования семейных прав, возможность их судебной защиты (абзац 2 пункта 1 статьи 1 СК РФ), исполнимость судебных актов, а следовательно, авторитет судебной власти. Вместе с тем в статье 7 Конституции РФ закреплено, что политика государства

¹ Под «обеспечить» понимают «сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым» [4, с. 364].

² Нормативно-правовое обеспечение является более широким по сравнению с нормативно-правовым регулированием [8, с. 9].

³ См.: Семейный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 1996. 27 янв.

направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Данная норма, полагаю, детализирована в отраслевом регулировании, что позволяет сделать вывод о преемственности норм и системности российского права, говорит о направленности на реальное осуществление семейных прав и исполнение обязанностей, свидетельствует о существовании системы осуществления этих прав.

Интерес представляет соотношение семейного правоотношения и нормы семейного права. Воздействие на общественные отношения происходит как бы сквозь призму права. «Норма права не входит в структуру правоотношения, но «субъекты вынуждены соотносить свое поведение с требованиями, заложенными в нормах права» [1, с.84]. Правоотношение представляется «моделью поведения», которой «определяются права и обязанности участников отношений, осуществление которых призвано обеспечить реализацию модели» [6, с.52; 11, с.132].

Норма права обладает признаком общеобязательности, ее применение обеспечивается принудительной силой государства, что применимо и для семейно-правовой нормы, которая может быть объективирована как во внутригосударственном, так и в международном праве, право рассматривается «как системная ценность» [12, с.66]. Поэтому предпосылкой осуществления семейных прав следует считать, как нормы внутригосударственные, так и положения международных договоров (примером таких норм выступает Конвенция о правах ребенка¹). «Нормы, устанавливающие модель поведения, должны быть согласованы со всей совокупностью действующих норм, регулирующих взаимосвязанные отношения» [6, с.69, 74], что повышает качество нормативно-правового регулирования. Авторы [2, с.126-127] обращают внимание на качество правовой нормы как ее признак, который позволяет субъектам реально осуществлять свои права и исполнять обязанности.

Относительно нормы права авторы говорят «о модели поведения» [2, с.74], «механизме осуществления права», «об обеспечении порядка» [13, с.505], называют ее «правилом или мерой должного поведения» [12, с.124]. Семья, отношения между ее членами представляются комплексом биологических, психологических, духовных, материальных связей. Отношения регулируются правовыми средствами, и значительная часть из них «регламентируется нравственными правилами. Нормы права регулируют лишь важнейшие моменты жизни семьи, имеющие общественное значение» [14, с.59-60]. «Претворение модели в жизнь требует не только выполнения обязанностей, но и надлежащего осуществления прав управомоченными лицами» [6, с.59, 70, 74]. Таким

¹ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

образом, именно нормой права установлен предел осуществления семейных прав, отклонение от модели влечет для лица неблагоприятные последствия.

Исследуя норму как правовой регулятор, важно выделить и иные регуляторы, содержащие модели, определяющие пределы поведения субъектов в семейных правоотношениях, их значение для осуществления семейных прав и исполнения обязанностей.

По мнению авторов, «целевая направленность норм семейного права состоит в позитивном регулировании семейных отношений... характерно наличие дозволительных, а не запретительных норм, поэтому индивидуальные акты лиц направлены на установление семейных правоотношений, выражаются в совершении волевых, активных, правомерных действий, а не в пассивном поведении этих субъектов» [14, с.60]. Для семейного права индивидуальное регулирование играет важную роль: во-первых, ввиду того что законодатель закрепил его в статье 5 СК РФ после регулирования нормами СК РФ и перед нормами Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (оговорив, что они применяются в той части, в которой не противоречат существу семейных отношений); во-вторых, в силу дискреции государственных органов при решении семейных споров².

В качестве примера можно привести нормы о воспитании ребенка, закрепленные в пункте 1 статьи 65 СК РФ; нормы (точнее, отсутствие регламентации верхней границы) о предоставлении ребенку содержания. В СК РФ предусмотрены права отдельно проживающего родителя на общение с ребенком (статья 66), предоставление алиментов другим супругом (статья 91), уплата алиментов нетрудоспособному нуждающемуся родителю (статья 87), однако не установлены и вряд ли могут быть предусмотрены один и единый порядок и способ общения с ребенком в разные периоды его жизни, единый размер алиментов и т.д. Стороны достигают соглашения и, исходя из него, строят свои отношения,

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации // Российская газета. 1994. 8 дек.

² Относительно судебного усмотрения интересна позиция, высказанная Н.М. Коркуновым в конце XIX в. Он писал, что существует «бесконечное разнообразие возможных случаев столкновения интересов, казуистические нормы... не могут обнять всех встречающихся случаев. Абстрактная форма... представляет большие удобства» [15, с.163-164]. Ученый выделял нормы казуистические (конкретные) и абстрактные, а гипотезы по степени определенности делил на безусловно определенные, неопределенные и относительно определенные. Обоснование необходимости применения неопределенной нормы «в случае надобности» возлагается на какой-либо орган власти, при каких условиях «надобность закон не определяет, а предоставляет определить свободному усмотрению органа, на который возложено осуществление нормы». Власть действовать, руководствуясь только соображениями целесообразности, а не формальными определениями права, называется дискреционной властью. Таким образом, наличие в праве норм с неопределенной гипотезой и возможность использования дискреции — это способ законодательной техники.

в противном случае вопрос уходит в сферу судебного усмотрения.

Таким образом, соглашения, акты судебных органов оказывают регулирующее воздействие на семейные правоотношения, влияют на осуществление семейных прав и исполнение обязанностей, позволяя сторонам добровольно (либо обратившись в суд) определить порядок, способы, условия осуществления семейных прав и исполнения обязанностей.

Современное представление о регулировании общественных отношений строится на двух основных типах правопонимания — позитивизме (легизме) и естественном праве [16, с.18]. Для нашего государства в последнем столетии отмечаются преобладающие тенденции первого типа. Как справедливо отмечено в научной литературе, «не норма права сама по себе является правовым средством для субъекта» [2, с.99], значимыми являются осуществление субъективного права и само субъективное право.

При определении регулирования и его подвидов уместно говорить о средстве воздействия на поведение лиц, о модели общественных отношений¹. Помимо правовых, выделяют различные социальные регуляторы общественных отношений, называя их «неправо» и классифицируя на два подвида: 1) моральные и религиозные нормы, мягкое право, «квазиправо»; 2) социальные регуляторы, установившиеся между определенным числом участников. Исследуя особенности семейного права, в науке отмечают, что в полной мере не определены «правила и меры должного поведения, а установлены лишь своеобразные «внешние границы» (рамки) возможных правоотношений» [12, с.115, 117]. В силу теоретической недостижимости и богатства фактических отношений возникает необходимость в индивидуальном регулировании общественных отношений.

Рассматривая подробно соглашения в семейном праве как юридическую предпосылку (меру)², отмечаем, что прошедшее десятилетие было ознаменовано интенсивной разработкой теории семейно-правовых договоров [18, с.353; 19; 20, с.7, 16; 21, с.6-8; 22; 23; 24 и др.]. При возникновении спора, разногласия родители, супруги могут разрешить посредством обращения в государственные органы (органы опеки и попечительства, суд). Подобный способ защиты семейных прав эффективен, решение будет вынесено, однако в силу личного характера семейных отношений приоритетно решение вопросов по взаимному согласию.

Можно выделить два подвида соглашений, основываясь на субъектном

¹ Согласно лексическому значению «регулировать» — «упорядочивать, направлять развитие, движение с целью привести в порядок» [4, с.585].

² Представляется интересной мысль Н.Н. Петуровой, которая использует понятие «меры защиты» и, сравнивая его с формой защиты, отмечает, что «форма» — понятие статическое, а «мера» — динамическое [17, с.54].

составе: 1) соглашения, заключаемые между членами семьи в отношении порядка, способа, времени и места осуществления семейных прав и исполнения обязанностей; 2) соглашения, заключаемые в целях осуществления семейных прав ребенка с государственными органами¹.

Соглашения представляют собой одну из форм правового регулирования семейных отношений (индивидуальное), определяющих место, порядок, время, способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей для конкретных субъектов семейного правоотношения, являются подвидом предпосылки осуществления семейных прав и исполнения обязанностей.

Обращаясь к актам правоприменения², следует отметить, что в отношении осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно, указываются не только лица, но и место, время, способ, порядок осуществления родительских прав.

Дискуссионным является вопрос о роли обычаев в регулировании семейных отношений, а также норм морали, нравственности, религиозных и социальных норм [26, с.57-88; 27, с.16-20; 28, с.47-52; 29; 19; 30]. Авторы высказывают позицию о невозможности предъявления к правовому регулированию и осуществлению семейных прав тех же требований, что и в рамках гражданского права [28, с.47-53], в силу такой особенности, как преобладание лично-доверительных отношений в семье и влияние морально-этических правил [26, с.57-88]. Эта особенность способствует единению членов семьи, но осложняет оценку средств регулирования.

А.М. Нечаева анализировала использование норм семейного права и обращала внимание на значение в семейных отношениях таких категорий, как «любовь», «привязанность», «уважение» и другие чувства, — именно они заставляют пользоваться нормами семейного права, в частности регламентирующими заключение брака. Имеет место сочетание различных средств, способов регулирования семейных отношений, человеческие чувства переплетены с нормами морали [31, с.10-11]. Поэтому любовь, привязанность, думаю, являются мотивами поведения членов семьи.

В современный период делается акцент на традиционные ценности,

¹ К первым следует отнести соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно; соглашение об алиментах (о предоставлении содержания несовершеннолетнему, соглашение между супругами об уплате алиментов); брачный договор; соглашение супругов о разделе имущества. Ко вторым — договор об опеке над несовершеннолетними, договор об устройстве ребенка в приемную и патронатную семью. Логично было бы эти договоры именовать «договор об установлении заботы о ребенке и устройстве на воспитание в приемную семью» [25, с.248-258].

² См., напр.: Определение ВС РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223 (иск об определении места жительства малолетнего ребенка, взыскании алиментов и определении порядка общения и встречный иск) // Документ опубликован не был. Здесь и далее, если не указано иное, ссылки на судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

религиозные устои, отмечается их значение для общества и единения семьи [29, с.16-37]. Обычаи традиционно выделяют как социальный регулятор поведения. В одних случаях обычаи и нормы морали находят закрепление в законе (например, отчество присваивается ребенку по имени отца; пункт 2 статьи 58 СК РФ), а в других явно противоречат закону (например, выкуп, похищение невесты). Обычаи могут способствовать добровольному исполнению обязанностей (например, добровольное содержание отдельно проживающим родителем при раздельном проживании родителей и ребенка).

Таким образом, норма права и соглашение в семейной сфере являются предпосылками осуществления субъективного семейного права и исполнения обязанности, системообразующим элементом.

Придерживаемся общепринятой позиции о значении юридического факта¹ или их совокупности для возникновения семейных правоотношений [32, с.71-72].

С советского периода в науке ведется дискуссия о моменте возникновения субъективных прав: «...для того чтобы у данного лица возникли те или иные субъективные права, недостаточно одной лишь правосубъектности, но необходимо также наступление определенных, законом предусмотренных юридических фактов» [11, с.257]. «Для возникновения правоотношения нужны конкретные обстоятельства, именуемые в правовой науке «юридическими фактами» [33, с.152], с которыми норма права связывает наступление указанных в ней юридических последствий [11, с.251].

О.А. Красавчиков выделял «предпосылки и основания движения» гражданского правоотношения, представлял его динамику [7, с.100]. В юридическом аспекте предпосылки подразделял на «три основные категории: 1) нормативные предпосылки; 2) правосубъектные предпосылки и 3) фактическая основа возникновения, изменения и прекращения» правоотношений. К первым относил различные нормы права, которыми устанавливается правовое регулирование общественных отношений. Правосубъектные предпосылки складываются из право- и дееспособности субъектов — участников гражданских правоотношений. Фактическая основа состоит из юридических фактов, «под которыми понимаются факты реальной действительности, с наличием или отсутствием которых нормы права связывают юридические последствия, т.е. возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений) у правосубъектных лиц» [7, с.101]. Динамика развития отношения показана автором начиная от жизненно необходимой потребности человека в некоем «материальном благе, которыми

¹ Например, В.В. Кулаков пишет о значении юридического факта или их совокупности для возникновения обязательства [1, с.84].

удовлетворяются его самые насущные потребности: в пище, одежде, жилище и др.» [7, с.101] посредством наличия правового регулирования и воли самого субъекта к их удовлетворению. Его позиция основана на работах философов и, думается, имеется необходимость в ее отраслевом углублении — не все потребности в обществе возводятся в ранг социально значимых, и поведение субъектов регулируется нормой права, предоставляя возможность и дозволенность реализовать право посредством исполнения обязанности другого лица. Некоторая часть потребностей переходит в состояние интереса, охраняемого законом интереса, что позволяет говорить об уровнях обеспеченности потребностей со стороны государственного принуждения.

Подход, строящийся на значении юридического факта как основания возникновения, изменения и прекращения правоотношения, отражен в правоприменении. Так, по обстоятельствам одного дела лица фактически проживали совместно в течение нескольких лет, накопили некоторые средства на покупку квартиры, и за два дня до регистрации брака квартира была приобретена и оформлена лишь на одного из них. Впоследствии брак был расторгнут, бывший супруг просил признать квартиру совместным имуществом супругов и разделить ее. В требовании было отказано в силу возникновения режима совместной собственности супругов с момента регистрации брака¹. Позиция о возникновении прав и обязанностей супругов именно с момента регистрации брака отражена в нормативном акте и разъяснении Верховного Суда РФ². В части защиты родительских прав такие примеры также имеют место³.

Следующим системообразующим элементом является правоспособность — «необходимое условие для правообладания, т.е. необходимая предпосылка субъективного права» [34, с.5].

¹ См.: Определение ВС РФ от 24.11.2020 № 117-КГ20-2-К4.

² «...Права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака» (пункт 42 Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. 2017. 29 дек.). См. также: пункт 2 статьи 10 и пункт 1 статьи 89 СК РФ; глава 3 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. 20 нояб.

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 26.11.2013 «Дело «X (X) против Латвии» (жалоба № 27853/09) // СПС «КонсультантПлюс». В приведенном деле лица проживали совместно, ребенок знал их как родителей. В отношении мамы материнство устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью, в отношении отца действует презумпция или добровольно подаваемое совместное заявление (может быть избран и такой способ защиты, как судебный). Брак между мужчиной и женщиной не был зарегистрирован, презумпция не распространялась, и в течение нескольких лет мужчина не установил свое отцовство в отношении ребенка. Женщина с ребенком переехала, он обратился за защитой своих родительских прав, однако даже ЕСПЧ ему пояснил, что родительство не было установлено (детско-родительского правоотношения не возникло), субъективные родительские права отсутствуют, защита невозможна.

Красавчиков О.А. отмечал, что это «специфическая, социальная способность... быть субъектом правоотношений... Установленные границы юридически возможного или необходимого образа действия лиц» [35, с.35]. Таким образом, правоспособность — это наделение лица с рождения юридической возможностью быть субъектом права, что закреплено в нормах позитивного семейного права.

Правоспособность предшествует субъективному семейному праву членов семьи, в том числе ребенка, рассматривается как определенное состояние этих прав и обязанностей, трансформируется в конкретные субъективные права — «это первоначальное состояние, стадия проявления прав, свобод и обязанностей» [36, с.271, 280; 37, с.77, 93]. В современный период авторы отмечают существование «разноотраслевой правоспособности» (семейной, гражданской и др.) в силу возможности участия ребенка в различных по своей природе правоотношениях [38].

Значение правоспособности для осуществления семейных прав и исполнения обязанностей хорошо прослеживается на примерах судебной практики¹, а также в деле Знаменской, рассмотренном в ЕСПЧ².

Таким образом, юридические факты, их совокупность, правоспособность являются юридическими предпосылками для осуществления семейных прав и исполнения обязанности как в детско-родительских отношениях, так и в супружеских, которые находятся во взаимосвязи с организационно-правовыми.

Организационно-правовые предпосылки и их место в структуре системы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей

Организационно-правовые предпосылки обеспечивают реальность осуществления семейных прав и исполнения обязанностей³. Под «организацией» понимается «деятельность по упорядочиванию связей, субординации и координации усилий в процессе достижения определенной цели» [7, с.49]. Организационной деятельности государства уделял внимание в своих работах О.А. Красавчиков, понимая ее как особый вид

¹ См., напр.: Постановление КС РФ от 02.03.2023 № 7-П (о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца).

² См.: Постановление ЕСПЧ от 02.06.2005 по делу «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2006. № 8. С. 5, 30-37.

³ В обществе всегда есть граждане, нуждающиеся в заботе, не имеющие возможности самостоятельно обеспечить свою жизнедеятельность (например, дети, престарелые, инвалиды), для них жизненно важно добровольное предоставление им заботы и содержания от членов семьи. При отсутствии добровольности лицо или его законный представитель может взыскать алименты в судебном порядке, а при необходимости и использовать меры государственного принуждения к исполнению обязанности, т.е. посредством исполнительного производства. В законе не только закреплена норма, но и создаются институты государства и общества, обеспечивающие реализацию нормы и осуществление субъективного семейного права лица.

правоотношений, складывающийся по вертикали [7, с.49]. Поэтому логично, что организационно-правовые предпосылки — это деятельность государства по созданию условий, направленных на осуществление семейных прав и исполнение обязанностей.

Организационные меры характерны в большей степени для административного права [39, с.132-136], в гражданском праве их существование не вызывает сомнений. Логично разобраться и определить организационно-правовые предпосылки, их значение для осуществления семейных прав и исполнения обязанностей, которые общепринято относить к частноправовой сфере, выявить последствия их отсутствия.

Распространенным является мнение, что организационная деятельность — это деятельность управленческая, и наоборот: управлять — значит организовывать [6, с.50]. Организационно-правовые предпосылки следует классифицировать по объекту деятельности, подразделяя на доктринальные, законодательные, правоприменительные. Невозможно представить внесение изменения в СК РФ без детальной научной проработки вопроса. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей в широком смысле охватывает деятельность государственных органов — организационно-правовую. Организационно-правовые предпосылки находятся во взаимосвязи с иными мерами — экономико-правовыми, в чем проявляется их межотраслевой характер.

На начальном этапе осмысления необходимости правового регулирования и подготовки законопроекта значение и роль доктринальной стадии невозможно умалять. Именно на этой стадии научно осмысляются потребности и интересы общества, в правовой науке возникают обобщенные законодательные идеи, формирующие как общие направления совершенствования законодательства, так и подходы к решению конкретных социальных проблем. В качестве примера можно привести многочисленные законодательные проекты о приравнивании фактических отношений¹ к супружеским. Однако научные социологические исследования [40, с.38-40; 41, с.104-107; 42, с.112-116] позволяют сделать вывод о несоответствии фактических отношений значимым общественным интересам. В этих исследованиях социологи отмечали как приоритеты семей (ее членов), выбирающих форму сожительства, так и приоритеты тех лиц, которые выбрали форму семейных отношений, основанную на браке. Было обнаружено, что приоритетной формой отношения является супружество, что соответствует традиционным ценностям и нашло свое

¹ См.: Государственной Думе предложили приравнять сожительство к официальному браку // URL: <http://duma.gov.ru/news/25716/>; Сенатор предложил уравнивать сожительство с официальным браком // РБК. 2018. 22 янв. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2018/5a6598e29a794735b6d4ca91>.

закрепление в Указе Президента РФ¹. Доктринальная стадия в современный период реализована в работе Совета по кодификации при Президенте РФ [2, с.92, 94]².

В Конституции РФ, СК РФ и других детализирующих актах российского законодательства закреплены нормы, направленные на осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей, а также в случае нарушения прав — на их защиту, что свидетельствует о выстроенной в целом единой непротиворечивой системе правового регулирования.

Доктринальные разработки влияют не только на законодательный процесс, но и на правоприменение, они важны для толкования права. Отсутствие содержания того или иного понятия, выделенных признаков не позволяет правоприменителю его использовать, лишает однозначности в толковании, правоприменении.

В рамках регулирования семейных отношений следует отметить роль Конвенции о правах ребенка, которая имплементирована в российское правовое регулирование. СК РФ, принятый в 1996 г., избрал положения этой Конвенции. В частности, глава 11 «Права несовершеннолетних детей» детализировала положения Конвенции в национальном правовом регулировании. Государство создает систему не только непротиворечивых норм правового регулирования, но и институтов, направленных на осуществление субъективных прав ребенка в семье, перечисленных в статье 54 СК РФ (на семейное воспитание, право жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей и др.). Например, для лиц с ограниченными возможностями здоровья предусмотрена регламентация получения образования³. В части супружеских отношений интерес представляют статья 18 Конституции РФ и реализация этой нормы в СК РФ (например, в его статьях 31, 32).

Законодательная деятельность направлена на создание качественного правового регулирования, когда нормы позитивного права не допускают нарушения естественных прав человека, соблюдается баланс интересов

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Помимо традиционных стадий (законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие закона, обнародование закона), выделяют и доктринальную [2, с. 92, 94].

³ В настоящее время действует Приказ Минпросвещения России от 22.03.2021 № 115 (ред. от 03.08.2023) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам — образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (зарегистрирован в Минюсте России 20.04.2021 № 63180) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104200066>, который регламентирует получение образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

посредством установления пределов осуществления семейных прав. Вместе с тем «действие правовой нормы не совпадает с феноменом реализации субъективного права» [2, с.94].

Правоприменение связано с толкованием норм права, проблемой правопонимания [16, с. 17], что является важным и отражается на осуществлении семейных прав и исполнении обязанностей (например, при обращении лица за защитой своих прав). Для правоприменения по семейным делам при высокой степени дискреции суда значимую роль играют разъяснения, содержащиеся в актах высшего судебного органа. В частности, непроста для применения норма пункта 2 статьи 7 СК РФ о назначении семейных прав или норма, предоставляющая суду право отойти от равенства долей при разделе имущества супругов (пункт 2 статьи 39 СК РФ) с учетом интереса как ребенка, так и другого супруга¹. Действует Научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ².

Для правоприменения доктринальные знания важны в связи с обеспечением толкования, в частности легального, которое носит официальный характер и создает последствия. Научные исследования и обоснования обеспечивают принятие сбалансированных решений, выявление баланса интересов субъектов и закрепление «разумного баланса интересов» [16, с.17] в принимаемых актах. Правотолкование не менее важно для осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. В частности, в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ³ было дано разъяснение «злоупотреблению родительскими правами», которое отражает особенность семейно-правовых отношений и не совпадает с принятым гражданско-правовым подходом, однако является условием для применения крайней меры — лишения родительских прав. Выделяемые виды правотолкования имеют различное значение и последствия, что связано с функциями, которые они выполняют. Юридически значимым является официальное производимое уполномоченными субъектами толкование права, закрепляемое в обязательном акте или документе. Большую роль играет уровень профессионализма правотолкователя, т.е.

¹ Например, показательно рассмотренное Верховным Судом РФ в 2019 г. дело по иску одного родителя — бывшего супруга к другому об определении доли в совместно нажитом имуществе, прекращении права общей совместной собственности и отступлении от начал равенства долей, так как с истцом проживает ребенок-инвалид (см.: Определение ВС РФ от 14.01.2020 № 18-КГ19-184).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 8 (ред. от 03.10.2017) «Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 нояб.

доктринальные знания являются сопутствующими и на этом этапе.

Организационно-правовые предпосылки находятся во взаимосвязи с организационно-экономическими предпосылками. Важно не только принять соответствующий нормативно-правовой акт (создав правовую среду, правовое обеспечение), закрепляющий интерес как право, создать единую непротиворечивую систему правового регулирования, институтов государства и общества, но и предусмотреть меры социально-экономического характера, которыми осуществление этого права будет обеспечено. Так, принятие акта подкрепляется мерами экономического характера: в частности, предусмотренным бюджетным финансированием, созданием соответствующих институтов в обществе (например, создание эффективной системы органов опеки и попечительства путем их реформирования¹). При отсутствии должного организационно-экономического обеспечения право остается декларативным.

Пример взаимосвязи юридических, организационно-правовых и организационно-экономических предпосылок можно увидеть при анализе права ребенка на образование. В пунктах 1, 2 статьи 43 Конституции РФ провозглашено право каждого на образование, в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» оно детализировано как публичное². В научных работах оно характеризуется как «предоставляющее возможности» [43, с.25-26; 44, с.14]. Реализация его дает возможность пользоваться преимуществами других прав, самостоятельно принимать решения в отношении своей жизни.

Организационная деятельность государства заключается в создании условий, планировании и координации усилий различных институтов государства, гарантируемой доступности и бесплатности дошкольного, основного общего (обязательного) и среднего профессионального образования для реального осуществления права ребенка. Обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования законодатель возложил на родителей (лиц, их заменяющих) (пункт 4 статьи 43 Конституции РФ). Рассматриваемое право представляется конституционным, однако при детальном исследовании отраслевого регулирования выявляется его содержание как субъективного семейного права ребенка.

¹ 14 апреля 2022 г. состоялись парламентские слушания на тему «О совершенствовании законодательного регулирования деятельности органов опеки и попечительства. Актуальные проблемы». URL: <http://komitet2-6.km.duma.gov.ru/Meropriyatiya-Komiteta/Parlamentskie-slushaniya/item/28481384/>. Запись доступна по ссылке: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/72093/>. См. также: Вице-спикер Госдумы Кузнецова: «Реформа органов опеки — дел времени» // Российская газета. 2023. 13 июля. URL: <https://rg.ru/2023/07/13/vice-spiker-gosdumy-kuznecova-reforma-organov-opeki-delo-vremeni.html>.

² См.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 31 дек.

Право ребенка обеспечено мерами, позволяющими его осуществить (в частности, создание правового регулирования, системы образовательных организаций, предусмотренное в бюджете финансирование на данное направление), т.е. организационной деятельностью государства. Процесс организации образования значим для осуществления права ребенка на образование. Согласно статье 28 Конвенции о правах ребенка государством принимаются все необходимые меры для обеспечения поддержания школьной дисциплины с помощью методов, отражающих уважение человеческого достоинства ребенка.

С позиции частного права в семейных отношениях право ребенка обеспечивается осуществлением родительских прав и исполнением родителями своих обязанностей.

Нормы СК РФ закрепляют право ребенка, переводя его в разряд субъективного семейного права, осуществление которого обеспечивается действиями родителей (пункт 2 статьи 63 СК РФ). Законодатель наделяет родителя правом и обязанностью действовать в интересах ребенка, правом выбора образовательной организации, принимая во внимание физическое развитие ребенка, особенности здоровья, заключает с ней договор, т.е. совершает ряд фактических и юридически значимых действий. Помимо этого, родитель совершает ряд бытовых действий, позволяющих ребенку посещать школу, выполнять учебный план и т.д. Таким образом, организационно-правовые предпосылки — это деятельность государства, направленная на создание условий для осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. Организационно-правовая деятельность, являясь межотраслевой, имеет конечную цель — удовлетворение потребностей граждан.

Вывод

Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей представляются системным явлением. Рассмотренные предпосылки выступают системообразующими элементами, которые находятся в единстве и взаимосвязи, при отсутствии какого-либо из элементов цели не достигаются, потребность не удовлетворяется.

Создаваемые государством условия не оказывают прямого воздействия на конкретное семейное правоотношение, не позволяют вмешиваться в дела семьи, но благодаря этому отношения упорядочиваются таким образом, чтобы лицо, желающее осуществить свое семейное право, исполняющее обязанности, в том числе обеспечивающее права ребенка, имело реальную возможность это сделать.

По итогам исследования осуществления семейных прав и исполнения обязанностей как правового явления можно заключить, что, помимо семейного правоотношения (в его общепринятом понимании), системообразующими элементами служат юридические и организационно-правовые предпосылки.

Список источников:

1. Кулаков (2011) – Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М. -382с.
2. Вавилин (2016) – Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2 –е изд, перераб. И доп. –Статут, 2016. 416с.
3. Толстой (1958) - Толстой Ю.К. К теории правоотношения Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. -87с.
4. Ожегов (1987) – Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред.Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. -798с.
5. Косова (2005) – Косова О.Ю. Право на содержание: семейно-правовой аспект. Иркутск: Изд-во ИПКПР ГП РФ, 2005. -253с.
6. Халфина (1974) – Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. - 352с.
7. Красавчиков (2005) – Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. -494с.
8. Арзамаскин (2016) – Арзамаскин А.Н. Нормативно-правовое обеспечение экономической политики современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. - 54с.
9. Антокольская (2010) - Антокольская М.В. Семейное право. -М.: учебник / М.В Антокольская. – 3-е изд, перераб. И доп. –М.: 2010. 432с.
10. Абрамов (2005) – Абрамов В.И. Права ребенка в России / Под ред. Н.И. Матузова. Саратов.: Изд-во ГОУ ВПО СГАП, 2005. 321с.
11. Иоффе, Шаргородский (1961) - Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., Гоюриздат, 1961. 381с.
12. Ершов (2018) – Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. –М.РГУП, 2018.628с.
13. Иоффе (2000) – Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву Из истории цивилистической мысли Гражданское правоотношение Критика теории «хозяйственного права». - М.,Статут. 2000. – 777с.
14. Данилин, Реутов (1989) - Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та, 1989. -156с.
15. Коркунов (1909) – Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Спб., 1909, стр. 119.
16. Кулаков (2021) – Кулаков В.В. Проблемы предмета, метода и объектов гражданского права // Актуальные проблемы науки гражданского права на современном этапе: монография / под общ. ред. В.В. Кулакова, М.В. Ульяновой. М.: Проспект, 2021. 336с.
17. Петурова (2019) – Петурова Н.Н. Правовое регулирование опеки и попечительства в отношении совершеннолетних лиц в России, Франции и Швейцарии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
18. Тарусина (2009) – Тарусина Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна: монография. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2009. -616с.
19. Чефранова (2007) – Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: дис. ... д-ра юрид. Наук М. 2007. -630с.
20. Чашкова (2004) – Чашкова С.Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. -

28с.

21. Звенигородская (2011) – Звенигородская Н.Ф. Содержание семейно-правового договора: проблема свободы его формирования // Семейное и жилищное право. 2011. № 6. С. 8–11;

22. Низамиева (2011) – Низамиева О.Н. Договорное регулирование семейных отношений в обеспечении прав и интересов детей // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011;

23. Савельев (2017) – Савельев Д.Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 144с.

24. Титаренко (2005) – Титаренко Е.П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2005. № 2.

25. Ульянова (2021) – Ульянова М. В. Регулирование семейных отношений / М. В. Ульянова // Актуальные проблемы науки гражданского права на современном этапе / под общ. ред. В. В. Кулакова, М. В. Ульяновой. – М.: Проспект, 2021. -336с..

26. Нечаева (2007) – Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. -330с.

27. Кулаков (2017) - Кулаков В. В. Принципы семейного права / В. В. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 16-20.

28. Чашкова (2010) – Чашкова С.Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–53;

29. Якушев (2017) – Якушев П.А. Институт брака: традиционное и правовое регулирование в России и странах Европы. Владимир: Атлас, 2017. -118с.

30. Багрова (2019) – Багрова Н.В. Индивидуальное правовое регулирование имущественных отношений супругов. Томск, 2019. -605с.

31. Нечаева (1980) – Нечаева А.М. Семья и закон Правовое регулирование неимущественных брачно-семейных отношений. М.: Изд-во Наука.1980. -128с.

32. *Семейные правоотношения в СССР / Е. М. Ворожейкин.* - М.: Юридическая литература, 1972. 336с.

33. Алексеев (1966) – Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид.лит. 1966. М. - 187с.

34. Братусь (1950) - Братусь С.Н. Курс советского гражданского права. «Субъекты гражданского права». М.: Юрид. лит. 1950. -368с.

35. Красавчиков (2005) - Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права.Избранные труды: В 2 т.Т.1М. 2005. Гражданские организационно-правовые отношения.Статут.-492 с.

36. Флейшиц (1960) – Флейшиц Е.А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М.: Госюриздат, 1960. С. 255- 283/

37. Матузов (1966) – Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР .- Саратов. Приволж. кн. изд-во. 1966. 190 с.

38. Летова (2017) – Летова Н.В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М. 2017. -144с.

39. Ямпольская (1966) - Ямпольская Ц.О. О теории административного договора// Советское государство и право. 1966. № 10. С. 132–136.

40. Попова (2015) – Попова Р.В. Ретроспективный подход в анализе социальных представлений о семье и браке// Проблемное поле современной семьи: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. МГГУ им. М.А. Шолохова, 18–19 июня 2015 г. (Москва) / отв. ред. М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева. М.: Диона, 2015. -250с.

41. Яковлев (2015) – Яковлев В.А. Личностные особенности супругов, влияющие на выбор формы супружеских отношений в современном браке // Проблемное поле современной семьи: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. МГГУ им. М.А. Шолохова, 18–19 июня 2015 г. (Москва) / отв. ред. М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева. М.: Диона, 2015. -250с.

42. Салищева (2015) - Салищева И.Е. Проблема удовлетворенности браком: результаты современных исследований за последнее пятилетие (2011–2015 гг.) // Проблемное поле современной семьи: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. МГГУ им. М.А. Шолохова, 18–19 июня 2015 г. (Москва) / отв. ред. М.И. Розенова, В.В. Ермолаев, Э.В. Лихачева. М.: Диона, 2015. -250с.

43. Борщевский, Сосна (2012) – Борщевский А.П., Сосна А.Б. Актуальные аспекты прав молодежи: право на образование // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1 С. 25–26.

44. Стульникова (2008) - Стульникова О.В. Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 225с.

References:

Kulakov (2011) – Kulakov V.V. Complex obligations in civil law [Slozhnyye obyazatel'stva v grazhdanskom prave]: dis. ... Doctor of Law. Sci. M. -382s.

Vavilin (2016) – Vavilin E.V. Exercise and protection of civil rights [Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav] - 2nd ed., revised. And additional – Statute, 2016. 416 p.

Tolstoy (1958) – Tolstoy Yu.K. On the theory of legal relations [K teorii pravootnosheniya]. L.: Publishing house Lenigr. Univ., 1959. -87 p.

Ozhegov (1987) – Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo yazyka] / Ed. N.Yu. Shvedova. M.: Russian language, 1987. - 798 p.

Kosova (2005) – Kosova O.Yu. The right to maintenance: family law aspect [Pravo na sodержaniye: semeyno-pravovoy aspekt]. Irkutsk: Publishing house IPKPR GP RF, 2005. -253 p.

Halfina (1974) – Halfina R.O. General doctrine of legal relations [Obschcheye ucheniye o pravootnoshenii]. M.: Legal. lit., 1974. - 352 p.

Krasavchikov (2005) – Krasavchikov O.A. Civil organizational and legal relations [Grazhdanskiye organizatsionno-pravovyye otnosheniya] // Categories of science of civil law. Selected works: in 2 volumes. T. 1. M.: Statute, 2005. - 494 p.

Arzamaskin (2016) – Arzamaskin A.N. Regulatory and legal support of the economic policy of the modern Russian state [Normativno-pravovoye obespecheniye ekonomicheskoy politiki sovremennogo rossiyskogo gosudarstva]: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Kazan, 2016. - 54 p.

Antokolskaya (2010) – Antokolskaya M.V. Family law [Semeynoye pravo]. -

M.: textbook / M.V. Antokolskaya. – 3rd ed., revised. And additional –M.: 2010. 432 p.

Abramov (2005) – Abramov V.I. Children's rights in Russia [Prava rebenka v Rossii] / Ed. N.I. Matuzova. Saratov: Publishing house of GOU VPO SGAP, 2005. 321 p.

Ioffe, Shargorodsky (1961) – Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of legal theory [Voprosy teorii prava]. M., Goyurizdat, 1961. 381 p.

Ershov (2018) – Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations [Pravovoye i individual'noye regulirovaniye obshchestvennykh otnosheniy]: Monograph. –M.RGUP, 2018.628p.

Ioffe (2000) – Ioffe O.S. Selected works on civil law From the history of civil thought Civil legal relations Criticism of the theory of “economic law” [Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu Iz istorii tsivilisticheskoy mysli Grazhdanskoye pravootnosheniye Kritika teorii «khozyaystvennogo prava»]. - M., Statute. 2000. – 777 p.

Danilin, Reutov (1989) – Danilin V.I., Reutov S.I. Legal facts in Soviet family law [Yuridicheskiye fakty v sovetskom semeynom prave]. Sverdlovsk: Ural Publishing House. Univ., 1989. - 156 p.

Korkunov (1909) – Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law [Lektsii po obshchey teorii prava]. St. Petersburg, 1909, p. 119.

Kulakov (2021) – Kulakov V.V. Problems of the subject, method and objects of civil law [Problemy predmeta, metoda i ob'yektov grazhdanskogo prava]// Current problems of the science of civil law at the present stage: monograph / edited by. ed. V.V. Kulakova, M.V. Ulyanova. M.: Prospekt, 2021. 336 p.

Peturova (2019) – Peturova N.N. Legal regulation of guardianship and trusteeship of adults in Russia, France and Switzerland [Pravovoye regulirovaniye opeki i popечitel'stva v otnoshenii sovershennoletnikh lits v Rossii, Frantsii i Shveysarii]: dis. ...cand. legal Sci. M., 2019.

Tarusina (2009) – Tarusina N.N. Family law: essays from classics and modernity [Semeynoye pravo: ocherki iz klassiki i moderna]: monograph. Yaroslavl: YarSU Publishing House, 2009. - 616 p.

Chefranova (2007) – Chefranova E.A. Mechanism of family law regulation of property relations of spouses [Mekhanizm semejno-pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnoshenij suprugov]: dis. ... Doctor of Law. Nauk M. 2007. - 630 p.

Chashkova (2004) – Chashkova S.Yu. The system of contractual obligations in Russian family law [Sistema dogovornykh obyazatel'stv v rossijskom semeynom prave]: abstract. dis. ...cand. legal Sci. M., 2004. -28 p.

Zvenigorodskaya (2011) – Zvenigorodskaya N.F. Contents of a family law contract: the problem of freedom of its formation [Soderzhanie semejno-pravovogo dogovora: problema svobody yego formirovaniya] // Family and housing law. 2011. No. 6. P. 8–11;

Nizamieva (2011) – Nizamieva O.N. Contractual regulation of family relations in ensuring the rights and interests of children [Dogovornoye regulirovaniye semeynykh otnosheniy v obespechenii prav i interesov detey] // Family law at the turn of the 20th–21st centuries: to the 20th anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child: materials of the International. scientific-practical conf. / answer ed. HE. Nizamiev. M.: Statute, 2011;

Savelyev (2017) - Savelyev D.B. Agreements in the family sphere [Soglasheniya v semeynoy sfere]: a textbook. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p.

Titarenko (2005) – Titarenko E.P. Concept and characteristics of agreements in family law [Ponyatiye i kharakteristika soglasheniy v semeynom prave] // Family and housing law. 2005. No. 2.

Ulianova (2021) – Ulianova M. V. Regulation of family relations [Regulirovaniye semeynykh otnosheniy] / M. V. Ulyanova // Current problems of the science of civil law at the present stage / edited by. ed. V. V. Kulakova, M. V. Ulyanova. – M.: Prospekt, 2021. -336 pp..

Nechaeva (2007) – Nechaeva A.M. Family law: current problems of theory and practice [Семейное право: актуальные проблемы теории и практики]. M.: Yurait-Izdat, 2007. -330 p.

Kulakov (2017) – Kulakov V.V. Principles of family law [Printsipy semeynogo prava]/ V.V. Kulakov // Current problems of Russian law. 2017. No. 5(78). pp. 16-20.

Chashkova (2010) – Chashkova S.Yu. Application of the categories “conscientiousness” and “reasonableness” in regulating property relations of spouses [Primeneniye kategoriy «dobrosovestnost'» i «razumnost'» pri regulirovanii imushchestvennykh otnosheniy suprugov]// Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. No. 9. P. 47–53;

Yakushev (2017) – Yakushev P.A. The institution of marriage: traditional and legal regulation in Russia and European countries [Institut braka: traditsionnoye i pravovoye regulirovaniye v Rossii i stranakh Yevropy]. Vladimir: Atlas, 2017. -118 p.

30 Bagrova (2019) – Bagrova N.V. Individual legal regulation of property relations of spouses [Individual'noye pravovoye regulirovaniye imushchestvennykh otnosheniy suprugov]. Tomsk, 2019. -605 p.

Nechaeva (1980) – Nechaeva A.M. Family and law. Legal regulation of non-property marriage and family relations [Sem'ya i zakon. Pravovoye regulirovaniye neimushchestvennykh brachno-semeynykh otnosheniy]. M.: Publishing house Nauka. 1980. -128s.

Vorozheikin (1972) – Vorozheikin E.M. Family legal relations in the USSR [Semeynnye pravootnosheniya v SSSR] - M.: Legal literature, 1972. 336 p.

Alekseev (1966) - Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state [Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve]. M.: Legal lit. 1966. M. -187 p.

Bratus (1950) – Bratus S.N. Course of Soviet civil law. "Subjects of civil law" [Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. «Sub'yekty grazhdanskogo prava»] M.: Legal. lit. 1950. -368 p.

Krasavchikov (2005) – Krasavchikov O.A. Categories of the science of civil law. Selected works [Kategorii nauki grazhdanskogo prava]: In 2 vols. T.1M. 2005. Civil organizational and legal relations. Statute.-492 p.

Fleishitz (1960) – Fleishitz E.A. Correlation of legal capacity and subjective rights[Sootnosheniye pravospobnosti i sub'yektivnykh prav] // Questions of the general theory of Soviet law. M.: Gosyurizdat, 1960. P. 255-283/

Matuzov (1966) – Matuzov N.I. Subjective rights of citizens of the USSR [Sub'yektivnyye prava grazhdan SSSR]. - Saratov. Volga region book publishing house 1966. 190 p.

Letova (2017) - Letova N.V. Family status of the child: problems of theory and practice [Semeynnyy status rebenka: problemy teorii i praktiki]: monograph. M. 2017. -144 p.

Yampolskaya (1966) – Yampolskaya T.O. On the theory of administrative

contract [O teorii administrativnogo dogovora] // Soviet state and law. 1966. No. 10. pp. 132–136.

Popova (2015) – Popova R.V. Retrospective approach to the analysis of social ideas about family and marriage [Retrospektivnyy podkhod v analize sotsial'nykh predstavleniy o sem'ye i brake] // Problem field of modern family: materials of the I International. scientific-practical conf. MGGU im. M.A. Sholokhov, June 18–19, 2015 (Moscow) / rep. ed. M.I. Rosenova, V.V. Ermolaev, E.V. Likhacheva. M.: Diona, 2015. -250 pp.

Yakovlev (2015) – Yakovlev V.A. Personal characteristics of spouses influencing the choice of the form of marital relations in modern marriage [Lichnostnyye osobennosti suprugov, vliyayushchiye na vybor formy supruzheskikh otnosheniy v sovremennom brake] // Problem field of the modern family: materials of the I International. scientific-practical conf. MGGU im. M.A. Sholokhov, June 18–19, 2015 (Moscow) / rep. ed. M.I. Rosenova, V.V. Ermolaev, E.V. Likhacheva. M.: Diona, 2015. -250 pp.

Salishcheva (2015) – Salishcheva I.E. The problem of marital satisfaction: results of modern research over the last five years (2011–2015) [Problema udovletvorennosti brakom: rezul'taty sovremennykh issledovaniy za posledneye pyatiletiye (2011–2015 gg.)] // Problem field of the modern family: materials of the I International. scientific-practical conf. MGGU im. M.A. Sholokhov, June 18–19, 2015 (Moscow) / rep. ed. M.I. Rosenova, V.V. Ermolaev, E.V. Likhacheva. M.: Diona, 2015. -250 pp.

Borshchevsky, Sosna (2012) – Borshevsky A.P., Sosna A.B. Current aspects of youth rights: the right to education [Aktual'nyye aspekty prav molodezhi: pravo na obrazovaniye] // Issues of juvenile justice. 2012. No. 1 P. 25–26.

Stulnikova (2008) – Stulnikova O.V. The constitutional right of citizens to education and problems of its implementation in the constituent entities of the Russian Federation [Konstitutsionnoye pravo grazhdan na obrazovaniye i problemy yego realizatsii v sub"yektakh Rossiyskoy Federatsii]: dis. ...cand. legal Sci. Saratov, 2008. 225 p.

Жилищное право

УДК 34.03

JEL: K25

*ПУРГЕ Анна Роландовна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

¹ Пурге Анна Роландовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета. E-mail: a.purge@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ КАК
ЖИЛИЩНОГО ФОНДА ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Аннотация

Предмет/тема. Предмет исследования составили жилищные отношения, возникающие в связи с предоставлением гражданину жилого помещения, необходимого ему для исполнения его трудовых или государственно-служебных функций, а также для проживания по обстоятельствам недостаточной для самостоятельного приобретения жилья социальной обеспеченности (социальной защищенности). Объектами представленного исследования стали статистические и фактологические данные, действующее жилищное законодательство и законодательство прошлых лет, судебная практика, научные исследования вопросов в сфере жилищного права.

Цели/задача. Цель формирования специализированного жилого фонда обуславливает и его основную юридическую особенность: жилые помещения этого фонда не могут быть отчуждены, с ними не могут быть совершены никакие распорядительные сделки, кроме сделок передачи их в пользование по назначению на основе договора найма.

Методология. Методологию представленного исследования составили как общенаучные методы, в первую очередь – всеобщий диалектический, логический, так и специальные методы социологического познания права – формально-юридический, историко-правовой, методы толкования (лингвистический), метод компаративного анализа и метод прогнозирования.

Вывод. Конституция России не ограничивает Российскую Федерацию в выборе форм и способов содействия гражданам в реализации ими своего права на жилище. Поэтому все эти формы естественным образом, как и сама правовая система России, оказались разделены на две сферы: сферу деятельности частных лиц и сферу деятельности государства. И если жилища в частной сфере отношений оказались объектом отношений свободного рынка, то в сфере деятельности государства жилища стали выступать как средство решения его задач и выполнения его публичных функций. Это обстоятельство позволило законодателю сформировать особый фонд жилых помещений, находящихся на особом правовом режиме, определяемом как специализированные жилые помещения. Исследование позволяет заключить, что, исходя из целей правового режима специализированных жилых помещений, их круг мог бы быть расширен за

счет квартир, которые предоставляются нуждающимся в улучшении жилищных условий лицам.

Ключевые слова: *жилое помещение, социальный наем, специализированное жилое помещение, служебное жилое помещение, общежитие, маневренный жилищный фонд, вынужденные переселенцы, ребенок, беженцы, государство*

Housing Law

¹*Anna R. Purge*, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Institute of Law of Vladivostok State University, Vladivostok, e-mail: a.purge@mail.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE LEGAL REGIME OF SPECIALIZED RESIDENTIAL PREMISES AS A HOUSING STOCK OF PUBLIC LEGAL RELATIONS

Subject/topic The subject of the study was housing relations arising in connection with the provision of residential premises to a citizen necessary for him to perform his labor or public service functions, as well as for living in circumstances of insufficient social security (social security) for self-purchase of housing. The objects of the presented research are statistical and factual data, current housing legislation and legislation of previous years, judicial practice, scientific research on issues in the field of housing law.

Goals/objectives The purpose of the formation of a specialized housing stock determines its main legal feature: the residential premises of this fund cannot be alienated, no administrative transactions can be made with them, except for transactions of their transfer to use for their intended purpose on the basis of a lease agreement.

Methodology The methodology of the presented research consists of both general scientific methods, primarily dialectical, axiological and formal–logical, as well as special methods of sociological knowledge of law, historical and legal, methods of interpretation (linguistic), the method of comparative analysis and the method of forecasting.

Conclusion The Constitution of Russia does not restrict the Russian Federation in choosing forms and ways to assist citizens in exercising their right to housing. Therefore, all these forms naturally, like the Russian legal system itself, were divided into two spheres: the sphere of activity of private individuals and the sphere of activity of the state. And if dwellings in the private sphere of relations turned out to be the object of free market relations, then in the sphere of state activity, dwellings began to act as a means of solving its tasks and performing its public functions. This circumstance allowed the legislator to form a special fund of residential premises under a special legal regime, defined as specialized residential premises. The study allows us to conclude that, based on the objectives of the legal regime of specialized residential premises, their range could be expanded at the expense of apartments that are provided to persons in need of better housing conditions.

Keywords: *residential premises, social hiring, specialized residential premises, office premises, dormitories, maneuverable housing stock, internally displaced persons, kid, refugees, state.*

Проблема жилища как необходимой основы жизнедеятельности человека впервые была поднята в середине прошлого века: статья 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹ включила жилище в качестве элемента нормального (гарантированного) жизненного уровня человека, необходимого для поддержания его здоровья. Впоследствии это право было признано и в других международных конвенциях уровня Организации Объединенных Наций: в статье 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 1966 г.² и в пункте 1 статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г.³

Названные положения стали основой для закрепления в статье 40 Конституции РФ как права на жилище, так и ряда необходимых для его обеспечения гарантий (запрет произвольного лишения жилища, обязанности государства по созданию жилищ для граждан (жилищное строительство) и обязанности по созданию правовых условий реализации этого права. При этом, Конституция России⁴ не ограничивает Российскую Федерацию в выборе форм и способов содействия гражданам в реализации ими своего права на жилище. Поэтому все эти формы естественным образом, как и сама правовая система России, оказались разделены на две сферы: сферу деятельности частных лиц и сферу деятельности государства. И если жилища в частной сфере отношений оказались объектом отношений свободного рынка, то в сфере деятельности государства жилища стали выступать как средство решения его задач и выполнения его публичных функций. Это обстоятельство позволило законодателю сформировать особый фонд жилых помещений, находящихся на особом правовом режиме, определяемом как специализированные жилые помещения. Эти помещения предоставляются гражданам, находящимся «вне рынка»

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=1w4x7arvxw117815348 (дата обращения: 14.04.2024)

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/?ysclid=1w4x9pa2g5305290597 (дата обращения: 14.04.2024)

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/?ysclid=1w4xc9rvo4660636721 (дата обращения: 14.04.2024)

⁴ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=1w4xdd2d4o18468887 (дата обращения: 14.04.2024)

(малообеспеченным, инвалидам, студентам, а также отдельным категориям государственных служащих), не по рыночным ценам и не на рыночных условиях.

В различные исторические периоды актуальность приобретали вопросы отдельных категорий жилых помещений. Так, в начале XXI века обострился вопрос обеспечения жилыми помещениями военнослужащих [1], решавшийся за счет предоставления им служебных (одной из разновидностей специализированных) жилых помещений [2, с. 31-35], в 2022 году острыми стали вопросы временного размещения вынужденных переселенцев¹ из приграничных с Украиной Белгородской области [3], Луганской и Донецкой народных республик [4], в 2023-2024 годах актуальным стало формирование маневренного жилищного фонда – для наращивания числа лиц, привлекаемых на государственные предприятия, обеспечивающие исполнение государственного оборонного заказа². Данные вопросы только-только начинают решаться государственной властью путем издания 06 июня 2023 года указа Президента РФ «О жилищном обеспечении отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», в связи с чем анализ правового режима этих помещений становится особенно актуальным. Нельзя также не отметить если и не полного отсутствия, то, во всяком случае, малочисленности исследований, посвященных правовому режиму специализированных жилых помещений в целом. Теоретическими вопросами специализированных жилых помещений занимались В.Б. Исаков, Ю.К. Толстой, А.Н. Кичихин и другие ученые. В частности, среди современных исследований обращают на себя внимание работы Д.А. Формакидова (диссертация защищена в 2022 г.) [5], Э.В. Гурбановой (кандидатская диссертация 2009 года) [6] и Е.А. Шипуновой (диссертация 2008 года) [7]. Особо следует отметить труды А.В. Кудашкина, одним из первых достаточно детально и полно проведшего анализ норм законодательства о специализированных жилых помещениях для военнослужащих. Однако нельзя не признать, что все эти работы за полтора последних десятилетия в значительной мере утратили актуальность и не могут отвечать на множество современных вопросов. Поэтому целесообразным представляется новое обращение к проблемам специализированных жилых

¹ Переселенным жителям белгородского приграничья отдадут в пользование старые домовладения. // ТАСС: [сайт]. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/17759457?ysclid=ljlbxtg6o95236961> (дата обращения: 24.04.2024)

² Advising refugees, asylum seekers, trafficking survivors and people with discretionary leave and humanitarian protection // Housing advisers: [сайт]. - URL: https://www.housing-rights.info/03_2_Refugees.php#housing-and-benefits (дата обращения: 20.04.2024)

помещений.

Достаточно долгое время – до начала 80-х годов прошлого века – отношения по поводу предоставления и использования специализированных жилых помещений (а также связанные с ними отношения, которые касались технических вопросов поддержания этого фонда в действующем состоянии собственником – государством) законодательно не регулировались. Лишь в 1981 году, с принятием Основ жилищного законодательства (а также с принятием в 1983 году Жилищного кодекса РСФСР – первого из жилищных кодексов, правовое регулирование жилищных отношений приобрело законодательный вид. Однако в этот период специализированные жилые помещения были лишь упомянуты в ЖК РСФСР: из его статьи 7 следовало, что жилые дома и жилые помещения предназначаются для постоянного проживания граждан, а также для использования в установленном порядке в качестве служебных жилых помещений, жилых помещений из фондов жилья для временного поселения, общежитий и других специализированных жилых помещений. Вторым случаем, когда законодатель упомянул жилые помещения, стала статья 108.1, введенная уже в 2002 г. (т.е. накануне принятия нового ЖК РФ) и отнесшая жилые помещения из фондов жилья для временного поселения к специализированным.

Иные вопросы специализированных жилых помещений продолжали регулироваться подзаконными актами. Напротив, современный нам Жилищный кодекс РФ в статье 19 (пункт второй части третьей) дает определение специализированного жилищного фонда и определяет категории всех относящихся к нему правовых режимов жилых помещений. Согласно этой статье, специализированный жилищный фонд – совокупность предназначенных для проживания отдельных категорий граждан и предоставляемых по правилам раздела IV ЖК РФ¹ жилых помещений государственного и муниципального жилищных фондов. Выделение в качестве родового признака специализированных жилых помещений их принадлежность публичному собственнику «позволяет определить типы правового регулирования... в отношении... жилых помещений» [8, с. 92-93]. Однако на этом достоинства данного определения заканчиваются. В частности, как отмечает Е. Шипунова, «определение специализированного жилищного фонда не отражает его специфики» [9, с. 41].

Целесообразно при определении понятия служебного жилого помещения, выделить следующие признаки: специальная цель предоставления; ограничение фактом трудовых (служебных) отношений и

¹ Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/?ysclid=1w4xewtxo5512484365 (дата обращения: 14.04.2024)

связь с периодом выполнения трудовых (служебных) функций; специальные требования к объекту (жилой дом или квартира); ограниченный перечень лиц, имеющих право требовать его предоставления; основание получения – трудовое или служебное (государственно-служебное, муниципально-служебное) правоотношение, фактическое исполнение обязанностей из данного правоотношения, нуждаемость. В основе данного определения – принадлежность данного жилищного фонда публичной (государственной и муниципальной) власти, которая, следовательно, обязана использовать его для решения задач, находящихся в пределах выполнения ей своих общесоциальных функций. Целевое ограничение использования данного фонда, следовательно, обусловлено целевыми ограничениями правоспособности государства и муниципальных образований (т.е. субъектов публичной власти, участвующих в гражданско-правовых отношениях).

Публично-правовые задачи, для решения которых органы публичной власти создают специализированный жилищный фонд, отражены в классификации специализированных жилых помещений, которые сгруппированы в настоящее время в восемь подгрупп (часть первая статьи 98 Жилищного кодекса РФ) и позволяют провести классификацию функций, выполняемых публичной властью в жилищной сфере. Во-первых, назначение специализированного жилого фонда состоит в содействии привлечения лучших кадров государственных и муниципальных служащих к государственной службе. В случаях, когда государство или муниципальное образование нуждается в том или ином компетентном государственном служащем, а также в случаях, когда в определенной местности возник недостаток квалифицированных кадров государственных служащих, публичная власть должна иметь возможность привлечения кадров из других местностей и, соответственно, иметь возможность обеспечить их жилыми помещениями, совокупность которых определяется как служебные (пункт первый части первой статьи 92 ЖК РФ).

Общежития (пункт второй части первой статьи 92 ЖК РФ) предназначены чаще всего для временного проживания. В частности, типичным является обеспечение общежитиями учащихся и студентов образовательных учреждений (особую группу составляют общежития, предназначенные для проживания осужденных в случае смягчения им режима отбывания уголовного наказания). Для случаев, когда граждан необходимо временно обеспечить жилыми помещениями, с последующим предоставлением другого жилого помещения, создается так называемый маневренный жилой фонд. Например, он используется в случаях, когда жилое помещение признается опасным для проживания, для граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации (в первую очередь – в трудной жилищной ситуации), например, в случае эвакуации значительного числа лиц, как это произошло с гражданским населением

Донецкой и Луганской республик в 2022 году и с населением ряда западных районов Белгородской области в 2023 году. В-четвертых, специально выделяются жилые помещения, предназначенные для беженцев и вынужденных переселенцев.

Например, типичным является переселение граждан, вследствие боевых действий, оказавшихся вынужденными переселенцами, из маневренного жилищного фонда в фонд для постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев (пункты пятый и шестой части первой статьи 92 ЖК РФ). Пункт 7 части первой статьи 92 ЖК РФ указывает на жилые помещения для социальной защиты, однако к этой же группе можно отнести и дома системы социального обслуживания (пункт 4 этой же части), а также помещения, имеющие целью обеспечение жильем детей-сирот (п. 8 ч. 1 ст. 92 ТК РФ)¹, в том числе в случаях социального сиротства. Несмотря на очевидное целевое предназначение специализированного жилищного фонда, в судах встречаются ошибки, связанные со смешением этого вида жилищных фондов, с иными жилищными фондами. Так, по одному из дел суды удовлетворили иск о выселении граждан из специализированного жилого помещения с предоставлением иного специализированного жилого помещения. Однако, как указал Верховный Суд РФ, для таких случаев (п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации") предоставляются уже не специализированные помещения, а помещения социального использования (ч. 2 ст. 103 ЖК РФ). Развивая это положение, Верховный Суд РФ провел следующие отличия между специализированным жилищным фондом и социальным (социального использования): - юридическая природа.

Действительно, если помещения социального использования предназначены для постоянного проживания граждан, то специализированные жилые помещения призваны закрыть потребность во временном жилье; - субъекты, которые заключают соответствующий договор; - основания и условия предоставления таких помещений; - права и обязанности сторон двух видов соответствующих (возникающих по поводу специализированного и социального жилых помещений) обязательств², что естественно вытекает из различия и юридической природы, а также условий

¹ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс»
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=1w4xfzvxl406569065 (дата обращения: 24.04.2024)

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2020 № 117-КГ19-31 // СПС «КонсультантПлюс» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=616084&ysclid=1w4xhddd2z612465295#LmbjeCUzcaFRjbsR> (дата обращения: 25.04.2024)

предоставления жилых помещений. Помимо данных четырех материальных признаков, существует еще один – формальный признак, позволяющий говорить о жилом помещении как специализированном: его отнесение к числу таковых, которое производится на основе правового акта органа публичной власти. Правовой акт может быть принят муниципальным (если жилой фонд относится к числу муниципальных) или государственным (если жилое помещение отнесено им к числу федерального специализированного жилого фонда или специализированного жилого фонда субъекта РФ). Данный признак основан на толковании ч. 2 ст. 92 ЖК РФ и пунктов 12-15 Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилому фонду. Порядок принятия данного акта и отнесения жилого помещения к числу специализированных установлен соответствующими Правилами (утверждены Постановлением Правительства РФ от 26.01.2006 № 42). В частности, согласно пунктам 3 и 4 Правил, отнесение жилых помещений к специализированному жилищному фонду не допускается, если жилые помещения заняты по договорам социального найма, найма жилого помещения, находящегося в государственной или муниципальной собственности жилищного фонда коммерческого использования, аренды, а также если имеют обременения прав на это имущество.

Жилые помещения, отнесенные к специализированному жилищному фонду, должны быть пригодными для постоянного проживания граждан (отвечать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, требованиям пожарной безопасности, экологическим и иным требованиям законодательства), быть благоустроенными применительно к условиям соответствующего населенного пункта. На основе данного Постановления многие федеральные органы исполнительной власти приняли свои собственные правила принятия акта о включении того или иного помещения в состав специализированного жилого фонда. В частности, такие правила были приняты: - приказом Росреестра от 30.11.2022 № П/0462; - приказом Росрыболовства от 23.06.2022 № 197 и т.д. Исследование позволяет заключить, что, исходя из целей правового режима специализированных жилых помещений, их круг мог бы быть расширен за счет квартир, которые предоставляются нуждающимся в улучшении жилищных условий лицам. В частности, речь идет о лицах, которые подлежат срочному переселению в связи с признанием аварийным многоквартирного дома. Помимо этой дополнительной категории, в расширении нуждаются: - фонд служебных квартир - как следствие, в частности, полуторакратного – до 1,5 млн увеличения численности российской армии; - фонд общежитий – как временного средства покрытия дефицита жилых помещений в районах деятельности предприятий, выполняющих оборонный заказ; - фонд домов социального обслуживания населения – как следствие роста числа инвалидов боевых действий

(исчисляющихся в настоящее время по пропорции «один к одному» с числом погибших), а также получивших тяжелое ранение военнослужащих, находящихся в процессе медицинской реабилитации и нуждающихся в постороннем уходе или медицинском уходе.

Цель формирования специализированного жилого фонда обуславливает и его основную юридическую особенность: жилые помещения этого фонда не могут быть отчуждены, с ними не могут быть совершены никакие распорядительные сделки, кроме сделок передачи их в пользование по назначению на основе договора найма. Еще одну юридическую особенность данного правового режима составляет порядок передачи этих помещений: они передаются по решению собственника специализированного фонда, которое выражается от его имени уполномоченным органом публичной власти, на основе договора найма специализированного жилого помещения. Исключение из этого общего порядка составляет фонд, предназначенный для проживания граждан при оказании им стационарных социальных услуг, жилые помещения которого передаются на основе договора безвозмездного пользования, заключаемого собственником с социальным учреждением. Последней особенностью правового режима специализированных жилых помещений является форма устанавливающего этот режим договора. Хотя по законодательству этот договор заключается письменно, какие-либо последствия нарушения этого требования нигде (кроме общих последствий, предусмотренных ГК РФ)¹ не установлены. Поэтому нарушение его письменной формы в судебной практике не влечет его недействительности.

Наиболее сложным из названных является договор служебного найма, урегулированный на нескольких уровнях: - во-первых, это правила ЖК РФ и законов субъектов РФ, а также правила, принимаемые федеральной исполнительной властью и исполнительной властью субъектов РФ и муниципальными органами, регулирующие непосредственно отношения в сфере служебного найма; - во-вторых, это нормы о жилых помещениях, которые также являются специальными, но регулируют более общую группу жилищных отношений – по поводу специализированного найма; - в-третьих, наиболее общие правила ЖК РФ о социальном найме; - в-четвертых, наиболее общие принципы. Речь идет прежде всего о первом разделе ЖК РФ, устанавливающем общие правила регулирования жилищных отношений; - в-пятых, правила ГК РФ (в первую очередь – правила Главы 35 ГК РФ); - в-шестых, правила ГК РФ о договорах, обязательствах и общие принципы гражданско-правового регулирования. Анализ правового режима общежитий позволил выявить ряд прав, о

¹ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» -
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/?ysclid=1w4xixmpia678369785 (дата обращения: 25.04.2024)

которых не все сотрудники могли знать: право использовать мебель общежития (возможно, в силу отсутствия права установки собственной мебели); право использовать постельные принадлежности, составляющие имущество организации, предоставляющей общежитие; право использовать иные предметы быта.

Исследование правового режима жилых помещений социального использования, предоставляемых детям, приводит к выводу о целесообразности возложения на органы опеки обязанности по проверке жилых помещений, выделяемых детям-сиротам (лицам из их числа) и судебному оспариванию решений о выделении сиротам помещений, не отвечающих требованиям, предъявляемым к жилым помещениям.

Исследование правового режима жилых помещений, предоставляемых беженцам, приводит к выводу о необходимости изменения статьи 11 ФЗ от 19.02.1993 № 4528-I: термин «не имеющих жилья», установленный в ч. 1 ст. 11 данного ФЗ, неудачен, поскольку не установлено конкретно, о каком конкретно субъективном гражданском праве на «жилье», а точнее, на жилое помещение идет речь. Целесообразно изменить данную статью, сформулировав ее в следующей редакции: «Фонд жилья для временного поселения предназначен для проживания лиц, признанных беженцами и членов их семей, не имеющих прав постоянного пользования жилым помещением на территории Российской Федерации» (далее – по тексту). При этом под «постоянным пользованием» жилым помещением можно понимать, как обязательственные, так и вещные, в том числе ограниченные вещные права пользования жилым помещением. Еще одним изменением правового режима данных помещений мог бы стать отказ от понятия «договор аренды жилого помещения», использованный в части второй данной статьи.

В Гражданском кодексе РФ отсутствует понятие аренды жилого помещения: возможным является либо договор коммерческого, либо договор социального найма. Поэтому целесообразным было бы изменить текст абзаца второй части второй статьи 11 ФЗ «О беженцах», изложив его в следующей редакции: «Использование жилого помещения, арендуемого территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для временного поселения лиц, признанных беженцами, и членов их семей, осуществляется на основе договора коммерческого найма с собственником жилого помещения». В этом случае речь идет не об аренде с крайне неясными правами и обязанностями сторон (тем более с учетом, что в качестве «арендатора» выступает региональное МВД (только региональные МВД являются юридическими лицами – учреждениями), а фактическим пользователем – беженец).

Неясными являются как отношения между «арендодателем» (в частности, возникает вопрос, является ли он субъектом предпринимательской деятельности или «самозанятым»), распространяются

ли на него требования законодательства о защите прав потребителей, обычно предъявляемые к предпринимателям) и «арендатором», а также отношения между «арендодателем» и фактическим нанимателем – беженцем и членами его семьи. Думается, что в данном случае должно действовать правило абзаца второго пункта 2 статьи 3 ГК РФ об обязательном соответствии норм других законов Гражданском кодексу, а при отсутствии такого соответствия – не применяться. Представляется, что к данным отношениям в полной мере могут быть применены правила о договоре коммерческого найма жилого помещения, которые юридические лица заключают для своих работников.

Целесообразным также представляется пересмотр оснований и условий предоставления жилых помещений вынужденным переселенцам, в частности, он должен быть обусловлен нахождением одного из членов семьи вынужденного переселенца в действующих Вооруженных Силах РФ, или выполнением членом семьи вынужденных переселенцев особо значимой трудовой деятельности. В таких случаях помещения жилищного фонда, предназначенные для проживания вынужденных переселенцев, должны передаваться во внеочередном порядке. При этом, предоставление жилых помещений вынужденным переселенцам может быть увязано с определенным социально-значимым производством (местом работы, условиями труда), с востребованной профессией или узкой специализацией, с имущественным и семейным положением многодетного родителя и т.д.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что публично-правовые задачи, для решения которых органы публичной власти создают специализированный жилищный фонд, отражены в классификации специализированных жилых помещений, которые сгруппированы в настоящее время в соответствии с нормами Жилищного кодекса РФ в восемь подгрупп и позволяют провести классификацию функций, выполняемых публичной властью в жилищной сфере. В настоящей статье были проанализированы проблемы правового регулирования отдельных категорий специализированного жилого фонда, таких как, служебное помещение, общежитие, маневренный фонд, жилое помещение для беженцев и вынужденных переселенцев, жилые помещения для социальной защиты граждан и представлены выводы по каждому из рассмотренных правовых режимов жилых помещений.

Список источников:

1. Васильев (2006) – Васильев П.П. Правовое регулирование отношений по предоставлению и пользованию служебными жилыми помещениями по жилищному законодательству РФ: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Васильев Павел Петрович. Белгород, 2006. 161 с.

2. Гореликов (2005) – Гореликов В.В. Идите, граждане, служить – будете в квартирах жить! (Об обязанности предоставления военнослужащим служебных жилых помещений в виде отдельной

квартиры). Право в Вооруженных Силах. 2005. №10. С. 31-35.

3. Скрипка (2023) - Скрипка А. Выдача белгородцам жилья взамен утраченного обросла проблемами. Российская газета. 18.04.2023. С. 5.

4. Дмитриева (2023) - Дмитриева И. В ЛНР создадут маневренный жилищный фонд для Выдача белгородцам жилья взамен утраченного обросла проблемами. Российская газета. 18.04.2023. С. 5

5. Формакидов (2022) - Формакидов Д.А. Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Формакидов Дмитрий Анатольевич. Москва, 2022. 582 с.

6. Гурбанова (2009) - Гурбанова Э.В. Договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 // Гурбанова Эллада Владимировна. Москва, 2009. 203 с.

7. Шипунова (2008) - Шипунова Е.А. Жилищное правоотношение по найму специализированного жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 // Шипунова Ева Александровна. Москва, 2008. 254 с.

8. Иванов (2015) - Иванов А. Вопросы недвижимости в новом Жилищном кодексе РФ. Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 92-101.

9. Шипунова (2019) - Шипунова Е. Специализированный жилищный фонд: вопросов больше, чем ответов. Жилищное право. 2019. № 5. С. 41.

References:

Vasiliev (2006) – Vasiliev P.P. Legal regulation of relations on the provision and use of office premises under the housing legislation of the Russian Federation: diss. ... cand. jurid. sciences. [Pravovoe regulirovanie otnoshenij po predostavleniyu i pol'zovaniyu sluzhebnyimi zhilyimi pomeshcheniyami po zhilishchnomu zakonodatel'stvu RF] Belgorod, 161.

Gorelikov (2005) – Gorelikov V.V. Go, citizens, serve – you will live in apartments! (On the obligation to provide military personnel with office living quarters in the form of a separate apartment). [Idite, grazhdane, sluzhit' – budete v kvartirah zhit'! (Ob obyazannosti predostavleniya voennosluzhashchim sluzhebnyh zhilyh pomeshchenij v vide otdel'noj kvartiry)] Law in the Armed Forces, 2005, 10, 31-35.

Skripka (2023) – Skripka A. The issue of housing to Belgorod residents to replace the lost one has become overgrown with problems. [Vydacha belgorodcam zhil'ya vzamen utrachennogo obrosla problemami] Rossiyskaya gazeta, 04/18/2023, 5.

Dmitrieva (2023) – Dmitrieva I. In the LPR, they will create a maneuverable housing fund for the issuance of housing to Belgorod residents in place of the lost one has become overgrown with problems. [V LNR sozhdadut manevrennyj zhilishchnyj fond dlya Vydacha belgorodcam zhil'ya vzamen utrachennogo obrosla problemami] Rossiyskaya gazeta, 04/18/2023, 5.

Formakidov (2022) – Formakidov D.A. Contractual regulation of housing relations in the Russian Federation [Dogovornoe regulirovanie zhilishchnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii]: dis. ... doct. Jurid. Sciences. Moscow, 582.

Gurbanova (2009) – Gurbanova E.V. Lease agreement for residential premises of specialized housing stock [Dogovor najma zhilogo pomeshcheniya specializirovannogo zhilishchnogo fonda]: dis. cand. Jurid. Sciences. Moscow, 203.

Shipunova (2008) – Shipunova E.A. Housing legal relationship for the hiring of specialized residential premises [ZHilishchnoe pravootnoshenie po najmu specializirovannogo zhilogo pomeshcheniya]: dis. ... cand. Jurid. sciences.

Moscow, 254.

Ivanov (2015) – Ivanov A. Real estate issues in the new Housing Code of the Russian Federation. [Voprosy nedvizhimosti v novom ZHilishchnom kodekse RF] Economy and law, 2015, 6, 92-101.

Shipunova (2019) – Shipunova E. Specialized housing stock: there are more questions than answers. [Specializirovannyj zhilishchnyj fond: voprosov bol'she, chem otvetov] Housing law, 2019, 5, 41.

Трибуна молодого ученого
Гражданское право

УДК 347

JEL: O34

***АБРАМОВ Степан Борисович*¹**

¹ ФГБОУ ВО «Российская академия интеллектуальной собственности», ул. Миклухо-Маклая, 55а, город Москва, 117279, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1888-6861>

¹ Абрамов Степан Борисович, аспирант кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин, Москва, Россия. Email: stepan.abramov@list.ru

**ФОРМЫ ВИНЫ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ**

Аннотация

Предмет/тема. В статье выявляются и подвергаются анализу формы и степени вины, характерные для причинения морального вреда при нарушении интеллектуальных прав. Для иллюстрации выводов автора, приводятся примеры конкретных нарушений прав на интеллектуальную собственность.

Цели/задачи. Задачей настоящей работы является определение возможности и особенностей применения различных форм и степеней вины к случаям причинения морального вреда вследствие нарушения прав на интеллектуальную собственность. Кроме того, в статье будет подвергнуто анализу соотношение форм и степеней вины, относящихся к нарушению интеллектуальных прав как таковых с одной стороны, и к причинению таким нарушением морального вреда, с другой.

Методология. В публикации использовались следующие методы: анализ, синтез, сравнение, формально – юридический метод. Проведена аналитическая работа по исследованию нормативных правовых актов и цивилистической доктрины.

Выводы. Установлено, что при нарушении интеллектуальных прав моральный вред причиняется, как правило, по простой неосторожности, реже – по грубой неосторожности. Концепция умышленного причинения вреда вряд ли применима к таким нарушениям. При этом степень вины, относящаяся к нарушению интеллектуальных прав как таковых, может отличаться от степени вины, соответствующей причинению морального вреда.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, причинение вреда, моральный вред, формы вины, степени вины, искусственный интеллект.

Young scientist's tribune
Civil law

¹ **Stepan B. Abramov**, postgraduate student of the Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines, Moscow, Russia. Email: stepan.abramov@list.ru

FORMS OF GUILT IN CONNECTION TO CAUSING OF MORAL DAMAGE DUE TO VIOLATION OF INTELLECTUAL RIGHTS

Annotation

Subject/topic. This article identifies and analyzes the forms and degrees of guilt characteristic for causing moral damage due to the violation of intellectual rights. To illustrate the author's conclusions, examples of specific violations of intellectual property rights are given.

Goals/objectives. The objective of this work is to determine the possibility and features of applying various forms and degrees of guilt to cases of causing moral harm by violation of intellectual property rights. In addition, the article will analyze the relationship between the forms and degrees of guilt related to the violation of intellectual rights as such, on the one hand, and to the infliction of moral harm by such a violation, on the other.

Methodology. The following methods were used in the publication: analysis, synthesis, comparison, formally – legal method. Analytical work has been carried out to study regulatory legal acts and civil doctrine.

Conclusions. It has been established that when intellectual rights are violated, moral damage is caused, as a rule, by a simple negligence, and less often by gross negligence. The concept of intentional harm is unlikely to apply to such violations. At the same time, the degree of guilt related to the violation of intellectual rights as such may differ from the degree of guilt corresponding to causing moral harm.

Keywords: *intellectual property, harm, moral harm, forms of guilt, degrees of guilt, artificial intelligence.*

Имеется немало цивилистических исследований, посвященных проблемам, связанным с компенсацией морального вреда, и в том числе касающихся условий возложения обязанности по такой компенсации.

Серьезный вклад в анализ поднятой темы внесли научные труды таких ученых, как А.М. Эрделевский [1], А.Т. Табунщиков [2], З.В. Вешкурцева [3], О.В. Дашко [4], Е.А. Михно [5].

В то же время в частноправовой литературе в большинстве случаев имеет место разбор условий компенсации морального вреда в целом, отвлеченно от конкретных объектов гражданских правонарушений, либо применительно к объектам иным, нежели правоотношения по охране интеллектуальной собственности.

Проведем анализ возможности и особенностей применения различных форм и степеней вины к случаям причинения морального вреда вследствие нарушения интеллектуальных прав.

ГК РФ предусматривает понятие вины в п.1 ст. 401, связывающей наличие вины с неправомерным лицом осмотрительности и заботливости,

требующейся от него исходя из содержания конкретного обязательства. В той же статье указывается на формы вины, применимые к гражданским правонарушениям, а именно: умысел и неосторожность.

Гражданское законодательство РФ знает также и такой вид неосторожности, как грубая неосторожность (ст. 1083 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 1064, ст. 1100 ГК РФ, п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 [6], одним из условий применения такой санкции, как компенсация морального вреда, является вина лица, нанесшего вред.

Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33 в п. 22 предписывает при исчислении размера компенсации причиненного морального вреда принимать во внимание форму и степень вины нарушителя.

Правоотношения по компенсации морального вреда, как, по большей части, и правоотношения по охране и защите интеллектуальной собственности, регулируются преимущественно гражданским законодательством. Исходя из этого, мы будем руководствоваться в первую очередь гражданско-правовыми нормами и доктриной. Между тем для более четкого разделения форм и степеней вины допустимым видится и фрагментарное обращение к релевантным правилам, используемым в уголовном праве, так как гражданско-правовые деликты в целом сходны с преступлениями, предусмотренными УК РФ.

В цивилистической литературе встречается мнение о том, что такая форма вины, как умысел, по отношению к гражданско-правовым нарушениям может быть подразделена на прямой и косвенный [7, с.132] [8, с.132].

Следует отличать форму вины, относящуюся непосредственно к самому нарушению интеллектуальных прав, от формы вины, применимую именно к моральному вреду, причиненному таким нарушением.

Интеллектуальные права как таковые вполне могут быть нарушены с прямым умыслом. Примером является присвоение авторства на произведение/его часть (плагиат), в отношении которого у нарушителя имеется абсолютно точная информация о наличии авторских прав третьего лица (то есть, нарушитель явно осознает противоправность и общественную опасность совершаемого деяния, и желает наступления общественно опасных последствий (а именно – обнародования под своим именем произведения/его части, автором которого заведомо является другое лицо)). При этом в отношении именно причиненного морального вреда применительно к рассматриваемым нарушениям представить себе прямой умысел достаточно трудно.

В отличие от ряда других противоправных деяний (например, доведение до самоубийства (ст.110 УК РФ)), оскорбление (ст.5.61 КоАП РФ) нарушители прав на интеллектуальную собственность крайне редко

желают причинить моральный вред правообладателю.

Нравственные страдания правообладателя обычно лишь сопутствуют нарушению прав на принадлежащий ему объект интеллектуальной собственности.

Безусловно, теоретически интеллектуальные права могут быть нарушены способом, заведомо оскорбительным для автора. Однако представляется, что в описанном случае необходимо ограничивать моральный вред, причиненный самим нарушением прав на интеллектуальную собственность, от страданий, причиненных оскорблением в адрес правообладателя. Объектом последнего являются отношения по охране не интеллектуальной собственности, а, скорее, чести, достоинства и деловой репутации (см. ст. 152 ГК РФ).

Косвенный умысел также вряд ли может характеризовать причинение страданий правообладателю, так как в подобных случаях даже безразличное отношение нарушителей к нравственным страданиям автора, как правило, носит негативный характер (а не позитивный, что свойственно для косвенного умысла согласно уголовно-правовой доктрине, логика которой вполне применима здесь), в том числе и если предвидение таким лицом возможности причинения страданий носит вполне конкретный характер (что характеризует косвенный умысел).

К примеру, профессиональный рок-музыкант не может не знать автора песни «Help!», или «Let it be», группы «The Beatles». Будучи занятым в той же сфере, что и автор этой песни, он явно осознает, что нарушение авторских прав на музыку способно причинить психологическую боль автору. То есть он явно осознает, что может причинить конкретные страдания конкретному лицу. Между тем музыкант хотя и безразлично относится к претерпеванию автором морального вреда, но все же сожалел бы о том, что автор страдает из-за его действий. Следовательно, нравственные страдания как следствие нарушения прав на интеллектуальную собственность, не могут быть причинены с косвенным умыслом.

Необходимо отметить, что с позиции частного права, а также логики, нарушитель может как напрямую желать причинения страданий правообладателю, так и относиться к возможности наступления такого последствия негативно-безразлично.

Однако очевидно, что подтвердить эти обстоятельства возможно лишь если такое отношение нарушителя к последствиям нарушения нашло своё отражение в доказательствах (к примеру, переписка, и т.п.), то есть крайне редко.

Причинение морального вреда в результате нарушения прав на интеллектуальную собственность с гораздо большей вероятностью может произойти по неосторожности. Как уже говорилось ранее, для гражданского права характерно деление неосторожности на простую и

грубую. При этом под грубой неосторожностью понимается не проявление наиболее базовых, элементарных правил осмотрительности и заботливости¹.

Безусловно, ключевым критерием, по которому следует проводить границу между грубой и простой неосторожностью нарушителя интеллектуальных прав, является степень (глубина, ясность) предвидения им возможности переживания правообладателем страданий.

К грубой неосторожности следует отнести, в частности, случаи причинения морального вреда лицами, занимающимися профессиональной деятельностью в соответствующей сфере. Так, художник/дизайнер не может не осознавать, что нарушение им авторских прав другого художника/дизайнера способно вызвать у такого лица психологические переживания.

Наиболее характерной для причинения нравственных страданий авторам при нарушении их интеллектуальных прав является простая неосторожность.

Возможна ситуация, при которой нарушение интеллектуальных прав характеризуется грубой неосторожностью, однако неосторожность, проявленная при причинении морального вреда, является простой. Так, лицо, профессионально занимающееся торговлей и перепродававшее товары, в которых незаконно использованы широко известные объекты авторских прав, явно скорее всего было знакомо с ключевыми брендами на соответствующем рынке, и предвидело возможность нарушения авторских прав на такие объекты, но не озаботилось проверкой прав продавца товаров.

Следовательно, допущенное этим продавцом нарушение авторских прав необходимо считать совершенным при грубой неосторожности. Между тем продавец вряд ли столь же ясно, как и человек творческой профессии, осознавал, что получение автором – правообладателем информации об имевшем место нарушении повлечет для него нравственные страдания.

Аналогичным образом лицо, имеющее юридическое образование (особенно в сфере права интеллектуальной собственности), безусловно должно осознавать риск не проявления им должной заботливости при использовании результатов творческой деятельности, и поэтому совершение им нарушения интеллектуальных прав на такие результаты нельзя не признать грубым. Между тем, как и по отношению к продавцу контрафактных товаров, осознание юристом риска причинения морального вреда автору-правообладателю вряд ли можно считать столь же отчетливым, как у человека творческой профессии.

Примером может являться также и ответственность разработчиков

¹ Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т.2 // В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др. Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. 1208 с.

генеративных систем искусственного интеллекта (ИИ) за нарушение интеллектуальных прав в работах, созданных в результате использования таких систем.

В современном мире все большее количество задач выполняется с использованием ИИ. Одной из отраслей экономики, в которой ИИ нашел свое применение, является креативная экономика. В сети Интернет можно легко найти примеры картин, музыкальных композиций, литературных и иных произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта^{1, 2, 3}.

К сожалению, нельзя исключать риск нарушения интеллектуальных прав третьих лиц при создании таких произведений, так как они могут воспроизводить существенную часть произведения, не разрешенного к свободному использованию (к примеру, персонажей)⁴.

Представляется, что ответственность за подобные нарушения должен нести не только пользователь системы ИИ, сгенерировавший произведение, но, безусловно, и разработчик этой системы, который не проявил достаточную заботливость при создании системы, допустив возможность существенного копирования ею произведений, защищенных авторским правом.

Нарушение самих по себе интеллектуальных прав, допущенное разработчиками ИИ, следует признать совершенным по грубой неосторожности, так как создавая систему ИИ, способную генерировать именно произведения литературы/искусства, они не могли не знать о существовании законодательства об охране прав на такие произведения.

Между тем причинение морального вреда правообладателю в описанном случае скорее характеризуется не грубой, а простой неосторожностью. Обоснование такого вывода будет аналогичным обоснованию, данному ранее в примере с лицом, перепродающим брендированные товары, а также в примере с юристом.

Таким образом, при нарушении интеллектуальных прав моральный вред, как правило, наносится по простой неосторожности. Страдания правообладателям могут быть причинены также по грубой неосторожности, что встречается гораздо реже. Умысел

¹ Статья «Примеры творчества ИИ» [Электронный ресурс] URL: <https://dzen.ru/a/XD8PTUxuCACqKcLa> (дата обращения 11.06.2024).

² Статья «Посмотрите на картины, созданные нейросетью. Одна из них стоит \$432 тыс. Как создаются такие работы и чем они уникальны» [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/life/news/637648d39a79474fec188976> (дата обращения 11.06.2024).

³ Статья «Плясать под ИИ-дудку: как музыканты используют нейросети» [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1545801/alena-svetunkova/pliasat-pod-ii-dudku-kak-muzykanty-ispolzuiut-neiroseti> (дата обращения 10.06.2024).

⁴ Generative Artificial Intelligence and Copyright Law, Congressional report [Электронный ресурс] URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/LSB/LSB10922> (дата обращения 08.06.2024).

(прямой/косвенный) менее характерен для нанесения такого вреда. Кроме того, доказывание наличия умысла представляется затруднительным.

При этом форма и степень вины, относящиеся к самому по себе нарушению интеллектуальных прав, не всегда совпадают с формой и степенью вины, при которых правообладателю был нанесен моральный вред.

Список источников:

1. Эрделевский (2000) – Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве: дисс. док. юр. наук: 12.00.03 / А.М. Эрделевский. - Москва, 2000. – 348 с.

2. Табунщиков (2005) – Табунщиков А.Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве Российской Федерации: дисс. кан. юр. наук: 12.00.03 / А.Т. Табушников. - Белгород, 2005. – 150 с.

3. Вешкурцева (2015) – Вешкурцева З.В. Актуальные проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в сети интернет и других информационно-коммуникационных сетях: дисс. кан. юр. наук: 12.00.03 / З.В. Вешкурцева. - Москва, 2015. – 256 с.

4. Дашко (2006) – Дашко О.В. Моральный вред и особенности его компенсации за нарушение авторских и смежных прав: дисс. кан. юр. наук: 12.00.03 / О.В. Дашко. - Москва, 2006. – 207 с.

5. Михно (1998) – Михно Е.А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дисс. кан. юр. наук. 12.00.03/ Е.А. Михно. - СПб., 1998. – 163 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [Электронный ресурс] СПС Консультант плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения 11.06.2024).

7. Асмандияров (2017) – Асмандияров В.М. Гражданское право. общая часть: учебное пособие / В.М. Асмандияров, М.М. Попович; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики., Вологда., 2017. с. 132.

8. Ооржак (2023) – Ооржак А.В. Формы вины в гражданском праве // Вестник магистратуры. 2023. № 1-2 (136). с. 132.

References:

Erdelevskii (2000) – Erdelevskii A.M. Problems of compensation for suffering in Russian and foreign law: PhD dissertation: 12.00.03 [Problemy kompensatsii za prichinenie stradanij v rossijskom i zarubezhnom prave] / A.M. Erdelevskii. - Moscow, 2000. 348 p.

Tabunshchikov (2005) – Tabunshchikov A.T. Compensation of moral damage in the civil legislation of the Russian Federation: PhD dissertation: 12.00.03 [Kompensatsiia moral'nogo vreda v grazhdanskom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii]/ A.T. Tabushchnikov. - Belgorod, 2005. 150 p.

Veshkurtseva (2015) – Veshkurtseva Z.V. Actual problems of moral damage compensation for violation of moral rights in the Internet and other informational networks: PhD dissertation: 12.00.03 [Aktual'nye problemy kompensatsii moral'nogo vreda pri narushenii lichnykh neimushchestvennykh prav v seti

internet i drugih informatsionno-kommunikatsionnykh setiakh]/ Z.V. Veshkurtseva. - Moskva, 2015. 256 p.

Dashko (2006) – Dashko O.V. Moral damage and features of its compensation for infringement of copyright and related rights: PhD dissertation: 12.00.03 [Moral'nyi vred i osobennosti ego kompensatsii za narushenie avtorskikh i smezhnykh prav]/ O.V. Dashko. - Moskva, 2006. 207 p.

Mikhno (1998) – Mikhno E.A. Compensation of moral damage in non-contractual obligations: PhD dissertation: 12.00.03 [Kompensatsiia moral'nogo vreda vo vnedogovornykh obiazatel'stvakh]/ E.A. Mikhno. - SPb., 1998. 163 p.

Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15 noiabria 2022 g. № 33 «O praktike primeneniia sudami norm o kompensatsii moral'nogo vreda» [Elektronnyi resurs] SPS Konsul'tant plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (data obrashcheniia 11.06.2024).

Asmandijarov (2017) – Asmandijarov V.M. Civil law, general part, text book [Grazhdanskoe pravo. obshchaia chast': uchebnoe posobie]/ V.M. Asmandijarov, M.M. Popovich; Feder. sluzhba ispoln. nakazanii, Vologod. in-t prava i ekonomiki., Vologda., 2017. p. 132.

Oorzhak (2023) – Oorzhak A.V. Forms of guilt in civil law [Formy viny v grazhdanskom prave]// Vestnik magistratury. 2023. № 1-2 (136). p. 132.

Трибуна молодого ученого
Международное право

УДК 341.1/8
JEL K33

КУЛАЖИНА Анастасия Олеговна¹

¹ ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, ГСП-3, г. Москва, 125993, Россия. <https://orcid.org/0009-0000-5307-2073>

¹ Кулажина Анастасия Олеговна; магистрант очного юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Россия.
E-mail: anastasiakulazhina@yandex.ru

Научный руководитель: Чувахин Петр Игоревич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва. E-mail: pichuvakhin@fa.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ
ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ**

Аннотация

Предмет/тема. В статье изучены международно-правовые основы сотрудничества Российской Федерации с международными экономическими организациями, выявлены перспективные направления развития международного сотрудничества в рамках международных экономических организаций с учетом санкционной реальности. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при

сотрудничестве Российской Федерации с международными экономическими организациями. Предмет исследования: принципы и нормы международного права, национального права, регламентирующие сотрудничество Российской Федерации с международными экономическими организациями, участие в этих организациях, а также труды отечественных и зарубежных ученых.

Цели/задачи. Цель исследования — рассмотрение международно-правового регулирования сотрудничества Российской Федерации с международными экономическими организациями. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи: выявление развития отношений России с государствами-членами международных экономических организаций на примере СНГ, изучение и анализ спорных положений Устава СНГ о членстве в Содружестве, изучение статуса Российской Федерации, как правопреемника СССР, рассмотрение воздействия сотрудничества России с приведенными международными экономическими организациями на национальную экономику.

Методология. Использовались такие общенаучные методы, как исторический, логический метод, метод обобщения, дедукция и индукция.

Вывод. В статье приведён анализ международно-правовых основ сотрудничества Российской Федерации с международными экономическими организациями. Сделан вывод о том, что Российская Федерация является правопреемником СССР. Дана оценка эффективности международного сотрудничества в рамках СНГ. Выявлены проблемы при международном сотрудничестве в период санкций. Сделан вывод о том, что Российская Федерация является правопреемником СССР.

Ключевые слова: *международные экономические организации, правопреемство, санкции, СНГ.*

Young scientist's tribune International law

¹ **Anastasia O. Kulazhina**, MA student at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: anastasiakulazhina@yandex.ru

*Academic supervisor: Petr I. Chuvakhin, PhD in Law, Senior lecturer of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
E-mail: pichuvakhin@fa.ru*

THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND INTERNATIONAL ECONOMIC ORGANIZATIONS

Annotation

Subject/topic The article examines the international legal foundations of cooperation between the Russian Federation and international economic organizations, identifies promising areas for the development of international cooperation within the framework of international economic organizations, taking into account the sanctions reality. The object of the study is the social relations arising from the cooperation of the Russian Federation with international economic organizations. The subject of the research is the

principles and norms of international law, national law governing the cooperation of the Russian Federation with international economic organizations, participation in these organizations, as well as the works of domestic and foreign scientists.

Goals/objectives The purpose of the study is to consider the international legal regulation of cooperation between the Russian Federation and international economic organizations. To achieve this goal, the following tasks were set: to identify the development of relations between Russia and member states of international economic organizations on the example of the CIS, to study and analyze the controversial provisions of the CIS Charter on membership in the Commonwealth, to study the status of the Russian Federation as the legal successor of the USSR, to consider the impact of Russia's cooperation with these international economic organizations on the national economy.

Methodology Such general scientific methods as historical, logical method, generalization method, deduction and induction were used.

Conclusion The article provides an analysis of the international legal framework for cooperation between the Russian Federation and international economic organizations. It is concluded that the Russian Federation is the legal successor of the USSR. The effectiveness of international cooperation within the CIS is assessed. Problems with international cooperation during the period of sanctions have been identified. It is concluded that the Russian Federation is the legal successor of the USSR.

Keywords: *international economic organizations, succession, sanctions, CIS.*

Профессор А.Х. Абашидзе определяет членство в международной организации, как «упорядоченную форму участия государств в процессе международного взаимодействия»¹. Участие России в международных организациях должно быть на правомерной основе. Обязательным условием является соответствие учредительного документа организации принципам и нормам международного права, особенно принципам *jus cogens*. Неправомерный учредительный акт является ничтожным, а его действие прекращается в кратчайшие сроки. Россия вступает в международную организацию для координации усилий в конкретной области деятельности. Таким образом, между государствами-членами появляется посредник в лице международной организации.

Предмет исследования обязывает рассмотреть международно-правовые основы сотрудничества России с международными экономическими организациями, а также ее участие в них. Россия участвует как правопреемник бывшего Союз Советских Социалистических Республик (далее — СССР) согласно ч. 1 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации². Как правопреемник СССР, Россия продолжила членство в

¹ Абашидзе (2023) – Абашидзе А.Х. [и др.] Право международных организаций: учебник для вузов /; под редакцией А.Х. Абашидзе. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — С. 10.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №

Организации Объединенных Наций (далее — ООН), а также в Совете Безопасности ООН. Для координации взаимодействия с 1948 года работает Информационный центр ООН в Москве при Министерстве иностранных дел¹. СССР с 24 октября 1945 года являлся государством-основателем ООН. Согласно Письму Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия продолжила осуществлять права, а также выполнять обязательства, которые взял на себя СССР согласно международным договорам. Соответственно, Российская Федерация воспринимается в международном праве как государство-продолжатель СССР².

Россия как правопреемник СССР участвует в Содружестве Независимых государств (далее — СНГ), которое объединяет некоторые бывшие республики СССР и в настоящее время в организацию входят Российская Федерация, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Беларусь, Азербайджан, Киргизия, Армения, Молдова, Армения, ассоциированным членом является Туркменистан, а Украина имеет спорный статус в связи с тем, что в 2014 году прекратила своё фактическое участие, но официальное заявление о выходе не подала. Согласно подп. 5 п. 101 раздела IV Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» достижение стратегической стабильности и взаимовыгодного международного сотрудничества Российской Федерации осуществляется путем решения такой задачи, как углубление сотрудничества с государствами-участниками СНГ³. В декабре 1991 года в Беловежской пуще было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств, которое указывает на прекращение существования СССР как геополитической реальности и субъекта международного права⁴.

Вопрос правомерности положений этого документа остался открытым и породил различные точки зрения в юридической литературе. По мнению С.В. Косилкина, решение, которое было принято только тремя союзными республиками, не является легальным. Обоснование такого тезиса — волеизъявление граждан СССР, которое иллюстрирует референдум 1991

2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.07.2020, № 31. Ст. 4398.

¹ Официальное Интернет представительство Организации Объединённых Наций (ООН) в России. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.unrussia.ru/ru>. (дата обращения: 17.05.2024).

² Письмо МИД России от 13 января 1992 г. № 11/Угп // Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – Т. 1. – М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. — С. 476.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 17.05.2024).

⁴ Игнатенко (2007) – Международное право (2007). Учебник для вузов /Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. - М.: Норма, 2007. — С. 363.

года. Он закончился тем, что большинство граждан проголосовали за сохранение СССР [1, с. 75]. А.В. Куликов [2, с. 190] и Ю.Х. Калмыков [3, с. 366] разделяют данную точку зрения. Эти ученые-правоведы считают, что роспуск СССР с правовой точки зрения облечен в неправильную форму. Украина и Туркменистан не подписали Устав СНГ¹ и, согласно правовому статусу, не являются полноправными членами Содружества, а лишь учредителями или участниками. Этот факт показывает, что государства-учредители международной организации не являются членами по Уставу СНГ. Это противоречивая ситуация. Логичным можно считать мнение С.В. Косилкина. Ученый полагает, что на Украину и Туркменистан Раздел II, который регулирует членство в СНГ, не распространяется [1, с. 76].

П.Н. Бирюков указывает на неясность разделения государств-членов на отдельную категорию в Разделе II Устава СНГ. Он обосновывает свое мнение тем, что если посмотреть на другие статьи Устава, то мы увидим термин «государства-члены», используемый относительно всех государств, которые входят в рассматриваемую международную экономическую организацию². Отметим, термин «государства-члены» относится к странам несмотря на то, приняли ли они обязательства по Уставу или же нет. По мнению С.В. Косилкина, такое положение дел порождает трудности, так как за государствами-учредителями и ассоциированными членами как в Уставе, так и в других документах, нет закрепленного статуса. Эти страны де-факто считаются государствами-членами, которые участвуют в работе высших органов СНГ, а также получают квоты на должности в международной организации. То есть, объем прав у таких стран и членов СНГ является равным. Но совокупность обязанностей — разная. Так, государства, которые не принимали на себя закрепленные Уставом обязательства (поэтому не обязаны их исполнять), могут выбирать сферы для сотрудничества с членами СНГ. Ученый также отмечает, что СНГ имеет отличие от многих международных организаций: Содружество было создано не Уставом, а Соглашением. При этом Соглашение 1991 года³ не было отменено Уставом, поэтому все права и обязательства, приобретенные до принятия Устава, подлежат выполнению. Государства, подписавшие Соглашение 1991 года, но не Устав, продолжают применять к себе термин «участники», а не «члены» [1, с. 223].

¹ Решение Совета глав государств СНГ «О принятии Устава СНГ» (Вместе с Уставом Содружества Независимых Государств (Минск, 22 января 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. 1994. № 1. С. 4-14.

² Бирюков (2024) – Бирюков, П. Н. Международное право: учебник для вузов / П. Н. Бирюков. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — С. 167.

³ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств 8 декабря 1991 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1> (дата обращения 17.05.2024).

Несмотря на это, в Уставе СНГ, как отмечает Н.Н. Шумский, нет реальных механизмов, чтобы реализовать принятые решения Содружества. Также у Совета глав государств СНГ есть право применять меры, которые соответствуют международному праву, но не предусмотрено перечня конкретных мер воздействия на государства [4, с. 88]. Тем не менее, СНГ играет важную роль в системе международных отношений на постсоветском пространстве. Оно объединяет бывшие республики СССР и помогает сохранить тесные дружеские связи в период политических изменений.

Говоря о сотрудничестве России с государством-членом СНГ Республикой Беларусь, можно говорить о реальных предпосылках для дальнейшего развития отношений — санкционных реалиях. Более 50% высокотехнологичных импортных товаров в Россию сегодня подвергаются санкциям, и можно ожидать, что дальнейший рост ограничений по поставкам будет усиливаться [5 с. 9]. Это связано с тем, что западные страны стремятся ослабить технологический потенциал России и Беларуси, уменьшить конкурентоспособность их экономик и ударить по стратегическим отраслям [6, с. 90]. Возможностей для расширения сотрудничества много. Например, белорусский завод «Интеграл» и аналогичные предприятия в России могут помочь в решении проблем импортозамещения в области микроэлектроники. Минский завод «Горизонт», который производит продукцию для управления космическими аппаратами и самолетами, может помочь в решении проблем импортозамещения в России в области авиастроения. Также научные предприятия, такие как «БелОМО» и «Пеленг», могут быть задействованы в совместной кооперации. Взаимодействие в области IT также обещает быть перспективным [7, с. 57].

Еще один пример сотрудничества: закон о ратификации межправительственного соглашения между Республикой Беларусь и Россией, направленного на развитие военно-технического сотрудничества между странами до 2025 года, был подписан президентом Республикой Беларусь, Александром Лукашенко. Соглашение включает поставки продукции военного назначения, создание и модернизацию образцов вооружения, а также участие в мероприятиях военно-технического сотрудничества, проводимых в России и Республики Беларусь¹.

Государства Центральной Азии пытаются маневрировать и наращивать экономические связи с Россией и другими странами СНГ, но при этом они будут также стараться развивать отношения с другими странами, в том

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о реализации Программы военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь до 2025 года (Минск, 23 сентября 2022 г.) // Бюллетень международных договоров. 2023. № 9.

числе и за пределами региона. Кроме того, некоторые государства Центральной Азии, такие как Казахстан и Узбекистан, проявляют интерес к участию в крупных международных инфраструктурных проектах, таких как Китайско-Казахстанско-Иранская железнодорожная магистраль или Транскорейский магистральный проект [8, с. 25]. Страны Центральной Азии будут продолжать быть важными партнерами России в различных интеграционных структурах, включая СНГ. Тем не менее, из-за территориальных конфликтов, межэтнических противоречий и геополитических разногласий, ситуация в регионе будет продолжать оставаться сложной. Россия будет стремиться сохранить свои интересы в регионе и укреплять свою роль там, но также будет искать возможности для сотрудничества с другими странами и региональными игроками, в том числе за пределами СНГ [9, с. 346].

Россия является ключевым элементом и главным двигателем СНГ благодаря ее геополитическому положению на постсоветском пространстве и роли в мировой политике. Она обладает самой большой территорией, численностью населения, а также сильным социально-экономическим и военным потенциалом в сравнении с другими государствами СНГ [10, с. 69]. Россия играет системообразующую роль в СНГ и будет продолжать это делать в обозримом будущем. Объем товарооборота России со странами СНГ в 2023 году превысил 83,7 миллиардов долларов¹.

29 мая 2020 года Совет глав правительств Содружества Независимых Государств принял новую Стратегию экономического развития СНГ до 2030 года² (далее — Стратегия 2020).

Разработчики Стратегии 2020 отмечают, что новая технологическая реальность создаст благоприятные условия для развития национальных экономик государств-участников СНГ. Также в стратегии заложена идея повышения уровня и качества жизни граждан Содружества. Для этого нужно разработать и реализовать новые подходы и механизмы взаимодействия между государствами в рамках СНГ. Важно отметить, что все государства-участники СНГ заинтересованы в долгосрочном, стратегическом и взаимовыгодном сотрудничестве, основанном на равноправии, для достижения целей экономического развития.

Анализируя Стратегии 2008³ и 2020, Л. Б. Свистунова и П.А. Брежнева

¹ Путин: Первоочередная задача – сохранение и укрепление тесных связей между народами стран СНГ. Официальный сайт Российской газеты. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://rg.ru/2023/12/26/reg-szfo/v-dvorcovyh-intererah.html> (дата обращения 17.05.2024).

² О Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года. Решение Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2020 года. // [Электронный ресурс] // URL: <https://c-cis.info/page/3762/> (дата обращения 17.05.2024).

³ Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (14 ноября 2008 года, г. Кишинев) Утверждена Решением

сделали важный вывод: новая стратегия не является принципиально новым документом, устанавливающим качественно новые направления взаимодействия государств-участников в экономическом развитии. Она скорее конкретизирует базовые и принципиальные цели сотрудничества с учетом актуальных тенденций развития социально-экономической сферы, таких как повышение производительности труда, структурной перестройки экономики, наращивание усилий в промышленной кооперации, повышение уровня экономической безопасности, наращивание экспортного потенциала, улучшение делового климата, развитие транспортной инфраструктуры, привлечение внешних финансовых ресурсов и развитие человеческого капитала, которые являются приоритетными для Российской Федерации [11, с. 160].

Российская Федерация приняла национальную Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020¹, в соответствии с разработанной стратегией².

Основные принципы Концепции направлены на создание конкурентоспособной экономики высоких технологий и сохранение лидерства России на мировом рынке энергетического сектора. Ранее разработанные стратегии являются рекомендательными документами, которые дают вектор необходимого развития государств-участников Союза, и на их основе государства должны разработать свои собственные национальные стратегии долгосрочного развития.

Согласимся с мнениями Л.Б. Свистунова и П.А. Брежнева о том, что стратегии, которые были проанализированы, являются комплексными документами. То есть содержат общие положения сотрудничества. Государствам-участникам Содружества рекомендуется разработать свои собственные национальные стратегии или концепции, которые будут служить планом их долгосрочного развития. Стратегии являются рекомендательными документами. Эти положения не только декларируют основные цели и задачи, но и определяют вектор необходимого развития

Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 года. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/18764> (дата обращения 17.05.2024).

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d803366928fa27e527 (дата обращения 17.05.2024).

² Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (14 ноября 2008 года, г. Кишинев) Утверждена Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 года. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/18764> (дата обращения 17.05.2024).

[11, с. 162].

Список источников:

1. Косилкин (2003) – Косилкин С.В. Правовой статус интеграционных объединений государств-участников СНГ: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. - М., 2003. — 222 с.

2. Куликов (2000) – Куликов А.В. Методы принятия решений в международных организациях и на международных конференциях // Журнал международного права. 2000. № 3(39). С. 185-219.

3. Калмыков (2003) – Калмыков Ю.Х. Повороты судьбы: Воспоминания. Статьи. Интервью – М.: Статут, 2003. 366 с.

4. Шумский (2012) – Шумский Н.Н. Особенности организационно-правовой системы Содружества Независимых Государств и основные направления ее совершенствования// Государство и право. 2012. № 8. — С. 87-91.

5. Ленчук (2022) – Ленчук Е.Б. Импортзамещение в Союзном государстве: направления эффективного взаимодействия России и Беларуси // РСМ. 2022. № 4 (117). — С. 6-22.

6. Желиба (2021) – Желиба Б.Н. Влияние санкций Запада на экономику Беларуси // Стратегии развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Национальная академия наук Беларуси. Институт экономики НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2021. 640 с.

7. Широ́в (2022) – Широ́в А., Гусев М. Импортзамещение: стратегия и тактика успеха // Эксперт. 2022. № 27. — С. 56-59.

8. Малышев (2020) – Малышев Д.В. Содружество Независимых Государств: пространственно-организационная динамика. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. — С. 23-36.

9. Цзы (2018) – У. Цзы, Сазонов С.Л. Регион Центральной Азии как важнейшее звено инфраструктурного сотрудничества большой евразии-2030 // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. №1-1. С. 344-348.

10. Позднякова (2020) – Позднякова Т.М. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2020. № 3 (40). С. 66-77.

11. Свистунова (2021) – Свистунова Л.Ю., Брежнева П.А. Стратегические направления экономического сотрудничества государств - участников СНГ на современном этапе // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). — С. 157-167.

References:

Kosilkin (2003) – Kosilkin S.V. The legal status of integration associations of the CIS member states: dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.10. - M. [Pravovoj status integracionnyh ob"edinenij gosudarstv-uchastnikov SNG: dissertaciya ... kandidata yuridicheskix nauk: 12.00.10. - M.]. 2003. — 222 p.

Kulikov (2000) – Kulikov A.V. Methods of decision-making in international organizations and at international conferences // Journal of International Law. [Metody prinyatiya reshenij v mezhdunarodnyh organizacijah i na mezhdunarodnyh konferencijah // ZHurnal mezhdunarodnogo prava]. 2000. № 3(39). P. 185-219.

Kalmykov (2003) – Kalmykov Y.H. Twists of fate: Memories. Articles. Interview – Moscow: Statute. [Povoroty sud'by: Vospominaniya. Stat'i. Interv'yu – M.: Statut]. 2003. — 366 p.

Shumsky (2012) – Shumsky N.N. Features of the organizational and legal system of the Commonwealth of Independent States and the main directions of its improvement// State and law. [Osobennosti organizacionno-pravovoj sistemy Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv i osnovnye napravleniya ee sovershenstvovaniya// Gosudarstvo i pravo]. 2012. № 8. P. 87-91.

Lenchuk (2022) – Lenchuk E.B. Import substitution in the Union State: directions of effective cooperation between Russia and Belarus // RSM. [Importozameshchenie v Soyuznom gosudarstve: napravleniya effektivnogo vzaimodejstviya Rossii i Belarusi // RSM]. 2022. № 4 (117). P. 6-22.

Zheliba (2021) – Zheliba B.N. The impact of Western sanctions on the economy of Belarus // Strategies for the development of the economy of Belarus: challenges, implementation tools and prospects. The National Academy of Sciences of Belarus. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Law and Economics. [Vliyanie sankcij Zapada na ekonomiku Belarusi // Strategii razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizacii i perspektivy. Nacional'naya akademiya nauk Belarusi. Institut ekonomiki NAN Belarusi. Minsk: Pravo i ekonomika]. 2021. — 640 p.

Shirov (2022) – Shirov A., Gusev M. Import substitution: strategy and tactics of success // Expert. [Importozameshchenie: strategiya i taktika uspekha // Ekspert]. 2022. № 27. P. 56-59.

Malyshev (2020) – Malyshev D.V. The Commonwealth of Independent States: spatial and organizational dynamics. Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS. [Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: prostranstvenno-organizacionnaya dinamika. Analiz i prognoz. ZHurnal IMEMO RAN]. 2019. № 3. P. 23-36.

Tzu (2018) – Wu Tzu, Sazonov S.L. The Central Asian region as the most important link in infrastructural cooperation of Greater Eurasia-2030 // Greater Eurasia: development, security, cooperation. [Region Central'noj Azii kak vazhnejshee zveno infrastruktornogo sotrudnichestva bol'shoj evrazii-2030 // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2018. № 1-1. P. 344-348.

Pozdnyakova (2020) – Pozdnyakova T.M. Integration processes in the post-Soviet space // Bulletin of the PSU. Sholom Aleichem. [Integracionnye processy na postsovetskom prostranstve // Vestnik PGU im. SHolom-Alejhema]. 2020. № 3 (40). P. 66-77.

Svistunova (2021) – Svistunova L.Yu., Brezhneva P.A. Strategic directions of economic cooperation of the CIS member states at the present stage // Leningrad Law Journal. [Strategicheskie napravleniya ekonomicheskogo sotrudnichestva gosudarstv - uchastnikov SNG na sovremennom etape // Leningradskij yuridicheskij zhurnal]. 2021. № 2 (64). P. 157-167.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Главный редактор: Юрий Викторович Степаненко, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Editor in Chief: Yuri Viktorovich Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNI MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Заместитель главного редактора: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Editor: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Ответственный секретарь: Петюкова Оксана Николаевна – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: oksana55@mail.ru).

Oksana N. Petyukova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: oksana55@mail.ru).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL COUNCIL

Председатель совета: Альбов Алексей Павлович – кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член–корреспондент РАЕН, профессор кафедры «Теория и истории государства и права» Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Chairman of the Board: Alexey P. Albov, candidate of philosophical Sciences, doctor of legal Sciences, Professor, honored worker of science and education, corresponding member of RAE, Professor, Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Russian Customs Academy (RTA); Professor of the All– Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Заместитель председателя: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва
(E-mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Chairman of the Editorial Board: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E-mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Амосова Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, старший юрист-консульт ООО «Мэнпауэр СиАйЭс», Москва
(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Olga S. Amosova, PhD in Law, Moscow
(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Ананьева Анна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: annaslast@mail.ru).

Anna A. Ananyeva – Deputy Head of Department of Civil Law, Russian State University of Justice, candidate of Legal sciences, Moscow, Russia.
(E-mail: annaslast@mail.ru).

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ksenia M. Belikova, Doctor of sciences (in law), Professor of the Department of Civil Law and Proceedings and International Private Law, Law Institute of Law. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Professor, Moscow, Russia. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Vitaly V. Vanin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Гирько Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, академик РАЕН, Москва. (E-mail: syvorina959134@mail.ru).

Sergey I. Girko, Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow Doctor of Law, professor, Moscow, Russia.
(E-mail: syvorina959134@mail.ru)/

Головинская Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир.
(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Irina V. Golovinskaya, Doctor of law, professor, professor of the Department of criminal law, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov», Vladimir, Russia.

(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Гришина Яна Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: grishinel@inbox.ru).

Yana S. Grishina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia

(E-mail: grishinel@inbox.ru).

Иванова Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E-mail: Ivanovasa1@yandex.ru).

Svetlana A. Ivanova, doctor of law, professor, professor of the Department of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: Ivanovasa1@ya.ru).

Капустин Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Anatoly Y. Kapustin, Doctor of law, professor, Moscow, Russia.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Кирпичев Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Alexsandr E.Kirpichev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Костылева Елена Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: helen161969@rambler.ru)

Elena D.Kostyleva, candidate of law, associate Professor senior researcher of the direction constitutional and legal studies Center for justice research Russian state University of justice, Moscow, Russia.

(E-mail: helen161969@rambler.ru).

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Vladimir V. Kulakov, Doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia. (E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Курбатов Алексей Янович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Alexey Ya.Kurbatov, doctor of law, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Курчина Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, нотариус Белгородского нотариального округа Белгородской области, Белгород.
(E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Anastasya S. Kurchina – candidate of legal sciences, private notary, Belgorod, Russia. (E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»; профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Anatoly N. Levushkin, doctor of law, professor, professor of the Department of business and corporate law of the Moscow state law University after O.E. Kutafin (MSLA); professor of civil law Department Russian state University of justice, Moscow. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Назаренко Геннадий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго– Западный госуниверситет»

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, FGBOU HE "South– Western State University"

Никифоров Вадим Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории государства и права и международного права АНОВО «Московский международный университет»

Nikiforov Vadim Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History, Theory of State and Law and International Law ANOVO "Moscow International University"

Омелин Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Viktor N. Omelin– doctor of law, professor, Moscow
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Оспенников Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон.

(E-mail: desmandado@yandex.ru).

Yuri V. Ospennikov, doctor of law, professor of the Department of Philosophy

and History, Federal state-financed educational institution of higher education “Kherson State Pedagogical University”, Kherson.
(E– mail: desmandado@yandex.ru).

Павликов Сергей Герасимович – доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Sergey G. Pavlikov, doctor of law, professor, head of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Попова Наталия Федоровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: nfropova51@mail.ru).

Natalia F. Popova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: nfropova51@mail.ru).

Рожнов Артемий Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: roartan@mail.ru).

Artemi A. Rozhnov, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: roartan@mail.ru).

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Vladimir E. Rubanik, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва.
(E– mail: gumer@bk.ru).

Gulnara F. Ruchkina, Doctor of law, professor, Dean of the faculty of law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.
(E– mail: gumer@bk.ru).

Степаненко Юрий Викторович, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия.
E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Yuri V. Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNIИ MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: stepanenko.50@mail.ru)

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)». (E-mail: svetsuslova@yandex.ru).

Svetlana I. Suslova, Doctor of Law, Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk, Russia.
(E-mail: svetsuslova@yandex.ru).

Ульянова Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва
(E-mail: maryulianova14@gmail.com).

Marina V. Ulianova, Associate professor, candidate of legal sciences, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: maryulianova14@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Лоренцо Меццасома — Председатель совета — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Председатель Центра правовых исследований о правах потребителей, Италия

Lorenzo Mezzasoma — Chairman of the International editorial board — Doctor, Professor of Civil Law, University of Perugia, Italy, Chair of the Centre of Law Studies on Consumer Rights (E-mail: mezzalor@unipg.it)

Федерика Маццасетта — Заместитель Председателя — доктор юридических наук, профессор Университета Камерино, Адъюнкт— профессор Университета Перуджа, Италия

Federica Mazzasette, Doctorate in Civil Law at Università degli Studi di Camerino, Professor of civil law of the University of Camerino, Adjunct Professor of the University of Perugia — Deputy Chairman of the International advice to the editorial staff (E-mail: federica.mazzasette@libero.it)

Джакомо Понгелли — Научный редактор — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Италия

Giacomo Pongelli, doctor of law, Professor, University of Perugia, Italy — Scientific editor (E-mail: giacomo.pongelli@studioalbinacandian.it)

Джанмарко Чифальди, профессор, Университет им. Д'Аннунцио, город Пескара, Италия

Gianmarco Cifaldi, Professor at the University D'Annunzio in Pescara, Italy
(E-mail: cifaldi@gmail.com)

Франческо Риццо, доцент кафедры гражданского права, Университет Камерино, Италия

Francesco Rizzo, Doctor. Professor of Civil Law, University of Camerino, Italy
(E-mail: francesco.rizzo@unicam.it)

Джованни Берти де Маринис, адвокат, Италия

Giovanni Berti De Marinis, the Lawyer, Italy (tel: 328 3887795,
E-mail: gibertidemarinis@libero.it)

Августин Луна Серрано, доктор, профессор, Университет Барселоны, Почетный Член Ассоциации юристов Барселоны, Испания

Agustin Luna Serrano, PhD, Professor University of Barcelona, Honorary Member of the Bar Association of Barcelona, Spain (Pedralbes 71 Barcelona, Barcelona 08035 Spain; agustineluna@albacarclusa.com)

Евгению Лямас Помпо, Доктор права, Профессор Университет Саламанки, Испания Llamas Pombo Eugenio, Doctor of law, Full Professor, University of Salamanca, Spain (E-mail: ellamas@usal.es)

Доктор Хавьер Перес– Серрабона Гонсалес, Доктор права, Профессор коммерческого права, кафедра коммерческого права, Факультет права Университета Гранады, Испания, Гранада

Dr. Javier Pérez– Serrabona González, Doctor of law, Professor of commercial law, Department of commercial law, Faculty of law of the University of Granada, Spain, Granada (E-mail: jpsgonzalez@ugr.es)

Чирич Александр, доктор юридических наук, профессор, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Aleksandar Ćirić, doctor of law, Professor, Faculty of law, Full professor for International Trade Law, Dean of the Faculty of Law, University of Nis Republic Serbia (E-mail: aciric@prafak.ni.ac.yu)

Деян Вучетич, доктор юридических наук, доцент, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Dejan Vučetić, doctor of law, Professor, Faculty of law, University of Nis, Serbia (E-mail: dvucetic@prafak.ni.ac.rs)

Петер Поташ, доктор права, доктор философии, декан юридического факультета Панъевропейского университета, Братислава, Словакия. Doc. JU Dr. (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Peter Potasch, PhD, Dean of the Faculty of law of the Pan– European University, Bratislava, Slovakia (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Сведения для авторов

Журнал «Современный Юрист» принимает к публикации авторские статьи, соответствующие тематическим направлениям и научному уровню журнала.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Содержание статьи должно обладать определенной новизной и носить научный характер.

Рукопись статьи представляется в редакцию в электронном виде по E-mail или на диске в формате Word для Windows (или в виде распечатки в двух экземплярах). Рукопись на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи в электронном формате. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант рукописи.

Объем рукописи не должен, как правило, превышать 1 печатного листа, т.е. 40 тыс. знаков или 22–23 машинописных страниц, напечатанных через 2 интервала, включая таблицы и графический материал. В отдельных случаях по решению редакции могут публиковаться статьи и большего объема.

К статье прилагается аннотация и перечень ключевых слов на русском и на английском языке.

Таблицы в тексте или приложения к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы и т.д.) должны иметь порядковый номер и названия, на каждую иллюстрацию в тексте статьи должна быть ссылка.

В конце статьи приводится список литературы на русском и на английском языке в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Нумерация источников в списке литературы должна соответствовать очередности ссылок в тексте. Ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и страницы работы, например, [18, с.35].

К рукописи прилагаются сведения об авторе (ах) с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени и звания, должности и места работы на русском и английском языке, и контактная информация (и/или E-mail).

Распечатка рукописи должна быть подписана авторами с указанием даты ее отправки.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редакцией по результатам научной экспертизы.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений. Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с позицией редакции журнала.

Уважаемые коллеги!

Инновационный Центр прикладных научных исследований «РИМ Университет» приглашает Вас принять участие в международных научных конференциях с дистанционным участием, проводимых ежемесячно с публикацией статьи в Международном научном журнале «Современный Юрист», включенном в систему РИНЦ и перечень ВАК

**1. Международная научно– практическая конференция
«Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее»
International Scientific and Practical Conference:
«Intellectual property: a look into the future »**

Дата проведения: 25– 26 октября 2024 г.
Материалы принимаются до 10 октября 2024 г.

**2. Международная научно– практическая конференция
«Реформирование жилищного законодательства: миф или реальность»
International Scientific and Practical Conference:
«Housing law reform: myth or reality »**

Дата проведения: 22– 23 ноября 2024 г.
Материалы принимаются до 01 ноября 2024 г.

Просьба участников присылать свои материалы исследований, тезисы докладов и научные статьи, оформленные в соответствии с требованиями, на электронную почту: rimuniver@gmail.com
Стоимость публикации: 980 рублей 1 страница формат А 4. Минимальный объем статьи 10 страниц, тезисы 3 страницы.

Оплата производится в любом банке или в (ПАО) «ТКБ»

Реквизиты: рас/счет 40703810720100000019 в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО)

Банк получателя: «ТКБ» (ПАО) город Москва
БИК 044525388 корп./счет 30101810800000000388,
ИНН 7716845146, КПП 771801001

Получатель: АНО ВО «РИМ Университет»,
ОГРН 1177700001489 ОКВЭД 85.22

Заявки на участие в Международной научно– практической конференции принимаются по адресу: rimuniver@gmail.com

Условия публикации и требования к оформлению статьи размещены на сайте издательства: <http://www.rimuniver.ru>

Оплатить подписку на журнал можно в любом отделении
Сберегательного банка, используя купон для оплаты ф. № ПД– 4
По вопросам оформления обращайтесь на сайт: <http://www.rimuniver.ru>
E– mail: rimuniver@gmail.com

Извещение	<p>«РИМ Университет» Форма № ПД– 4</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388</p> <hr/> <p>БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2024 г.</p> <hr/> <p>Подписчик:</p> <hr/> <p>(наименование платежа)</p>
Кассир	<p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп.</p> <p>Плательщик (подпись) _____</p>
Квитанция	<p>«РИМ Университет»</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388</p> <hr/> <p>БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2024 г.</p> <hr/> <p>Подписчик:</p> <hr/> <p>(наименование платежа)</p>
Кассир	<p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп.</p> <p>Плательщик (подпись) _____</p>

Приобретение журнала в 2024 году

Заказ журнала	Стоимость, руб.		Способ оплаты
	1 экз.	4 экз.	
Журнал (печатная копия): по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания № 41272; в редакции журнала: – по почте: 129347 город Москва, ул. Лосевская дом 7, корпус 1 («РИМ Университет», Шакер И.Е.) – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	980	3800	Оплата в почтовых отделениях по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс № 41272 Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Журнал (pdf– file): в редакцию журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	380	1900	Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Отдельная статья (pdf– file): в редакции журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	180		Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика

Авторы могут приобрести журнал в количестве 4 экземпляров по льготной цене 1800 руб. или меньшее количество по обычной цене. Электронную версию (pdf– file) авторы получают бесплатно на свой адрес электронной почты.

**Издательство: «РИМ Университет»
Главный редактор Степаненко Ю.В.
Зам. главного редактора Куприянова Л.М.**

Адрес редакции
107564 город Москва,
ул. Краснобогатырская 38,
стр. 2, каб. 316
Тел. 8 (905) 546– 82– 38.
Адрес в Internet: www.rimuniver.ru
E– mail: rimuniver@gmail.com

При перепечатке материалов ссылка
на журнал Современный Юрист
обязательна

**Издание зарегистрировано в Министерстве
Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций**
30 ноября 2011 г. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий (ВАК),**
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:
Решение Президиума ВАК от 01.12. 2015 № 13– 6518
<http://perechen.vak2.ed.gov.ru>. (ред. 01.02.2022 года).

Журнал включен в НЭБ
Российский индекс цитирования (РИНЦ)

Отпечатано в типографии ООО «Телер»
125130, Москва, ул. Клары Цеткин д.28
Тел.: (495) 937– 8664

Формат 70x108/16
Бумага офсетная обрезная
Подписано в печать 12.06.2024
Усл.печ. л. 8,5 Тираж 980 экз. Заказ № ПЖ– 38